K97 02/15
T.3

К 97 22/15

Труды
по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды.

Ред. Комиссия; Пред. Исполкома Каб.-Б. Авт. Обл. Б. Э. Калмыков,
В. С. Муромцев, проф. А. Н. Минин.

ТОМ III.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ КАБАРДЫ.

Издание Обл. Исп. Ком. Кабардино-Балкарской Авт. Области
ВОРОНЕЖ 1929 г.

К 97 02/15

Труды
по естественно-историческому и экономическому
обследованию Кабарды.

Ред. Комиссия; Пред. Исполкома Каб.-Б. Авт. Обл. Б. Э. Калмыков,
В. С. Муромцев, проф. А. Н. Минин.

В. Полевая.

ТОМ III.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
И ПРОМЫСЛЫ КАБАРДЫ.

1550/4

Издание Обл. Исп. Ком. Кабардино-Балкарской Авт. Области
ВОРОНЕЖ 1929 г.

Типография изд. „Коммуна“.

Обллит № 2828 Тираж 1100 экз.

Зак. № 1482.

Воронеж, Пр. Революции, 21.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 4734
„13“ VII 1934 г.
М

Оглавление.

Стр.

. П. Пожидаев. **Хозяйственный быт Кабарды** . . 5—105

Введение 5
Обитатели Кабарды и их происхождение 9
Легенды и сказки кабардинцев о самих себе . . . 10
Исторические сведения о черкесах 13
Археологические данные и древнейший быт адыге . 15
Скотоводство на Северном Кавказе, его давность и система 17
Летние пастбища. Скотопрогон 20
Кадр пастухов 25
Тавро и тавренье 36
Овцеводство 38
Крупный рогатый скот 43
Коневодство 46
Пчеловодство 61
Оседлость и земледелие 64
Огородничество и садоводство 75
Промыслы 79
Политический и территориальный расцвет адыге . . 85
Раскрепощение 93
Образование и судьбы частного землевладения . . . 96
Землепользование. Экстенсивность и архаичность его. 99
Заключение 103
Источники и пособия 105

В. П. Христианович. **Сельско-хозяйственные районы Кабарды** . . . . . 107—318

Предисловие 109
Введение 111

Условия сельского хозяйства. 119—146

Географическое положение Кабарды и величина территории 119
Рельеф, климат, почвы и леса 120
Соотношение угодий, плотность сельского населения и промысловость населения 128
Плотность населения 143

Полеводство. 147—219

Рост посевной площади и обеспеченность едоков посевами 147
Сложение полевых культур 154
Эволюция залежи, толока, пары, чередование культур 167
Порядок полевых работ 174
Густота высева 179
Урожаи 182
Периодичность урожаев 185
Районы урожайности 194
Садоводство 206
Огородничество 216

Животноводство. 220—269

Рабочий скот 221
Крупный рогатый скот 223
Коневодство . . . . . 131—235
Овцеводство 259

Интегральные районы. 270—300

Характеристика районов

Северо-западный предгорный безлесный . . 274
Многолесный центральный предгорный . . 276
Юго-восточный район предгорий 282
Предлесный 284
Степной 286
Малая Кабарда 287

Важнейшие мероприятия по под'ему сельского хозяйства. 300—318

В. П. ПОЖИДАЕВ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ КАБАРДЫ.

(Историко-этнографический очерк).

Введение.

О Кабарде и черкесах имеется довольно обширная литература, как на русском, так и на европейских языках. Однако, работы эти (имею в виду русских авторов), являясь в большинстве случаев или наблюдениями военных людей—дворян и помещиков, или беглыми заметками праздных туристов, опять таки наиболее богатых помещиков, привлеченных на Кавказ оригинальностью и красотой его природы и жителей, носили особый специфический, я бы сказал, классовый характер. Вот почему при всей своей разнородности эти заметки, в большинстве случаев, были довольно однородны. Считая себя прежде всего военными и рыцарями, для которых часто война на Кавказе была благородным спортом, они и видели и описывали прежде всего внешнюю лицевую сторону этого народа. Одни из них—*Артемий Волынский, Скобелев* и др.—отмечают главным образом наездничество кавказцев, их ловкость, отвагу и неустрашимость в битвах. Другие, как барон *Сталь, Потто*—их внешний лоск и уменье держаться на людях, весь их «адыге-хабзе» (собрание обычаев—адатов), и снова отвагу и ловкость. Третьи—в большинстве случаев наши поэты и писатели,—ко всему уже сказанному—их гостеприимство и красоту их женщин (к слову сказать, которых они не видели) и т. д., и очень немногие вдумчивые наблюдатели интересовались внутренней, бытовой стороной их жизни—их хозяйственным и экономическим укладом.

Одним из первых таких наблюдателей я назову *Семена Броневского,* автора 2-х томного сочинения о Северо-Кавказских горцах (1822 год). От него мы впервые узнаем о домашнем и сельско-хозяйственном укладе кабардинцев, о земледелии и главных промыслах. Он отмечает, что скотоводство, и крупное и мелкое, ведется кабардинцами в обширных размерах. Останавливается на коневодстве и отмечает лучшие конные заводы в Кабарде, их широкую известность по Кавказу и в России и даже представляет изображения кабардинских тавр (родовых знаков собственности,

которыми клеймятся главным образом лошади). Бегло говорит о земледелии и о преобладании хлебных яровых культур, о пчеловодстве и других промыслах. Слабое место его работы—полное отсутствие цифровых данных, вследствие чего у читателя остается смутное представление о действительном положении вещей—о реальных богатствах народа.

Слегка, как бы мимоходом, 50 лет спустя, уделяет несколько строк земледелию и хлебопашеству кабардинцев *Попко*. В своем солидном труде «Терские казаки» он описывает способ запашки и засева у черкесов; о размерах этой запашки, степени урожайности и прочих подробностях сельского уклада в Кабарде наш автор не распространяется, так как это не входило в его задачи.

Несравненно больше мы находим у *Е. Максимова*. В своем очерке «Кабардинцы», помещенном в «Терском сборнике» на 1892 год, автор уделяет из 4-х глав целых три земледелию, скотоводству, а также и всему экономическому укладу насельников Кабарды. Сам по себе обстоятельный и добросовестный труд, он еще более повышается от того, что автор для наглядности сравнивает свои средние цифровые данные некоторых отделов, как например, коневодство и скотоводство, с таковыми же данными соседей Кабарды и даже с насельниками далеких областей центральной России и других районов. Слабее обстоит отдел земледелия: здесь меньше параллелей, меньше цифровых данных, и урожайность хлебов приводится только за 4 года (1888, 1889, 1890, 1891 г.г.). За отсутствием статистических данных (таковые на Кавказе появляются только с 1889 г.), автор глухо отзывается о состоянии земледелия в округе за предшествующее время, вследствие чего картина общего роста, как земледелия, так и животноводства в Кабарде, не достаточно ясна. В общем же итоге очерк *Максимова*, для своего времени, является ценным вкладом в литературу кавказоведения. Характерно для работы *Максимова* то, что, говоря о кабардинцах и их благосостоянии, он все время имеет в виду только крестьянское сословие и игнорирует узденей и их экономическое благосостояние, хотя упрекает их в бездеятельности и нетрудоспособности. Кабардинское землевладельческое сословие и по месту жительства, и по образу жизни и по умственному уровню мало чем отличалось от остальной сельской массы, а

между тем оно, это привиллегированное сословие, было главным хранителем традиций скотоводческой культуры в области и, как таковое, конечно, имело право на известное внимание. Это с одной стороны; с другой—весьма интересно было бы знать—какие ценности, какие богатства находились в описываемое время в руках этой небольшой группы привиллегированного сословия и, таким образом, уяснить себе имущественную разницу между одним и другим классом.

Еще меньше внимания уделяет земледелию и промыслам и всему сельскому хозяйству в Кабарде *Кудашев,* автор большого сочинения «Исторические сведения о Кабардинцах». Здесь, кроме отрывочных заметок, там и сям разбросанных по книге, мы ничего не найдем.

В других работах русских авторов нужного нам материала оказалось еще меньше. Из немногих иностранных авторов, оказавшихся в наших библиотеках, наиболее ценным (конечно, говоря относительно) является *Гейсонель* (имеется перевод *Е. Фелицына*,— «Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVIII в., по *Гейсонелю*»). Очень немногое удалось взять от *Палласа*, *Клапрота* и *Дюбуа* и еще меньше от других иностранных наблюдателей раннего периода.

В виду того, что настоящий очерк написан как составная часть большой работы по обследованию Кабарды, автор, будучи ограничен определенными заданиями и временем, вынужден был отказаться от многого того, что в других условиях он счел бы необходимой принадлежностью своей работы, как то—сравнительные цифровые данные, положение хозяйств за последние годы и проч. Эти вопросы освещаются в других частях работы, автор же надеется устранить эти пробелы во втором дополненном и распространенном издании настоящего сочинения.

В. ПОЖИДАЕВ.

I. Обитатели Кабарды и их происхождение.

Территория, именуемая ныне Автономной Кабардинской Областью, населена народом, который известен на С. Кавказе под именем восточных черкесов или кабардинцев. Как давно живут кабардинцы на нынешних местах, точно исторической наукой пока не установлено, но, во всяком случае, судя по народным преданиям и косвенным историческим данным, можно думать—не менее 600—700 лет.

Начало истории и происхождение кабардинского племени, как и многих народов древности, долго было покрыто глубоким непроницаемым мраком. Однако, благодаря соединенным усилиям историков, археологов и лингвистов, этот мрак постепенно рассеивается и все отчетливее перед нами вырисовываются, если не все в целом, то по крайней мере основные черты как самого народа, так и его прошлого.

Ныне окончательно установлено его племенное происхождение, и почти бесспорной считается в науке нижеследующая теория:—кабардинцы являются восточной группой племени *Адыге* и тесно чувствуют свою кровную связь с другими западными адыгейскими племенами: бесланеевцами, шапсугами, бжедухами, гатюкаями и др., и также, как и другие сплеменники, заявляют с гордостью—«Я адыге, не кабардинец, а адыге». Долгое время относительно кавказских горцев держалось мнение, что здесь—что ни ущелье, то и язык, загнанное или попавшее случайно в недра гор племя, не имевшее ничего общего с соседями, а если и допускалось какое родство, то только га́дательное (напр. у проф. *Норжезинского*, отд. о кавказских языках).

Такого суждения не избежали и племена адыге с их наречиями. Не смотря на то, что сами адыге хорошо знают и чувствуют родство своего языка с абхазским, а эти последние с грузинским языком, их упорно мыслили, в силу слабого знания кавказских языков, отдельной, как бы безродной лингвистической

группой, и только многолетнее сравнительное изучение кавказских языков профессором-академиком *Марром* окончательно установило, что как племя, так и наречие адыге является одним из звеньев многоязычной кавказской или яфитической семьи народов, к которой относится, кроме названной группы адыге, и родственный им народ абхазский, а также картвельский или грузинский (картвельская группа языков) дагестанские языки, чеченские—чеченцы, ингуши, карабулаки, тушины—и древне армянский.

II. Легенды и сказки кабардинцев о самих себе.

Все эти поэтические народные сказания, обвеянные седою стариной и тайной, при внимательном чтении и изучении можно разделить на две главных группы.

К первой относятся сказания, в которых действующие лица—в каждой народности Северного Кавказа считаются своими национальными героями—это песни про Нартов. Нарты—это богатыри, по видимости пришельцы,—далеко превосходящие обыкновенных людей, как физическими, так и умственными дарованиями. Песни про Нартов можно услышать и у чеченцев, и у ингушей, и у дигорцев, и у абхазцев и среди черкесских племен—натухайцев, кабардинцев и др.

Где секрет такой широкой популярности Нартов—историческая наука еще не разрешила,—отголосок ли это когда-то более тесного совместного сожительства племен Северного Кавказа, объединенных одной какой то народностью с могучей интеллектуальной кастой во главе, обычная ли в фольклоре бродячесть сюжетов,—вопрос остается пока открытым. Одно, что красной нитью проходит у всех народностей про этих богатырей, это то, что при всей своей силе и порой жестокости (Нарт, Сосруко, Батрас и др.), они в то же время умственно далеко превосходят окружающих и являются волшебниками и магами и учителями этих последних. Они неустрашимые наездники (смуглый Сосруко) и коневоды. Они отличные кузнецы (Курдалагон), короче—они, как приходится слышать и сейчас, «умели делать все». Такую память о них сохранили и осетины, и ингуши, и сами западные адыге (как сами себя называют черкесы), и восточные кабардинцы.

Памятники вещественные—как то: урочища, могильники, каковые указывают туземцы на берегах Черного моря, близь Нальчика в Куртатинском ущелье, около селения Лац (кладбище Нартов), и др. данные как бы подтверждают мысль о широком распространении этих загадочных культуртрегеров в среде народов Северного Кавказа.

Ко второй группе можно отнести легенды и сказки, трактующие про события и героев чисто кабардинских или адыгейских в широком понимании. К этой группе мы отнесем сказания и песни про «Бич божий»—Атиллу, про хана аварского—Байкана, про князя Кеса, богатыря Редедю и князя Темрюка и др. Некоторые из них, как например, песни про Редедю и Темрюка, близко совпадают с русскими летописями про названных лиц и являются ценными историческими вариациями на одну и ту-же тему. Из многих других легенд этого цикла наиболее известной является предание о князе Кесе и о происхождении князей Адыгейских, а вместе с тем и Кабардинских. Привожу краткое содержание этой запутанной, но очень любопытной легенды:

«Египетский князь Арапхан, вследствие неудачной войны с каким то грозным иноплеменным завоевателем (по легенде с турецким султаном), покинул со своими родичами и небольшой группой единомышленников Египет и бежал на судах в море. После долгих скитаний и схваток с врагами, он достиг берегов Крыма, где и поселился со своими земляками по р. Кабарде. После смерти Арапхана его сын Абдалхан по каким-то соображениям покинул Крым и со всем племенем переселился на Кавказ. Тамошние обитатели Адыге отнеслись к чужеземцам миролюбиво и позволили им (по преданию) поселиться в районе Суджак-Кале (недалеко от нынешнего Новороссийска). Пришельцы жили мирно и тихо.

Абдалхану наследовал его молодой сын—Кес, который долго искусно правил своей небольшой общиной. Вскоре с помощью своей дружины он подчинил себе местное население Адыге и стал их правителем и князем. Сын Кеса, а затем и внук его, оказались настолько жестокими, что вызвали восстание народных масс. Зато эта жестокость правителей об'единила и примирила пришельцев с туземцами.

Правнук Кеса, князь Инал, во многом напоминал адыгей-

ским старцам их первого князя Кеса. Опираясь частью на своих родичей и земляков, частью на преданных привиллегированных туземцев, князь Инал подавил нарастающее крестьянское волнение в стране. Для укрепления своей власти он разделил свои владения на отдельные участки и посадил управителями своих надежных людей. Они стали начальниками и судьями округов. Одинаково поставленные в тяжелые условия, далекие пришельцы окончательно растворились в туземной массе, образовав вместе один народ адыге, порабощенный воинственным дворянством. После Инала его сыновья и внуки поделили его владения между собою и положили начало многим княжеским фамилиям среди черкесов; так произошли князья Кабардинские, Бесленеевские, Гатюкаевские, Жанеевские и другие».

Эта легенда о черкесских князьях была уже известна турецким историкам. Мы впервые с нею встречаемся в оффициальном турецком летописце «*Тенги Тобарих*» (что значит—«княжеское родословие»), составленном муллою *Хусейн-Хозерфанне* в 1670—1672 годах, откуда мы ее и заимствуем вместе с *Шару-бек-Ногмовым*. Вторая, меньшая половина про князя Инала и его ближайших потомков—родоначальников черкесских князей, является устным достоянием до настоящего времени, что нам отчасти и удалось записать от сказателя кабардинской старины, древнего старца, узденя Бекмурзы К.

Не смотря на массу противоречий и других несообразностей, а также и на то, что легенда эта прошла через длительный и строгий фильтр людей, явно являющихся прежде всего хвалителями и друзьями княжеской власти у Адыге и историками только этой небольшой группы лиц, тем не менее при тщательном анализе этой легенды мы находим в ней кое-какой материал и для истории самого народа адыгейского. Первое, это то, что водворение воинственных пришельцев в чужую страну и захват власти шли насильственным путем, путем удачного завоевания (что отчасти и сохраняет устная молва). Власть оказалась в руках привиллегированного сословия, из рядов которого были судьи и начальники. Второе, это то, что народные массы долго и упорно боролись против своих эксплоататоров, не раз, не смотря на жестокую расправу, вновь вспыхивали крестьянские восстания. Третье, это то, что

завоеватели добились своей цели только силой и хитростью. Они привлекли на свою сторону часть туземцев, очевидно наиболее экономически сильных людей, и, расколов, таким образом, крестьянскую массу, взяли ее окончательно в руки и взнуздали.

Вот какое заключение можно вывести при анализе этой запутанной, туманной легенды. Легенда, написанная муллой, не дает полной картины исторических событий, она восхваляет «мудрость и храбрость» князей, но непроизвольно для автора дает красочную картину захвата власти имущим классом, недовольства и восстания крестьянства, жестокой расправы с восставшими и следующих за этим периодов реакции.

III. Исторические сведения о черкесах.

Народ кабардинский—масса извечных землеробов и пастухов—в разное время занимал разные места по плоскости Северного Кавказа, но первоначальная его родина, по сообщениям древних греков и преданиям адыге, это—площадь земли между Черным и Азовским морями, примерно от устьев Кубани до нынешнего города Туапсе. Однако, за отсутствием письма и грамоты, каких-либо письменных документов на этот счет у самих кабардинцев, как и других адыге—искать не приходится. И сведения более или менее достоверные о далеком прошлом изучаемого нами народа, с его первых сознательных шагах мы находим у чужеземцев, иногда далеко за пределами его родины,—у древних греков, грузин, у турок, арабов и в старых русских летописях. Эти сведения и отрывочны и не всегда ясны, однако, они позволяют сделать кое какие обобщения относительно предков теперешних кабардинцев, их местожительства и древности поселения на этих местах.

Древние греки, напр. *Скилакс Скореандинский, Страбон*, называли народ, населяющий Черноморское побережье между Новороссийском и Геленджиком (прежние местожительства шапсугов и натухайцев), керкетами и зихами. У древних греков и поныне не имеется звука «Ч», а посему слова иностранные со звуком «Ч» они заменяют звуком «К»; поэтому мы склонны думать, что эти зихи или керкеты и есть тот народ, который и называется теперь

и у русских и у западных европейцев—«черкесы». Греки с незапамятных времен знали названных керкетов и жили своими колониями среди них. Позднее в VI—VII в.в. по Р. Х. греки даже распространяли среди адыге христианство. Те приняли его, но сути никогда не понимали, так как богослужебные книги и вся служба в церкви совершалась на непонятном для черкесов греческом языке. Корыстные, жадные до барышей и наживы торгаши—греки только дурачили темную массу, чтобы, прикрываясь званием единоверцев, легче было эксплоатировать наивных, темных и доверчивых людей. Искреннего же желания просветить и поднять эту массу у них, греков, никогда не было, так как грамотного и развитого человека не так легко обманывать и эксплоатировать. Этим и можно об'яснить, что больше чем за 10 веков совместного сожительства греческих колоний с названным племенем—греки никак не удосужились составить для них, черкесов, азбуки.

В средине X столетия русский князь Святослав в поисках новых данников и новых пленников—рабов, которые, как известно, составляли главный предмет торговли древней Руси с греками, проник на Кавказ и, завоевав город Тьмутаракань (где-то недалеко от нынешней Тамани), обложил окрестных жителей—косогов (древнее название черкесов) данью. Эта зависимость черкесов от северных завоевателей продолжалась до начала XII столет., после чего русские летописи теряют об Тьмутаракани всякие известия. Очевидно, оторванный от своей метрополии волнами кочевников, город утратил свою независимость, и, вероятно, был разорен озлобленными и восставшими туземцами. Что это могло случиться—имеются косвенные указания в виде древне-адыгейской пословицы, которую они говорят в ссоре со своими недругами: «Там-таракай-ухуньме» — «да постигнет тебя участь Там-таракая», то есть Тьмутаракани.

Таковы смутные, отрывочные сведения о далеком прошлом адыге. Выражаясь кратко, они сводятся к следующему: давнишнее знакомство, как прибрежных племен, с древними греками и культурная подчиненность этим мореплавателям и культуртрегерам. Эта подчиненность делается особенно заметной в VI—VII в.в., когда черкесы даже принимают от греков христианство. Вместе с этим, также в глубокую старину, мы замечаем в их жизни появ-

ление другого не менее важного фактора—насильственное водворение в их среде чужеземных князей-завоевателей. Это событие было чревато крупными последствиями политического характера: именно—оно раздробило между отдельными княжескими ветвями единый адыгейский народ на множество мелких, впоследствии враждебных друг другу, племен и сделало его (народ) легкой добычей для чужеземных завоевателей, что мы и видим, хотя бы на примере русского князя Святослава, который с несколькими сотнями своих дружинников проникает в далекий край и подчиняет своей воле целую область.

IV. Археологические данные и древнейший быт адыге.

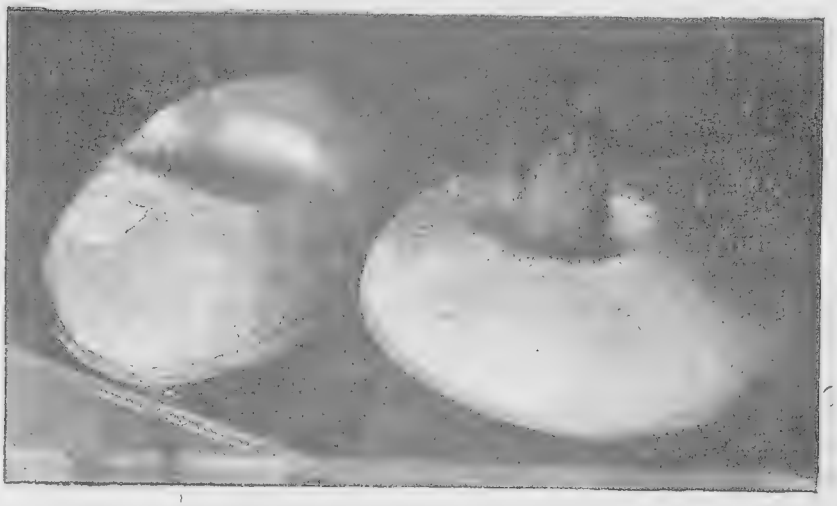
Мы видим, как в сущности мало кабардинцы знают свое политическое прошлое. Еще меньше они помнят свой древнейший быт, ту обыденную обстановку, в которой когда то жили их далекие предки по берегам Черного моря и Кубани. Но тут на помощь истории является археология и своими памятниками материальной культуры, извлеченными из могильников-курганов, рассыпанных по всей Кабарде и Черкесии (бассейн Кубани), проливает некоторый свет на эту темную и отдаленную от нас эпоху за 1000 и больше лет до нашей эры, и дает некоторую возможность представить себе и ту обстановку, в которой жил далекий предок Адыге, и его культурный облик.

В Нальчикском музее имеются весьма богатые археологические коллекции. Так, имеется целая серия каменных орудий: молотки, топоры, скребки и проч. Это необходимейшая принадлежность первобытного человека; с ними он шел и в бой и на охоту (топор и молоток), ими убивал быка, снимал шкуру (молоток и скребок). Любопытны каменные ступки, в которых перетирались драгоценные зерна хлебных злаков, собранных с крошечного поля (см. фот. на след. стран.).

Имеется утварь: посуда, горшки и проч., найденные в могильниках Нальчикского округа. Горшки грубой работы, сделанные от руки, пальцами, почему можно думать, еще до появления гончарного круга (который, как некоторые полагают, появился за 1000 лет

до Р. Х.), обжиг слабый, поливы никакой, орнамент беден—незамысловат.

В Нальчикском округе имеются археологические находки менее древние—бронзовые стрелы, копья и ножи, которые являются показателем, что и здесь на Кавказе, как и в других местах земного шара, человек от дерева, камня и кости не сразу перешел к железу, а некоторое время обходился с металлом менее



К стр. 15. Каменные ступки.

прочным и крепким, но зато более удобным и легким для ковки и литья. И эти и другие аналогичные предметы свидетельствуют что и Кавказ, как и другие страны Европы и Азии, пережил свой бронзовый век. Однако и знакомство с железом произошло очень давно, по крайней мере, около Р. Х. железо в здешних местах было не редкость; за это говорят, как предметы вооружения—стрелы, копья, ножи, так и предметы домашнего хозяйственного обихода—удила, стремена и т. п.

Рассмотренные предметы из камня, глины, бронзы и железа говорят, что уже за 1000 лет до христианской эры обитатели Кабарды и Черкесии были знакомы с различного рода ремеслами и промыслами—гончарным, каменотесным и металлическим, и пред-

метами этих промыслов насколько возможно скрашивали свою убогую и тревожную жизнь. Обилие этих вещей в могильниках (усыпальницах мертвых), свидетельствуют, что они, во-первых, твердо верили в загробную жизнь и, во-вторых, мыслили ее не иначе, как точным продолжением земной.

Правда, при отсутствии каких-либо прямых указаний не всегда можно установить, какие из этих находок—принадлежность прямых предков адыге, а какие их соседей, но при тесном долголетнем соседстве и сожительстве мы смеем думать, что разница в культуре и образе жизни соседних племен была не так уж велика. Что касается до жилищ древних обитателей этого края, то надо взглянуть на незатейливо упрощенные полу-подземные жилища—пещеры некоторых современных горцев, и мы будем иметь представление, как жили далекие предки адыге 2000—3000 лет до нашей эпохи, настолько это современное жилище примитивно и первобытно-убого.

V. Скотоводство на Северном Кавказе, его давность и система.

Помимо охоты и рыболовства, через каковые фазы прошло большинство человечества, древнейшими средствами к существованию, как для кавказского горца вообще, так и для кабардинца, в частности, были скотоводство в различных его видах и земледелие. Какой из этих видов сельского хозяйства появился на Кавказе раньше—сказать трудно. По крайней мере, на ряду с древнейшим свидетельством (*Гомер.* «Одиссея»—Миф о Полифеме) о существовании овцеводства уже у пещерного обитателя Кавказских гор—прямого каннибала, мы встречаем документы совершенно достоверные (каменные хлебные ступки), свидетельствующие о не менее древнем существовании и земледелия на Кавказе, по крайней мере, на землях, занятых адыге (так как названные каменные ступки находятся в пределах бывшей Терской и Кубанской обл.). Однако, в виду того, что скотоводство уже пережило свой золотой век (по крайней мере на Кавказе), и явно уступает свое место земледелию, мы рассмотрим сперва этот древнейший и любимейший промысел первобытного человека.

Какой вид из существующих ныне домашних животных появился прежде всего у адыге в прирученном состоянии—ответить не легко. Вероятно, и в этом отношении они пережили одинаковую судьбу с народами передней Азии и Кавказа, а фольклор, археология и история нашего края в этом вопросе согласно подтверждают друг друга. Миф *Гомера* о пещерном человеке—овцеводе и каннибале—Полифеме (который, по *Гомеру*, обитал на Черноморском побережье), а также и сказки кабардинцев и других горцев (сказка о Сыске Солсе) дают основание думать, что овца является первым и древнейшим домашним животным у кавказских аборигенов. Инвентарь и содержимое курганов и могильников в виде жертвенных костей разных животных, по преимуществу баранов, подтверждают это предположение. Но названные мифы и горские сказки наводят на мысль, что этот древнейший овцевод и сыроед, при случае, не прочь был полакомиться и человеческим мясом.

Заметки средневековых путешественников по Кавказу, а также и ранних русских «государевых послов», согласно говорят, как о многочисленности стад у адыге, так и кочевом бродячем характере их. Об этом свидетельствуют и старинные кабардинские песни и позднейшие реляции и отчеты после различного рода экспедиций в глубь Кабарды, конца 18 и начала 19 веков. Это же подтверждают и теперешние старожилы. Житель селения Кармово, глубокий старик, П. К., говоря о кабардинском хозяйстве и скотоводах прошлого времени, сообщил, что в те годы, когда селение Кармово (ныне Каменомостное) было расположено под горой Бештау (недалеко от нынешнего Пятигорска), у них на селе были отдельные скотоводы, имевшие 5000-6000 баранов и 300—400 штук рогатого скота. Были крупные скотоводы и в других аулах на прежнем поселении в Ашабове (Малка), в Бабукове (Сормакова), например, у одного из Халиловых числилось до 12.000 баранов. Но и переселившись на новые места (после 1822 г.), во время сурового и тягостного для них правления Ермолова, кабардинцы далеко не пали экономически и вплоть до начала последней империалистической войны в Кабарде насчитывались скотоводы в 3—4 тысячи баранов и 300—400 штук рогатого скота. Этот вид сельского хозяйства со всеми традициями, адатами и богатством дожил вплоть до революции 1917 г.

При таком положении вещей, конечно, невозможно обойтись без обширных пастбищ, без запасных земельных участков, куда можно было бы перегонять стада после того, как на ближайших займищах корм съеден и вытоптан. Это мы и видим в прошлом скотоводческой культуры Кабарды, которая, помимо своих юртовых аульных наделов, издавна владеет обширными участками на Золке и на предгорьях Эльбруса, а еще раньше владела и всею Моздокскою степью вплоть до Кумыкской плоскости *).

Но вернее всего о количестве и размерах этих участков дает представление историческая карта Кавказа времен Петра Великого, где займища черкесов, в частности кабардинцев, отмечены от моря и до моря. Правда, карта эта элементарна и грубо-схематична, но и другие свидетельства, как например, *Белокуров* «Сношения России с Кавказом», *Олеарий* «Путешествие через Россию и Персию» в начале 17 века, не противоречат этому **).

При такой обширности пастбищ и при умеренности Северо-Кавказских зим скот кабардинца 9—10 месяцев оставался на подножном корму, а в случае теплой благоприятной зимы и круглый год.

Теперь посмотрим, каким способом велось это скотоводство, являющееся с незапамятных времен и почти до последних дней главной основой хозяйственной жизни Кабарды.

---

*) Потеря этой степи (1763 г.) с основанием на ней крепости Моздока и целого ряда казачьих станиц и была причиной первых кровавых столкновений между русскими и кабардинцами.

**) Кочевья же одних только кабардинцев, на основании этих же документов, простирались длинной полосой от высот Эльбруса до Трехстенного городка у устья Терека. По размерам этой площади может судить читатель о размерах скотоводства у кабардинцев.

VI. Летние пастбища. Скотопрогон.

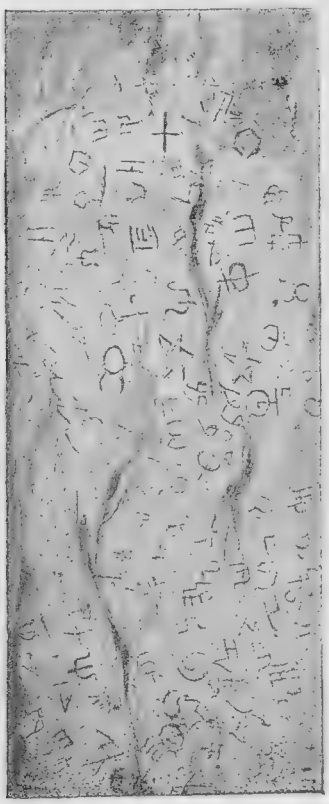
Как только показывалась первая сочная травка, что обычно совпадает с началом марта месяца (ст. стиля), скотовод выгонял свои стада из кошей и зимних стоянок на подножный корм. Юртовые (аульные) наделы и теперь, а тем более раньше, в обоих половинах Кабарды настолько были просторны, что два месяца—март и апрель—все эти тысячи и мелкого и крупного скота свободно могли довольствоваться окрест-аульными кормами. С наступлением жары, что обычно совпадает с началом мая, солнце, особенно в Малой Кабарде, начинает сильно припекать, мухи и слепни тучами вьются над стадами, жужжат над ними, жалят, и беспокоят, и не дают пастись, да и корм уже частью съеден, а больше вытоптан. Оставлять животных дольше на тех же местах—безрассудно: от жары, от мух и бескормицы скот обречен на гибель. И вот начинают готовиться к перегону скота на Золку. Выбирается ответственный распорядитель от аула „*лягупеж*", которому и вручается надзор за пастухами и за аульными стадами на все время летних кочевий.

Лягупеж полагался один на целый балаган или кош (подвижной хутор в 3000—4000 голов мелкого скота); если аул был богат скотом, то выбирался и другой и третий лягупеж, а некоторые селения, как например Кармово (Каменномостное), накануне мировой войны отправляло со своими стадами на Золку 30-40 лягупежей.

Знаменитые Золкинские пастбища, получившие свое название от небольшой реки Золки, их орошающей, также как пастбища, расположенные вокруг горы Кинжал и других отрогов Эльбруса, в недалеком прошлом скотоводческого хозяйства Кабарды играли большую роль. Будучи расположены несколько выше плоскостной Кабарды, они являлись огромным пастбищным резервом (300.000 десятин) и как раз к тому времени, когда скот и крупный и мелкий не мог оставаться на плоскостных пастбищах по причинам указанным выше, пастухи перегоняли его на новые места, где он находил не только хорошие корма, но и достаточно умеренный климат.

Оставив для нужд домашнего обихода немного молочного скота и овец и необходимое число быков для уборки урожая, остальной излишек скота—и мелкого и крупного, предварительно клейменый, трогался в путь. Каждый аул, как только был готов, отдельно выступал в путь на гористые пастбища, не дожидаясь стад и табунов другого аула.

Для прогона стад на пастбища вся Кабарда изрезана скотопрогонными тропами. Вот, например, путь следования и скорость движения стад по одной из них, самой старинной. От сел. Мисостово (Урвань), откуда, собственно, начиналась главная скотопрогонная дорога, стада двигались к р. Чегему и проходили это расстояние, примерно, в сутки; от р. Чегема до р. Баксана—тоже в сутки; от Баксана до Малкинского брода, ниже Ашабовских коюшен, тоже сутки; от Малки до Золки—сутки. Итого, при благоприятных условиях, от противоположного конца Кабарды до Золкинских пастбищ стада шли 4—5 дней. На Золке табуны и стада каждого аула занимали определенный участок и оставались на своих пастбищах обычно до последних чисел июня (ст. ст.), до конца Горячеводской ярмарки. Отсюда табуны поворачивали по левому берегу р. Малки и двигались по хребту Джинала.



Часть поверхности скалы Кунитыга.

Повыше селения Бабуково (Сармаково), стада спускались с Джинальских высот, переправлялись через Малку и двигались вверх—вдоль ее правого берега, узким проходом мимо скалы Кунитыга, на отвесном обрыве каковой каждый домохозяин и ско-

товладелец считал своим долгом вырезать ножем или гвоздем тавро своего табуна, почему вся отвесная скала ныне от верху до низу на протяжении нескольких десятков аршин исписана и изрезана целыми сотнями фамильных знаков, являясь живым свидетелем, как большого числа скотоводов, так и высокой хозяйственности и зажиточности кабардинского народа, вернее, его привиллегированных сословий (см. фотогр. на 21 стр.).

После генеральной размежевки 1889 г. скотопрогонная тропа была частично видоизменена. Вследствие тесноты и узости Бабуковского прохода (не более 6 аршин), особенно ощущаемых во время массового движения крупного и мелкого скота, когда он целые сутки двигался непрерывным потоком, создавая невероятную тесноту и давку и совершенно прекращая всякое другое движение, названный проход был оставлен, и от Золки по Джиналу стада не сворачивали к Бабуковскому проходу, а двигались вверх дальше до сел. Кармова. Здесь с высот Джинала скотопрогон спускается к реке Малке, как раз у слияния ее с рекой Кич-Малкой, у самого аула Кармово.

С. Кармово, над ним хребет Джинал: белый зигзаг направо— скотопрогонная тропа.

Селение Кармово является узлом двух скотопрогонных дорог для стад, идущих на правый берег р. Малки, и для стад, идущих на левый ее берег. Перебравшись на правый берег названной реки, стада от Кармово подымаются вверх на высоты Хаймаша, откуда на гору Кермон, вдоль левого берега реки Кертмен и правого берега реки Гедмыш, отсюда скотопрогон идет на гору Кинжал, где стада и расходятся по своим участкам и пастбищам.

Мы провели один примерный маршрут; для стад других аулов естественно существуют и другие маршруты, которые подробно описаны в других частях этой работы.

Таковы были эти заповедные пастбища для стад кабардинского народа. Здесь в старые годы на прохладных и тучных предгорьях величавой горы собиралось иногда 800-900 тысяч голов мелкого скота и сотни тысяч крупного скота и лошадей. Тут было все богатство и все благосостояние свободной скотоводческой Кабарды.

Но лето проходит, близится сентябрь месяц, наступают туманы, дожди и заморозки, скот мокнет и дрогнет... А там, внизу, на плоскости—там еще тепло и солнце, в садах зреют груши и яблоки, колышется и желтеет кукуруза на полях; после первых осенних дождей зазеленели скошенные уже однажды луга и отрасли травы на юртовых пастбищах. И вот бесчисленные стада снимаются с еще недавно привольных, а теперь унылых и дождливых мест и медленно теми же путями начинают спускаться вниз—к теплу и солнцу. Еще раз они пересекают отдохнувшее Зольское пастбище и, побродив тут и подкормившись две-три недели, к 1-му октября возвращаются домой. Здесь стада пасутся частью по юртовым наделам, частью на заарендованных у казаков участках отавы, вплоть до первого снега, т. е. приблизительно до ноября месяца, после чего скот размещается по зимним хуторам и кошам и становится, если зима глубокая и снежная, на сухое сено.

Таковы те пути и броды, которыми проходят кабардинские стада в поисках хороших пастбищ, удобных водопоев, прохладных стоянок. Названные пути не легки и надо только взглянуть на карту скотопрогонов—на эти удивительные зигзаги, кривые и

петли, на эти «удобные броды», чтобы понять, что не дешевой ценой достается кабардинцу-скотоводу его подвижное, хлопотливое и в то же время хрупкое благосостояние. Правда, благодаря таким перегонам, ядро его благосостояния, основной капитал в скоте, как правило, оставался в целости, но проценты на этот капитал расли очень медленно и прихотливо, слишком много расходовалось на предвиденные и непредвиденные случайности. Помимо законной и необходимой платы пастухам (8-10%), много скота отставало и гибло, особенно молодняка, от длинных и утомительных перегонов, много тонуло при переходе через броды, падало от жары, от бескормицы (а в горах, случалось, и от холода), и, наконец, кабардинец-скотовод был совершенно беспомощен перед различного рода стихийными явлениями, как засуха, эпизоотии и прочее.

Вот внешняя картина скотоводческой культуры в Кабарде. Как всякий хозяйственный и жизненный фактор, он продиктован самой жизнью, он—ее порождение. А образ жизни, изначальная культура—диктовались географическими условиями. И первобытный человек, близко стоявший к природе, умел наблюдать законы и требования этой природы и быстро и согласно на всех широтах и долготах применялся к ним. И описанное выше явление (кочевое хозяйство) мы видим и по ту сторону Кавказа—кочевое хозяйство у курдов и горных татар Эриванской губернии; это мы видим и в культурной Швейцарии на сочных высотах Монблана и Санта-Роза.

О внутренней и хозяйственной стороне каждого вида скотоводства скажем отдельно.

VII. Кадр пастухов.

При описанном способе скотоводства обойтись без пастуха-овчара и опытного табунщика было бы затруднительно; и хороший толковый работник при стаде являлся необходимой принадлежностью всякого зажиточного кабардинца-скотовода. Однако, положение и труд пастуха в хозяйственном обиходе адыге были настолько заметны и значительны, что я остановлюсь на этом «представителе аульного пролетариата» несколько подробнее.

В соответствии со сложностью кочевого хозяйства и с установившимися веками обычаями, контингент этого пролетариата довольно многочисленен и разнообразен.

М е л ю х о. Как только кончалась зимняя стоянка и приближалось время выгонять стада на подножный корм,—овцевод начинал приглядывать себе пастуха. Предпочитался пастух степенный, расторопный, средних лет, но за отсутствием такового брали и молодого парня.

Крупные овцеводы, имевшие 400 и более баранов, нанимали пастуха на круглый год—с апреля и до апреля; мелкие хозяева—только на пастбищный период, обычно от 1-го апреля до 15 сентября и позднее.

На одну „палку“, по-кабардински «тлякоубыт» (техническое выражение, означающее количество овец, с каковым мог управиться один пастух со своею палкой-ярлыгой), то-есть на 300—400 штук баранты, полагался один пастух-овчар—мелюхо, а на помощь ему иногда еще и мальчик-подпасок. Наем и выбор пастуха мелкими овцеводами обычно производился таким образом: какой-нибудь небогатый хозяин, которому не предвиделось на лето ничего более выгодного, заручившись сочувствием и поддержкой соседей, об'являл себя по своему кварталу «палкой». Это значило следующее: находя невыгодным для себя гнать на летние пастбища только своих баранов (каких-нибудь 30-40 штук), он начинал принимать в свою отару и под свою ответственность овец от других домохозяев, таких же мелких овцеводов, как и он сам. Когда набиралось стадо в 300-400 голов, «палка» считалась полной и

желающий сдать своих овец на лето должен был итти к другому пастуху, «палка» которого еще не закончена.

Годовая плата расторопному пастуху была не одинакова и колебалась в зависимости от качеств пастуха и величины стада. Например, у зажиточного скотовода М., жителя сел. Мисостово (Урвань), годовая плата пастуху, по его словам, была такова: 1) полная обмундировка от головы до ног: две смены белья и шаровары, бешмет, черкеска, папаха, чувяки, полушубок и бурка; 2) полный хозяйский харч, если он дома, или мука и соль, если он на кочевке, а к этому еще и мясное довольствие в следующих цифрах: пять барашков, плюс один на случайного гостя в лето со 100 штук, итого с 400 шт.—24 барашка; это называлось «золуконыш», то-есть питание на Золке; во время стояния на зимних кошах-хуторах—резалось в засол по 1 барану на пастуха со 100 штук и 1 на гостя—это называлось «отар-ныш», то-есть хуторское питание; 3) перед уходом на Золку пастуху (мелюхо) полагался для семьи один барашек весною, один осенью после возвращения и один зимой; 4) за свой труд, помимо указанного, он получал за 300-400 баранов—15 молодых барашков. Таково было нормальное годовое содержание ответственного пастуха у хороших хозяев. Молодой подпасок, если он имелся, получал обычно, помимо одежды, половинную плату против мелюхо.

Для сборной отары, где пайщики были нередко хозяева 30-20 и даже 10 овец, плата пастуху была не столь щедрая, да и нанимали его не на весь год, а всего на 4—5 месяцев. Тогда вознаграждение колебалось примерно в таких рамках: в селении Куденетово 1-е (Чегем I), где пастуха (мелюхо) нанимали с 1 мая по 15 сентября, плата была, по словам лягупежа, такова: на питание со 100 штук—полтора пуда пшена, 5 пудов соли, 5 барашков и одного на случайного гостя, всего 6 шт. со 100 голов; на уплату арендатору Баксанского моста 2 барана с балагана и прямое вознаграждение—10 коп. с головы. В селении Хату-Анзорово (Стар. Урух) пастуха для сборной отары нанимали также на один сезон—с 1-го апреля по 15-е сентября. По словам аульного лягупежа, здесь денежное вознаграждение было таково: 10 коп. с головы, если меньше 20 баранов, а, если больше, еще и пуд соли; на мясное питание с «палки» полагалось (палка тут считалась

300 голов) по договору 6-7 баранов; это называлось «пышуго», что значит очередной барашек.

М е л ь-т у х о. Для кочкаров (баранов-производителей) сборного стада также полагался отдельный пастух—мель-тухо. Его нанимали хозяева кочкаров за особую плату. В некоторых селениях Б. Кабарды, по словам лягупежа К. М., плата за пастбищный сезон—вся осенняя стрижка кочкаров. Полагая обычное стадо кочкаров 300-400 голов, а вес руна с доброго барана—3-5 фунтов в среднем, мы имеем плату мель-тухо натурой 1500-2000 фунтов шерсти.

В селении Куденетово 1-е (Чегем I) мель-тухо за свой труд, с 1-го июня по 12 ноября, получал всю шерсть и по одному барану с каждой палки в данном балагане.

В селении Кармово (Каменномостное) мель-тухо получал всю осеннюю стрижку с баранов и по одному барану от каждого пайщика стада.

М е л ю х о-п х л и р. Должность караульщика—ночного сторожа—пастухи иногда выполняют сами поочередно, но чаще нанимают ночного сторожа—мелюхо-пхлир. Его обязанность несложна: днем он спит, ночью бодрствует—караулит отару. За свой труд этот ночной пастух получает харчи из общего котла и по барану с каждой палки. Должность кашевара (пшаба) на кочевьях исполняют поочередно сами же пастухи. Едят горячее 2 раза в день—в обед и ужин.

Л я г у п е ж. 3000-4000 баранов, как я уже сказал выше, составляют один «кош» или балаган (подвижной хутор) и занимают на летних пастбищах на Золке и других местах отдельный участок, а пастухи балагана в своей внутренней жизни представляют небольшую общину. Для порядка и единства действий пастухи коша, обычно 8-10 человек, иногда и больше, выбирали из своей среды, чаще всего наиболее опытного пастуха, ответственным распорядителем—лягупежем.

Наем и выбор лягупежа своим характером напоминает выбор «палки». Владелец целого стада баранты (300-400 голов), решивший и лето остаться при своем стаде, об'являет себя лягупежем. Это означает, что он организует летний «кош» и принимает пастухов под свою ответственность и руководство. Если кандидат

подходящий опытностью и характером, «палки» идут к претенденту и заявляют о своей готовности быть под его началом, и «кош» быстро заполняется. Но если кандидат не пользуется достаточным весом и уважением среди одноаульцев, то случалось, он не находил себе товарищей и к большому конфузу шел на Золку лягупежем только собственного стада.

Тип лягупежа.

Должность лягупежа очень серьезна и ответственна: всегда на коне, он об'езжает стада своего балагана, следит за порядком на бродах и водопоях, подтягивает пастухов, наблюдая за их исполнительностью, хлопочет о новых пастбищах и он же является посредником в случае расчетных недоразумений между хозяином и пастухом. Для нужд балагана лягупеж, обычно за свой счет, снаряжал арбу и предоставлял свой медный котел, откуда и его название—лягупеж (лягуп—значит котел); лягупеж—буквальный перевод—распорядитель котла.

Плата ему, как и пастухам, была неодинакова. За свой личный труд, напр. в с. Куденетово 1-е (Чегем I), лягупеж получал, как одна «палка» (палка здесь 400 баранов), а за предоставление арбы, котла и собак он мог держать на коше еще 300 баранов, не платя за них денежной платы, а неся расходы только на «золуко-ныш». В сел. Хату-Анзорово (Стар. Урух), по словам лягупежа К., как за свой труд, так и за доставку арбы и котла он ничего не получал, но зато хозяева-пастухи бесплатно пасли его баранту, каковая у него насчитывалась под конец службы—1000 голов. В некоторых аулах лягупеж за свой летний труд получал 50 рублей деньгами и, кроме того, с 500 баранов по 6 штук с сотни—итого с 500—30 штук; кроме того, ему предоставлялось право распоряжаться салом с летних харчей пастухов.

В придачу, в конце летнего сезона, когда баранта разбиралась по зимним кошам, лягупеж получал «нахтабу»—магарыч от мельтухо—добрую лошадь или стоимость ее. В других селениях этот «пахтабу» был меньше—мельтухо давали лягупежу 15 рублей деньгами; но и сам лягупеж не был свободен от этого «нахтабу» по отношению к своим товарищам и, при прибытии отары на Золку, он резал пастухам хорошего барана; этот баран назывался «лягуп-цада», что значит подарок лягупежа. По возвращении с летних пастбищ во время стрижки кочкаров подобный же магарыч—нахтабу—мельтухо ставили и своим товарищам по балагану—мелюхо, за их помощь при стрижке кочкаров: варили бузу с медом, готовили «халива» (пироги с сыром) по одному на каждого, варили по одной курице, пекли «жемухо»—сырники с маслом. Этот пир у пастухов продолжался иногда 2—3 дня; так как он обычно совпадал с осенней стрижкой, то назывался «цишуххо», что значит осенняя стрижка.

Из сказанного видим, что выше всего ценился труд мельтухо (пастуха кочкаров-производителей). Даже за вычетом магарычей—пастухам и лягупежу, его заработок (1500-2000 ф. шерсти и 10-12 баранов) все-таки не спускался ниже 200-250 рублей. Значительно ниже ценилась работа мелюхо—рядового пастуха-овчара: за свою летнюю работу, обычно, он получал на руки не больше 30-40 рублей деньгами, да 10-12 молодых барашков, что приблизительно равнялось тоже 20-30 руб.; а всего он получал за

свой летний труд, за 5-6 месяцев—50-60 р. или 10 р. в месяц. Еще меньше платили ночному сторожу—мелюхо-пхлир: помимо харчей из общего котла, он получал 10-12 барашков и больше ничего. Переводя это на деньги, мы получаем 20-25 руб. или 5 руб. в месяц.

В особых условиях находился лягупеж. Считаясь также в числе пастухов, он, однако, и по своему заработку и правовому положению скорее был приказчик, доверенное лицо общества или отдельного квартала, чаще же главным пайщиком летнего «коша», в котором нередко добрую долю составляли его собственные стада овец (например, лягупеж селения Хату-Анзорово, К., на летнем коше в 3000 баранов имел своих 1000 голов). При таком положении вещей для него было прямым расчетом в течение всего лета находиться при своем стаде. Поэтому нас и не должно удивлять, что за свою нелегкую, ответственную работу в должности лягупежа он со всякого рода вознаграждением за аренду коша, котла и собак и с обязательным подарком от мель-тухо—получал 120—150 руб.; это была для него чистая прибыль от летнего надзора за своими и попутно за чужими стадами.

Таковы были экономическое положение пастухов-мелюхо и их товарищеские взаимоотношения. Никаких расписок в приеме овец от пастуха сборной отары не полагалось, потому что безграмотность была с обеих сторон абсолютная. Вместо расписки, хозяин отары брал белую выструганную палочку в 3—4 вершка длины и делал на ней понятное для обеих сторон усло-

Бирка—„пха-ибза".

вное число пометок-зазубрин; на конце вырезывал свое тавро и, расщепив эту бирку-памятку, называемую «пха-ибза» пополам,—одну половину оставлял себе, а другую отдавал пастуху, который и берег ее, как оправдательный документ. Лягупеж, принимая в свой кош «палку», брал от него «пха-ибзу» и отмечал ее резы у себя на своей большой бирке («пха-ибза» лягупежа), а мелкие палочки-памятки возвращал пастухам. Осенью при раз-

бивке стад, хозяин пред'являл свою половину мелюхо, тот возвращал свою, половинки складывались, документ восстанавливался, и пастух возвращал следуемое количество баранты. Такова была форма для деловых обязательств и контрактов у скотоводов с пастухами баранты, и рогатого скота, и лошадей.

Пастухи рогатого скота также нанимались на разные сроки, смотря по надобности,—у крупного богатого скотовода они оставались круглый год, у хозяев сборного стада—на пастбищный сезон. На попечение одного пастуха сдавалось обычно от 100 до 200 голов всякого возраста без телят. Для такого стада у хорошего единоличного хозяина полагалось, по словам К. М., три человека работников.

А х о—собственно пастух. В с. Мисостово годовая плата ему приравнивалась к плате мелюхо, т. е. он получал тоже полную обмундировку и приблизительно столько же на мясное довольствие, но жалованье свое он получал телятами, не менее 15—20 шт. Кроме этого, после Золки, в горах, он брал от коров весь удой вплоть до возвращения их на плоскость. По возвращении на юртовые пастбища, если зима была не очень снежная, рогатый скот даже у зажиточного скотовода, долго еще оставался на подножном корму под надзором одного или нескольких пастухов. Если же сразу падал глубокий снег, то и крупный и мелкий скот приходилось загонять на зимний «баз», и тут работник и пастух делался еще нужнее: он задавал корм скотине, гонял на водопой, случалось, чистил баз, если уж слишком много накоплялось навоза.

Ж е м ы ш—дояльщик коров. Плата ему выражалась обычно определенным процентом надоенного молока. В селении Мисостово, например, он брал удой от 9-й коровы, и, кроме этого, получал в лето пару белья, штаны, бурку или количество шерсти, необходимое для бурки (не менее 15 фунтов), бешмет и пропитание из общего котла. Плата пастуху сборного стада, уходящего на Золку, также колебалась в зависимости от достоинства пастуха, срока найма и др. причин. В том же Мисостове плата ему, примерно, приравнивалась к плате пастуха сборной отары, каковую плату он получал деньгами или телятами. В с. Куденетово 1-е ему платили 1 р. 50 к. с головы за пастбищный период —итого с 200 голов за летний сезон около 300 рублей. Обычно эта плата делилась между двумя товарищами пастухами.

К о ж е-а х о—летний пастух аульного стада. Этот общественный работник всегда был у женщин-туземок предметом особых забот и попечений. Нормальной летней платой ему считалось, во-первых—удой 1 дня с каждой коровы, во-вторых—25 молодых телят за его летний труд, что в переводе на довоенный рубль равнялось не менее 250—300 рублей. Харчился он поочередно у каждого домохозяина, но квартировал в одном определенном месте, чтобы всякая хозяйка знала, в случае надобности, где его найти.

Вдумываясь в эти цифровые данные по оплате пастухов рогатого скота, мы замечаем, что здесь вознаграждение за летний труд наймита ближе к удовлетворительному: правда, оно не подымается выше 250 рублей, но и не спускается ниже 150 руб.

Переходим теперь к коневодству, при котором роль табунщиков-пастухов несравненно значительнее.

Ш и б з-а х о, что значит пастух-табунщик; это хозяйский глаз, это верный работник на своем трудном посту. Его опыту и добросовестности вручалось лучшее достояние хозяина—табуны кабардинских скакунов, этой гордости княжеских и уздельских фамилий,—и хороший, отважный табунщик высоко ценился опытными коневодами. За свой труд, также как и мелюхо, он получал от хозяина всю обмундировку и жалованье натурой—от 25 до 50 штук жеребят, а, кроме этого, в добавление платы—подарки от хозяина.

Ш и б з-а х о-л я г у п е ж. Ответственным распорядителем за весь табун в 200, иногда 300 маток, и за его целость считался старший среди табунщиков (каковых на большой табун бывало 10 и 12 человек)—шибз-ахо-лягупеж, что значит—лягупеж коней. Если табун принадлежал частному лицу, то таковым табунщиком-распорядителем делался, как правило, сам хозяин; если это был сборный табун, то шибз-ахо-лягупеж выбирался табунщиками из своей среды, и обычно таким ответственным распорядителем делался наиболее крупный коневод данного табуна. Его обязанности (по не плата) были тождественны лягупежу баранты; в вопросе о вознаграждении некоторые аулы, напр. Куденетово 1-е, начали переходить на денежное довольствие, каковое и выражается там в сумме 3 руб. в лето с тавреной лошади. Кроме этого, осенью шибз-ахо-лягупеж об-

езжал аул и собирал новину, каковую ему охотно платили обычно копченой бараниной.

Шитляхо-пхлир—что значит ночной сторож стреноженных лошадей. Его обязанностью было караулить отдыхающих, но оседланных лошадей табунщиков, когда последние ночевали на коше в балагане. Его летняя плата обычно была такова: он получал овчин на шубу, бурку или шерсти на бурку, бешмет, штаны и белье, третью часть сала от летнего котла и еще деньгами 10—15 руб.

Пхлери-шхо—ночной караульщик общего табуна. В сел. Мисостове получал когда-то по одному жеребенку за каждый месяц от табуна в 200 голов тавреных коней, полное одеяние и харч. Иногда при сборных табунах—одного жеребенка в лето за 20 тавреных лошадей и всю одежду, которую справляли ему табунщики и более крупные коневоды, имеющие 4—5 десятков тавреных лошадей.

Питались табунщики из общего котла с пастухами баранты, даже и в том случае, если они были не из одного квартала и не одного хозяина (этого требовал адат гостеприимства), и шестой барашек, о котором говорилось выше, шел, главным образом, на питание табунщиков.

Просматривая цены табунщиков—шибз-ахо, мы замечаем, что низшей платой у этого кадра считалось 50—60 руб. в лето (заработок шитляхо-пхлир—ночного сторожа), высшей платой—заработок табунщика-лягупежа. Этот последний накануне войны получал за свой летний труд не менее 500 руб.; средний заработок рядового табунщика около 300 рублей.

Таким образом, сравнивая летний заработок пастухов всех трех категорий, мы замечаем, что, при равномерной трудности, и работа и плата пастуху повышалась с повышением опасности, которой подвергался наймит при исполнении своих обязанностей. Больше всего такой опасности от хищников-грабителей подвергался табунщик, как пастух и хранитель самого драгоценного для кавказского горца вида животных. Меньше всего рисковал пастух-овчар, почему и средний заработок его не подымался выше 70—80 рублей в лето.

Таков был кадр служителей и таково было материальное обеспечение людей, заботами и трудами которых держалось все кабардинское скотоводство в широком смысле этого слова. Эти

работники, не смотря на некоторое зависимое положение, далеко не были похожи на своих русских собратьев. Пастух у кабардинцев—это не наш бездомный и бесправный горемыка, а равный среди равных; и хороший мелюхо или опытный шибз-ахо или шибз-ахо-лягупеж—это уважаемый и видный член сельского общества, которому всюду привет и уважение. Когда кабардинец хотел похвалить всадника за его уменье ездить верхом и управляться с лошадью, то он говорил: «он ездит, как табунщик».

Такое завидное положение наймита можно об'яснить двумя причинами: во-первых, важностью и ответственностью того дела, которое ведет этот рядовой работник, а мы знаем, что большое дело повышает в глазах общества и тех лиц, которые непосредственно стоят у этого дела и служат ему; во-вторых и тем, что здесь на пастбище каждый пастух был в то же время, обычно, и владетелем, хотя маленького, но своего табунка, который ходил здесь же и под его присмотром. И на мой вопрос, кто выбирал лягупежа—хозяева или пастухи, я долго получал сбивчивые ответы: то мне говорили, что его выбирали пастухи, то—сами хозяева, и я не знал, чему больше придавать веры, пока не разобрался, что собственно и то и другое правильно, так как пастухи нередко были в то же время и сами хозяева.

Кроме этого, рядовой пастух, как многие уверяли меня в Кабарде, мог сделаться хозяином и достаточно обеспеченным человеком, а разорившийся «дыженуго» (уздень—дворянин) находил себе здесь и подходящий заработок и реальные надежды на улучшение своего положения, почему у кабардинцев и создалась пословица: «истинный рыцарь может разориться три раза, но и оправиться должен три раза». Насколько эта пословица имела под собой основания, мне указывали на реальные факты, что рядовой пастух «мелюхо» после 3—4 лет службы делался владетелем 100—150 баранов, а один из лягупежей, начав свою службу при 300 баранов, к концу ее имел 1000 с лишним голов. Про одного из пастухов—уорка Ш. К. рассказывали, что, послужив у зажиточного скотовода несколько лет, Ш. отошел от него хорошим хозяином и скотоводом. Не отрицая счастливых случаев такого обогащения, особенно среди табунщиков, индивидуальный заработок которых за летние месяцы подымался иногда до 500—600 рублей (цифра

для глухого аула очень высокая), я замечу при этом, что трудно было надеяться на такую удачу пастуху-овчару, летний заработок которого, случалось, не подымался выше 40—50 рублей.

Пастухи считались хранителями всякого рода традиций и всего «адыге-хабзе» (кабардинских адатов). И оставшиеся дома хозяева в течение лета охотно посещали летние пастбища на Золке, с такой богатой растительностью, что в ней без труда, случалось, скрывались и стада и всадники вместе с лошадью. Здесь в теплые летние вечера трещали яркие костры, лилась буза, звучали песни и струны фындыра, и сами хозяева, пастухи и их заезжие гости обильно насыщались сочным и нежным мясом молодого барашка, слушая песни молодежи и рассказы про старину седого лягушежа. Вот почему богатые узденьские и даже княжеские фамилии в былые годы, по рассказам стариков, не считали зазорным для себя отправлять молодежь с пастухами на летние пастбища, чтобы они могли на деле ознакомиться и с трудом, и невзгодами пастуха, и с его искусством—выбрать барашка, зарезать и освежевать его, сварить или сжарить, принять и угостить заезжего гостя.

Так адыге, даже первенствующее сословие, смотрели на звание и дело пастуха. Оно и понятно—кабардинец прирожденный скотовод и пастух, и он не мог не уважать того звания, в котором сам родился и вырос.

Тавро и тавренье.

Тавро-„дамага".

Перед уходом на Золку годовой молодняк всех видов—бараны, бычки и жеребята—предварительно таврируется. Тавро (по кабардински «дамага») — родовой или фамильный знак собственности—подобие герба или именной печати. Тавро изготовлялось и изготовляется из железа—поменьше для овцы и побольше для лошадей и крупного рогатого скота, и насаживается на деревянный держак.

Для тавренья в каждом хозяйстве выбирался день, по приметам, счастливый для этого дома. День тавренья (дамага-тедзя) считался у скотоводов незаурядным: о нем оповещали заранее и к этому случаю варилась буза, резались бараны, готовились разные пшеничные печенья. Заходил всякий, кто хотел.

Самый процесс тавренья происходил так. С утра, в день тавренья, стада загонялись на широкий двор, обычный в планировке кабардинских усадеб, и размещались по отдельным базам (годовики крупного и мелкого скота); годовые жеребята оставались на дворе. Предварительно разводился костер и в огонь клали тавро. Табунщик (шибз-ахо) обычно волосяным арканом ловил стригунков. Молодой горячий конек, почуяв у себе на шее неприятный приданок, бежит вперед, взвивается на дыбы и, потеряв равновесие, падает. Работники быстро подбегают к нему, прижимают к земле его ноги и голову, а хозяин-коннозаводчик проворно подходит с

раскаленным тавром и прижигает ему до первого обжига эту печать, смотря по надобности, на правой или на левой ляжке: у коровы и бычка—на лопатках, у барана—на щеке.

Так как одним тавром пользовались иногда несколько однородных фамилий, то, во избежание путаницы, делались добавления—для лошади подтаврок (маленькое неполное тавро, которое выжигалось на правой или на левой стороне шеи), для овцы—нарез сбоку или снизу на правом или на левом ухе. Пока одним клеймом метят, другое уже накаляется в огне и готово к моменту, как только первое остыло. Никаких предохранительных мер для ранки не принималось, и через 2—3 недели обжиг заживал и сам, но след от тавра оставался навсегда, являясь для животного открытым и бессменным паспортом.

Одновременно с таврением у молодых жеребят подстригают хвост и гриву и передают волос старикам-гостям, как матерьял для пут и арканов. Усевшись где-нибудь в сторонке, старики, не торопясь, связывают волос в пучки и, в ожидании будущего угощенья, попивают холодную, вкусную бузу. По окончании тавренья начинается настоящий пир—мальчишек одаривают конфектами, наиболее почетные старики-гости садятся вместе с хозяином за особый стол, и начинается обильное угощенье: тут и баранина, и говядина, и жареное, и пареное, разные напитки—буза, арака, и сласти... Неженатая молодежь—юноши и девушки—где-нибудь в сторонке устраивают игры и танцы, а затем—джигитовка и скачки. Начинающий небогатый скотовод-крестьянин, устраивая день тавренья, стремился подражать уорку, но, конечно, за отсутствием средств, устраивал его попроще.

Тавро—«дамага»—родовой знак собственности и фамильный герб своего рода, в прежние годы являлся принадлежностью только привиллегированных фамилий *), и крестьянин мог пользоваться тавром своего уорка только с его разрешения. Тогда, во избежание недоразумений, в Большой Кабарде лошадь уорка метилась на левой ляжке, лошадь крестьянина на правой; однако, в М. Кабарде этого обычая не придерживались строго.

*) Сто лет тому назад за подделку тавра преследовали и наказывали по закону.

IX. Овцеводство.

Начинающий скотовод много не мудрствовал и не ломал головы—какую породу ему заводить и как заводить. То и другое, как сын ли домовитого хозяина, или как работник-подпасок, он видел и изучал с самого раннего возраста. Позднее, делаясь самостоятельным хозяином, он или наследовал от отца готовый завод баранты, а вместе с этим и семейные и хозяйственные традиции, или, если он был круглый «байгуш» (бедняк-пролетарий), то он делался работником-пастухом, и в этой должности приобретал и необходимый опыт и первые начатки своего собственного хозяйства в виде годовой платы за труд той же самой барантой, какая имелась кругом него во всем ауле. Так обыкновенно начинал свою карьеру скотовода рядовой кабардинец.

В прежнее, дореформенное время, когда фактическим хозяином в Кабарде являлся уорк или князь, располагавший обширными даровыми пастбищами и даровыми крепостными пастухами и рабочими, овцеводство, как и все скотоводство вообще, было преимущественно, если не всецело, сосредоточено в руках привиллегированных; их бесчисленные стада овец и рогатого скота беспрепятственно бродили по тучным пастбищам под присмотром и охраной целых десятков работников и надсмотрщиков (см. об этом в гл. «Скотоводство на Северном Кавказе, его давность и система»). Падение крепостного права и лишение даровой силы нанесло большой удар скотоводству привиллегированных сословий. Лишившись даровых работников и приказчиков, уздени, не смотря на обширность степей и пастбищ, не могли их утилизировать сами, хотя бы в тех размерах и теми несложными приемами, какими они утилизировали их раньше, так как скот, за отсутствием рынка, был настолько дешев, что первое и самое трудное время он не окупал наемного пастуха и табунщика.

Стада привиллегированного сословия начали быстро таять. Зато их бывшие крепостные и просто свободные люди Кабарды взяли это дело в свои руки и повели его, как умели. Сделавшись обладателем маленькой баранты, молодой хозяин принимался за

ее устроение и умножение. Но это устроение не отличалось каким-либо новшеством и широтой планов. Эту новизну знали мало да и во всяком случае боялись ее. Жили по старине и ее адатам; и во всяком деле, особенно молодые хозяева, внимательно прислушивались к советам стариков и наиболее опытных хозяев-скотоводов, каковыми являлись лягупежи. То же и в деле овцеводства. Завести хороших и крупных кочкаров и маток к ним, и непременно черной шерсти (черная шерсть была наиболее подходящей для бурок и ценилась дороже белой), удвоить, утроить, удесятерить свой маленький завод—вот сокровенная мечта каждого молодого скотовода. К этому его побуждали расчеты экономической выгоды и глубокие наследственные инстинкты кочевника-номада, выросшего среди тучных необозримых степей.

Домовитый овцевод заботился не только о качестве производителей, но и о числе их. Посему обычной нормой в стаде хорошего овцевода полагалось—один кочкар на 10 маток: меньшее количество баранов, как показал вековой опыт, было нежелательно, так как часть маток могла остаться непокрытой, что было в хозяйстве явлением убыточным.

Во избежание беспорядочной случки, а, следовательно, и преждевременного ягнения, бараны-самцы всегда ходят отдельно от овец: в 1-х числах ноября, т. е. с возвращением отары на зимние коши, кочкары подпускаются к маткам для случки, которая продолжается до конца декабря, после чего кочкары вновь отделяются и пасутся отдельно от овец до будущей осени. Овца нормально носит около 20 недель, и с конца марта, с первых чисел апреля начинается ягнение. Молодые ягнята—самцы—обычно дней через 10-12 кастрируются и пасутся вместе с матками. Лучшие экземпляры самцов оставляются нетронутыми для пополнения стада кочкаров, которых не держат в одной и той же отаре более пяти лет, и заменяют новыми, передавая старых на продажу и на убой. Молодой баран делается производителем уже с осени будущего года, т. е. в возрасте полутора года.

Главную основу овцеводства составляли и составляют перегон и пастьба баранты на горных пастбищах. Только при их наличности возможно было овцеводство в Кабарде в том размере, какой оно имело до последнего времени.

Перегон баранты сопряжен с немалыми трудностями, особенно весною, когда стада имеют в своем составе ягнят. Главную трудность составляет переправа через многочисленные реки, которые пересекают скотопрогон. Весною, когда реки еще полны

Переправа баранты через реку Баксан.

весенних вод, перегон особенно затруднителен, и не мало овец, особенно ягнят, гибнет в разбушевавшихся волнах.

С прибытием на Золку каждый балаган (3000-4000 баранов) занимал свой участок, на котором и оставался в продолжение мая и июня месяцев. Здесь пастухи устраивали шалаш, куда и складывали свой незатейливый скарб: кое-что из платья, продукты и проч.; рядом же небольшой участок, смотря по величине отары, обносился легкой переносной плетневой изгородью для ночевки баранты—вот и все несложное устройство летнего коша.

На ночь отара обычно возвращалась к балагану и только в редких случаях ночевала там, где ее заставала ночь. Место коша дней через 15 (в виду загрязнения) менялось, и выбиралась новая стоянка.

По свидетельству старожилов, лет сто тому назад овец и коз доили наряду с коровами и буйволицами, но затем, когда рогатый скот стал увеличиваться в численности и улучшаться качественно—обычай доения овец и коз был понемногу оставлен, как хлопотливый и мало выгодный, и только в самое последнее время, вероятно в виду сильного сокращения рогатого скота, кабардинцы вспомнили старый дедовский обычай и вновь начали доить овец и коз, хотя и в незначительном количестве.

Как я уже упомянул выше, на Золке стада оставались до средины июля (ст. стиль) и вместе с тем до конца Горячеводской ярмарки. Названный рынок в жизни кабардинца-скотовода играл не последнюю роль. Здесь он менял или продавал излишек скота, доставал, случалось, нового породистого производителя, заводил знакомства, находил потребителей и покупателей для своего скота на будущее время. В середине июля стада покидали Золку и отправлялись на нагорные пастбища (о них см. выше), которых и достигали на 4-й день.

С наступлением дождей и холодов, примерно около 1-го сентября, стада (первыми овцы) оставляли Эльбрусские нагорные пастбища и поворачивали назад. На обратном пути они еще раз пересекали Золку и около 1-го октября возвращались домой.

Стрижка овец обычно производилась два раза в год—весною и осенью. Но осенняя стрижка, которая начиналась по возвращении с пастбищ, считалась главной, равно как и осенняя шерсть

Стрижка овец.

считалась важнейшей статьей дохода овцеводства. В связи с этим день стрижки, как и день тавренья являлся днем незаурядным в жизни овцевода-кабардинца. О нем обычно заранее извещали по кварталам и, выбрав теплый, сухой день, приступали к делу. Собирались соседи-родственники, и работа начиналась. Один или два из присутствующих ловили и подавали баранов, другие 5-6, иногда и больше—стригли, один или двое собирали шерсть и скручивали ее для удобства и экономии места с каждого барана в отдельные комки (руно). Хороший работник мог остричь за день 50-60 голов. Стригунам ничего не платили—это было обоюдное одолжение: зато после окончания работы их угощали хорошим, сытным обедом с бузою и прочими вкусными добавлениями, почему на эту работу охотно шли и подростки и взрослые люди. К этому времени обычно приурочивалась и расплата хозяев с летними пастухами и их веселая обильная 3-х дневная попойка, о которой я говорил выше в главе о пастухах. Овечья шерсть для скотовода старого времени была расчетной монетой: ею овцевод-кабардинец расплачивался с косарями, поденщиками и т. п.

С приходом на зимние стоянки кончался тревожный пастбищный период овцевода, он готовился к будущему году и в то же время подводил итоги прошлому: резал и продавал баранов, продавал собранную осеннюю шерсть, валухов и молодняк. До войны цены на шерсть колебались от 3 до 4 руб. за пуд и выше. Если принять за норму хозяйство среднего обычного овцевода (200 шт. голов, не считая кочкаров, шерсть которых шла на уплату мель-тухо), а средний вес руна с овцы 3 фун., то с 200 голов мы получаем 600 фунтов или 15 пуд. шерсти; считая среднюю стоимость шерсти 4 р. за пуд, имеем 60 рублей, выручку от отары в 200 голов. Что касается баранов, то цены на них за тот же период стояли также не высоко—хороший баран 2½-3 р., лучший на выбор—5 рублей, годовой барашек—1 руб., а под Эльбрусом в сезон пастьбы и сгона баранты можно было купить молодого барашка и за 50 коп.

Нельзя сказать, что это было бы очень выгодно даже для прошлого времени, а тем не менее кабардинец упорно держался и держится за овцеводство. Об'яснить это можно только привычкой и потребностью к передвижению, унаследованной от дедов, сла-

бой привязанностью к упорному и систематическому труду земледельца и, наконец, отсутствием больших запросов к результатам хозяйства. Не давая больших барышей, баранта питала кабардинца и его семью круглый год, а также и одевала. Из шерсти, которую он снимал со своей овцы, он ткал сукно для себя, валял бурку и войлок, излишек продавал для покрытия разных хозяйственных нужд, из овчины делал шубы себе и домочадцам. Не смотря на большую убыль молодых животных, которые шли на покрытие расходов по названному же промыслу, некоторые овцеводы утверждают, что, при хороших условиях и разумном ведении хозяйства, в 3-4 года овцевод удваивал свой завод.

Возможно, что в отдельных случаях это и бывало так, но фактически в Кабарде количество овец неуклонно уменьшается, что находится в связи с развитием земледелия и с общей, хотя и медленной, но несомненной, интенсификацией хозяйства.

X. Крупный рогатый скот.

Наряду с овцеводством в Кабарде уделяется большое внимание разведению крупного рогатого скота. Но эта отрасль животноводства пользуется указанным вниманием совсем недавно.

В прежнее время овцеводство, безусловно, доминировало над крупным рогатым скотом. За это говорят и кавказские легенды, вроде мифа про Полифема и более поздние воспоминания и поныне еще здравствующих кабардинских старожилов.

Эти последние говорят (как я уже сказал выше), что лет восемьдесят-сто тому назад овец и коз усердно доили, и овечий сыр был обычным и распространенным продуктом среди кабардинцев (подчеркиваю, при даровом труде крепостных). Последние годы корова и ее продукты—сыр, молоко, масло, сделались преобладающими. По нашему мнению, главной причиной такого настойчивого внедрения коровы в жизненный обиход кабардинца является не увеличение запашки, не сокращение пастбищ (их до 1914 г. было еще достаточно), а большая прибыльность коровы перед овцой, которая при наемном труде делается, если не убыточной, то и бесприбыльной, чего нельзя сказать о корове, даже

самой посредственной, каковой являлась и является в настоящее время корова кабардинца.

Правда, за последние 50-60 лет в породе и внешнем виде кабардинской коровы произошла значительная перемена. Прежняя мелкая горская коровка почти по всей Кабарде заменилась довольно крупной коровой—черноморкой, а черноморку, в чаянии большей молочности, местами стремятся заменить коровой русской, пемкой и даже швицем. Но, обновляя породу, кабардинец не спешит обновить систему скотоводства, и его теперешний скот, вернее новая порода, переживает все те же пастбищные мытарства, которые переживала в прежние годы захудалая горская коровка.

Крупный рогатый скот одновременно с овцами покидает зимние базы и коши и вместе с ними до глубокой осени или вернее до начала зимы, а иногда и круглый год находится в непрерывном движении в поисках корма и водопоя. При стаде неразлучно круглый год находится и бугай-производитель, который по своему усмотрению кроет как взрослых коров, так и подростающих телят—никакого вмешательства человека в этом отношении нет. Первое время, как я уже сказал выше, до угона на Золку

Стадо на Золке.

весь рогатый скот пасется на юртовых наделах. Затем скот разделяется: быки и дойные коровы, предназначенные для домашнего обихода, остаются дома и пасутся на юртовых выгонах (хун-аха) под надзором летнего аульного пастуха (коже-ахо); излишек—быки, бычки, дойные коровы, яловки отправляются на Золку. Годовалый молодняк перед уходом на пастбище таврируется, а большую часть бычков к этому времени холостят. Животные некрупных хозяев соединяются в более многочисленные стада и передаются на ответственность и под надзор толковому пастуху—одному или двум-трем, если стадо большое, за надлежащую плату и под известную уже нам расписку.

В начале мая скот двигается на Золку. Следом за ним идут пастухи и дояльщики, арбы с кадками и др. принадлежностями для сыроварения. Я не буду здесь повторяться о тех путях и трудностях, через которые проходят кабардинские стада и отары: об этом я уже говорил выше.

Весь Золкинский период дойные коровы и их удой находятся на хозяйском учете, как я уже сказал об этом раньше в главе о пастухах, почему и телята в этот период пасутся отдельно от коров. Коровы доятся утром и вечером, цельное молоко немедленно сквашивается и превращается в сыр, последний солится, складывается в кадки и хранится в балаганах. С отбытием стад и пастухов на Эльбрусские предгорья, сыр забирается хозяевами, и в дальнейшем весь удой предоставляется пастухам и дояльщикам; по возвращении на плоскость рогатый скот, так же как и баранта, месяц-другой еще остается на подножном корму и с наступлением зимы загоняется на зимние коши, на сухие корма до новой весны.

XI. Коневодство.

Коневодство—национальный промысел, душа и гордость не только кабардинского, но и всего адыгейского народа. Давность этого промысла теряется во мраке глубокой старины. Легенды и песни *) про лихих скакунов и наездников, остатки костяков в курганах и могильниках согласно говорят, что конь на Кавказских степях появился не менее двух с половиной тысяч лет тому назад. Надо думать, что также давно он знаком и черкесам. За это говорит то, что одно из племен адыгейских называлось «шапсуги», что значит на нижнеадыгейском наречии—коневоды. Четыреста, а, может-быть, и пятьсот лет тому назад кабардинский конь пользовался уже прочно установившейся репутацией. Это видно из того факта, что представители Пятигорских черкесов, в чаянии покровительства и защиты со стороны московского царя Ивана Грозного (год 1552-й и позднейшие) предлагали себя в подданство и обещали ему, помимо военной помощи, определенное количество аргамаков, не считая для себя зазорным предложить их в дар такому богатому и привередливому царю, как Иван Грозный. Также высоко стоит репутация кабардинской лошади и 50 лет спустя; это видно из того, что кабардинцы, поздравляя первого Романова с восшествием на престол, в посольстве от своего народа в 1616 году, приводят ему в дар двадцать превосходных аргамаков. Такова давность заслуженной славы кабардинской лошади.

Как попала на Кавказ лошадь и при каких обстоятельствах—на это ответа пока дать не можем; одно можем сказать, что умеренный, почти теплый климат, обильные травами предгорья, тучные беспредельные степи—все это вместе взятое составило отличные условия для существования лошади на Северном Кавказе, а вооруженная борьба конкурентов из-за этих пастбищ упорно побуждала древнего номада искать себе и тренировать союзника тут же под рукой; и таким крепким надежным союзником в борьбе с

*) Сказание про табуны Атажуко, сказание про Адемиркана и его несравненного коня Жеманшерика, раскопки кургана Карагедэуашх и пр.

врагом оказалась лошадь, почему она и заняла в повседневном обиходе кочевника, в частности кабардинца, такое исключительное место. В самом деле, вдумаемся, чем являлась для первобытного человека лошадь..... Она для него—средство для быстрого передвижения, грозный союзник при схватке с неприятелем, спаситель при бегстве от более сильного врага; молоко кобылицы—превосходный напиток, а в последний момент мясо лошади идет в пищу, а крепкая кожа на хозяйственные поделки: надо вспомнить все это, и нам понятна станет страстная привязанность кочевника-скотовода к своей лошади.

Происхождение и зарождение лучших конских заводов в Кабарде обвеяно поэтическим вымыслом, нередко сказочного характера. Таково, напр., сказание о конском заводе Шолоха, про которого легенда (записанная академиком *Палласом*), отмечает, что первый жеребец его завода чудесным образом вынырнул из моря. Интересен также и очень характерен в бытовом отношении рассказ о происхождении не менее известного конского завода в Кабарде Лоова Абазинского, который ценой дочери и ценой собственной головы приобретает сказочной красоты производителей, положивших основание славному заводу, и др.

Все это говорит, какое значение и какое место занимал конь у черкеса-воина и у кабардинца в особенности. И про кабардинского скакуна—его красоту, силу и ловкость, его выносливость и привязанность к хозяину—среди горцев сложился целый цикл песен, сказок, пословиц и поговорок. Привожу одну из таких песен, которую записал в бытность свою на Кавказе наш поэт *М. Ю. Лермонтов* (см. его роман «Герой нашего времени»).

Много красавиц в ауле у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз,
Сладко любить их—завидная доля;
Но веселей молоденькая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены,
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет.

Эта слава кабардинской лошади давно уже перешагнула нынешние скромные границы Кабарды и была известна в самых отдаленных уголках быв. Российской Империи. По словам женщины-

врача, природной сибирячки А. С. М., лет тридцать тому назад Забайкальские казачки распевали песни про лихого коня с кабардинским тавром. Такая популярность кабардинской лошади не могла остаться незамеченной, в связи с чем многие наблюдатели и путешественники по Кавказу, начиная от академика *Палласа* (был на Кавказе в 1794 году), кончая позднейшими, приглядываются к этой лошади, описывают ее достоинства, зарисовывают ее, а также зарисовывают и тавра лошадей (уже известные нам родовые знаки собственности).

В разное время преобладали не одни и те же заводы—во времена *Палласа* первое место по своим качествам занимали кони уже упомянутого выше Шолоха, кони которого отличались особым устройством своего копыта (оно представляло совершенно цельный сросшийся стаканчик). Однако, наряду с заводом Шолоха, высоко также ценились и кони уже известного нам тавра Лова и Трама Абазинских; это отмечает и *Л. Н. Толстой* в своей повести «Казаки».

В последние годы, годы предшествовавшие мировой войне и революции, выдвинулись сразу несколько заводов и завоевали себе солидное место, если не качеством, то количеством. Наиболее крупный из них—Лафишева насчитывал в своих табунах до 3000 голов; наряду с этим заводом большой известностью также пользовались кони тавра Наурузова, Атажукина, Мисостова, Абезиновa. Коцева, Танашева и друг. Эта постоянная конкуренция коннозаводчиков, страстная привязанность к лошади (вспомните разговор Азамата с Казбичем в том же романе *Лермонтова* «Герой нашего времени», глава «Бела»), понимание ее достоинств и недостатков и всей ее природы, умение выращивать ее и выезжать—все это вместе взятое и создало в прошлом ту породу кабардинской лошади, которая до самых последних лет занимала первое место в ряду заводов Северо-Кавказских лошадей.

Легенды и наблюдения ранних исследователей наталкивают нас на мысль, что кони кабардинские не местного происхождения. Факты подтверждают это предположение. Многие глубокие старики в Кабарде, говоря про прежних коренных коннозаводчиков, сообщают, что каждый из них полагал задачей жизни на закате дней своих сходить или в Сирию, или, по крайней мере, в Карабах,

откуда почитал непременным долгом перед родом привести породистого производителя для своего завода. Это было крупное событие для фамилии, и такого коня берегли и холили, как гордость и украшение завода. Многовековой опыт и практика коннозаводчиков создали в Кабарде целую науку о коне и его воспитании, и эту науку родовые традиции коннозаводчиков—адыге свято берегут и передают от отца к сыну.

Попытаюсь в немногих строках нарисовать и представить ту картину и обстановку, в которой находится кабардинская лошадь от рождения до последних дней. Правила хорошего заводчика-коневода твердо требуют, чтобы на одного породистого жеребца-производителя полагалось не больше 10-ти маток. Десяток кобылиц с одним жеребцом это—косяк. В интересах завода лучше всего, если каждый косяк (во избежание драки и серьезных обоюдных ушибов жеребцов) пасется отдельно. Однако, материальные расчеты, дороговизна особого пастуха, вынуждают коннозаводчиков соединять отдельные косяки вместе в целый табун в 100-200, а иногда и больше маток, не считая жеребцов и молодняка. На беременную кобылицу, ходит ли она в табуне, стоит ли на конюшне, заботливый и благоразумный хозяин никогда не позволит сесть в последние месяцы ее беременности, особенно если она высокой крови. Также считается зазорным и нехозяйственным фатовством брать жеребца весной из табуна и пользоваться им, как верховой лошадью.

Молодой жеребенок-сосунок остается около матери год, а иногда и больше. По прошествии года, на весну молодых жеребят-стригунков перед угоном на Золку таврят. Само собой разумеется, что в производители оставлялись лучшие экземпляры — наиболее сильные, рослые и красивые. После тавренья табуны лошадей под охраной опытных и вооруженных верховых табунщиков—шибз-ахо и распорядителя—шибз-ахо-лягупеж, двигались на Золку.

Лучшими часами для кормежки считается время от восхода солнца до одиннадцати часов дня. С наступлением жары лошади останавливаются где-либо на возвышении, или на водопое и, повернувшись головой к ветру, стоят пока стоит жара—два-три часа; этот дневной постой на языке табунщиков наз. «бадза-уаба».

что значит дневной отдых. Вместе с табуном отдыхают и табунщики, которые в эти часы сходят со своих лошадей и дают небольшой отдых и им, а вместе с тем подкрепляются и сами.

Табун на пастбище.

Отстоявшись, кони снова трогаются на пастьбу и так до заката солнца. К этому времени на смену табунщиков—шибз-ахо приходят ночные сторожа-табунщики—пхлери-шхо, два-три человека, которые и остаются с табуном до восхода солнца.

Спят и отдыхают лошади в течение ночи три раза с небольшими перерывами. Первый сон для лошадей наступает в сумерки и продолжается полтора-два часа, второй—в полночь и продолжается час и третий—перед рассветом—тоже не более часа. Обычно для этого кони собираются в кучу и останавливаются — жеребцы по краям, матки и молодняк в середине. Молодые жеребята-сосунки, растянувшись на траве, крепко спят около своих матерей, как малые дети, матки и жеребцы и прочие представители табуна спят, большею частью стоя на ногах, спят чутко и сторожко. Пока кони спят и отдыхают, ночные сторожа—пхлери-шхо—имеют право сойти с коней, и, держа их в поводу, дают им немного попастись и отдохнуть, но как только табун проснулся и тронулся в путь, сторожа садятся на коней и двигаются вместе с табуном, чтобы в ночной темноте не потерять его из виду. И так всю ночь, то верхом на коне, то держа лошадь в поводу,

но все время настороже, все время с винтовкой наготове. С восходом солнца им на смену приходят дневные табунщики — шибз-ахо. За опоздание на час и больше и несвоевременную явку на смену товарищу табунщик платит штраф — теряет жеребенка, или что-нибудь другое из своего заработка...

Но возвращаюсь к дневным табунщикам. Дождавшись смены, шибз-ахо оставляют лошадей под охрану прибывших товарищей, а сами едут на кош к балагану. Здесь они ужинают горячим (обычно суп из молодого барашка) и, расседлав и стреножив коней, оставляют их под охрану ночного сторожа на коше шиляхо-пхыпра, что значит сторож стреноженных лошадей, а сами заваливаются спать, но спят чутко, каждую минуту готовые вскочить на первый тревожный выстрел. А опасность всегда висела над головой табунщиков и хозяина, т. к. лихие герои-хищники (не говоря о войнах) никогда не переводились на Северном Кавказе. И во время многократных поездок по территории бывшей Терской Области мне самому приходилось слышать и записывать из уст народных певцов и сказителей целые героические поэмы о набегах чеченцев и ингушей на кабардинские табуны.

Уходили табуны с летних пастбищ обычно после крупного и мелкого скота [1], иногда недели две спустя, так что нередко их заставал там и снег и мороз. С наступлением зимы лошади, также как бараны и остальной гулевой скот, размещались по зимним кошам-хуторам и становились на сухой корм, переживая сообща одну и ту же тяжелую долю в случае особо холодной зимы и бескормицы.

Суровую школу проходил кабардинский конь прежде чем получал такую почетную кличку. Оставаясь и гуляя, как ветер, на воле, в родных табунах, он пользовался в старые годы полной свободой до 4-х, 5-ти лет, а иногда и больше — лет до 7-ми. Но, пользуясь этой, почти первобытной, свободой, он нес на себе и все ее неудобства. Круглый год, во всякую погоду — в дождь, в снег, метель и мороз — он оставался на открытом воздухе. Делалось это не из-за отсутствия любви к животным, а совершенно сознательно, — из желания приучить молодую лошадь ко всем не-

[1] В 1922 году табун Мажида Тоганова (жителя селения Коголкино) возвратился с нагорных пастбищ 9-го октября по н. стилю.

взгодам и лишениям; рассуждали при этом так, что если какая лошадь не вынесет искуса и пропадет, то и жалеть ее нечего: воинам нужны крепкие, выносливые лошади, надежные и верные в трудных переходах, а не неженки. Одновременно с вышеназванными невзгодами ее приучают к воде и опасным переправам. Последним и самым трудным экзаменом считались в последние годы переправы через Терек и Кубань. Если лошадь и тут выходила с честью, она приобретала репутацию настоящей, надежной лошади и ее начинали выезжать.

Семен Броневский в своем труде «О кавказских горцах» замечает, что кабардинцы, в видах большей зрелости и крепости лошади, об'езжают ее не раньше, как в пятилетнем возрасте. Природный коневод К. М. по этому поводу говорит, что можно об'езжать лошадь и в семь, и в восемь лет, но тогда у коня не будет той ловкости и гибкости, какую он усваивает, будучи об'езженным в более раннем возрасте. Поэтому он об'езжал своих неуков и в возрасте трех лет, однако не изнуряя их и не препятствуя им в дальнейшем крепнуть и развиваться на пастбищах. Обычно это он делал весной после зимней стоянки, когда лошадь от умеренного, а часто и скудного корма, тощала и слабела и была более податлива.

Такое серьезное и даже опасное дело, как обучение неуков, требовало участия не менее двух здоровых и опытных табунщиков. Один из них длинным, волосяным арканом поймав намеченного трехлетка («кунан», если это был жеребец и «кунажин», если это была кобылка), приближался к нему, хватал его за ухо и крепко держал (карачаевцы для большего удобства даже связывали уши), другой осторожно надевал уздечку и вкладывал удила, а затем, подняв у уха повод, надевал кожаную треногу (тляхо). Лошадь начинала биться, метаться, табунщики, сдерживая аркан, не препятствовали ей. Когда лошадь уставала и, случалось даже, падала, табунщик подходил к ней сзади и, сильно тряхнув ее за хвост, поднимал и приводил ее в себя; после этого лошадь седлали. Вообще укладка седла вещь серьезная и особенно при обучении молодого коня, кости которого еще гибки и не окрепли. Правильная укладка седла—три пальца от передних лопаток, иначе седло будет давить на концы лопаток и лошадь начинает спо-

тыкаться, каковой порок при частом и неумелом седлании может у ней сделаться хроническим.

Оседлав и прикрепив подпругу, шибз-ахо садится, товарищ снимает аркан, и лошадь срывается с места. Она мечется из стороны в сторону, взвивается на дыбы, иногда обнаруживает намерение упасть, чтобы сбросить ездока, но табунщик сидит, по выражению коневодов, «как пришитый», бьет ее треногой и зорко следит за ее намерениями, и особенно за попыткой упасть, и предупреждает их, то умелым поворотом, то ударом треноги, то вздергиванием, то послаблением удил. Когда лошадь притомилась и достаточно узнала седло, удила и повороты, шибз-ахо слезает с нее и водит в поводу.... Хороший табунщик, таким образом, может об'ездить в день до десяти неуков. По окончании таких уроков лошадь купают и отпускают, но через неделю выучку повторяют еще раз и через неделю еще раз—всего три раза, после чего молодого коня-трехлетка отпускают в табун, и он уже считается не просто «кунан» или «кунажин», но «хаса кунан», или «хаса кунажин», что значит об'езженный трехлеток-жеребец или кобылка. Через год эти уроки повторяются еще раз над четырехлетком («допажин»), но уже, конечно, с меньшими усилиями и риском, и коня опять отпускают в табун на целый год; иногда повторяют и еще раз, и, таким образом, достигают благоприятных результатов, не слишком изнуряя коня и, в то же время, не препятствуя ему крепнуть и развиваться.

К упряжке можно приучать лошадь и в более позднем возрасте—в 6 и 7 лет, сперва в телеге, а затем в арбе; но еще лучше прямо в плуг, где три лошади уже об'езжены и только четвертая—неук; поработав рядом со старыми лошадьми, она скоро и сама привыкает к лямке и хомуту и делается понятливой и послушной лошадью. Высшую репутацию «а л ь п» (искаженное араб) верховая лошадь получала только после какого-нибудь особого испытания: получив редкий приз на скачке, или совершив необычайно трудный переход. Идеальный конь, какой только может создать воображение кавказского горца, это конь легендарного Адемиркана—Жеманшерик, переплывающий Керченский пролив.

Но помимо такой суровой школы, как описанная, был у кабардинцев с незапамятных времен и еще один вид тренировки

лошадей, более интересный и показной, и в то же время менее изнурительный, чем описанные выше—это скачки.

Скачки («шигаже») устраивались по многим поводам. Первые—самые древние по времени происхождения—это «тлямшигаже», что значит, скачки в честь покойника. Они устраивались в память умершего воина адыге совершеннолетнего, и никогда не устраивались по женщинам или малолетним.

Уже за месяц и больше лошадь ставилась на усиленное питание и получала в достаточном количестве чистое зерно, главным образом просо, каковое считалось коневодами для данного случая особенно полезным. Недели три перед скачками коня держали только на овсе, постепенно тренируя и объезжая; расстояние все увеличивалось и усложнялось..... Когда лошадь была, по мнению ездока, готова, ее отправляли на скачки. На состязания шли жеребцы и кобылы, как дающие и то-чество, и обычно в возрасте не моложе шести-семи лет. Расстояния брались значительные—20-25, а иногда и больше верст. Призами для таких скачек являлись вещи покойника—его конь, оружие, седло, бурка и другие предметы.

«Фызыше-шигаже»—свадебные скачки; призами на них были шелковые расшитые платки, в большинстве случаев ярких цветов, прикрепляемые к древку на подобие байраков (знамен), кисеты, чехлы для пистолетов и тому подобное.

Третий повод для скачек—день таврения скота; они наз. «домага-тедзя-шигаже», что значит, скачки в день тавра. Здесь наградой победителю являлись—молодой жеребенок, шелковый расшитый платок на подобие упомянутого байрака. Названные скачки, а вместе с этим и джигитовки были любимейшими развлечениями и празднествами молодежи, на которые она стекалась со всех концов Кабарды на лучших скакунах, не столько привлекаемая призами, сколько славой первого наездника и джигита.

Наконец, с 1889 года устанавливается в Кабарде и еще день скачек,—это скачки в память закрепления за кабардинцами Зольских и горных пастбищ. Эти скачки получили у кабардинцев название «патшах-шигаже», что значит, государственные скачки. Эти последние сперва устраивались в Пятигор-

ске, а затем были перенесены в Нальчик. Правительство давно уже обратило внимание на этот благородный спорт кавказских горцев и в видах поощрения коневодства 1 мая 1856 г. в гор. Владикавказе были устроены первые государственные скачки с призами. Начиная с 1859 г., означенные скачки устраиваются ежегодно в Темир-Хан-Шуре, Ставрополе и в том же Владикавказе. (Влад. Арх. Отд. 1-е, ст. 1-й, связка 7 и послед.).

Расстояния на этих официальных скачках были небольшие—две-три версты, награда победителю—призы в 350, 200, 100 р., выдаваемые из общественных кабардинских сумм. В этих скачках принимали участие и кровные скакуны из Анабовской и др. конюшен, но главный интерес сосредоточивался, конечно, на кабардинской лошади, так как и собственниками лошадей и седоками и зрителями были сами кабардинцы. И кто бы ни выигрывал на этих скачках, для дела коневодства это было одинаково полезно, так как побежденный спешил усиленно тренировать свою лошадь к следующим скачкам, а победитель делал то же, не желая уступить первенства... Вот те пути и способы, которыми в старые годы создавалась несравненная верховая кабардинская лошадь.

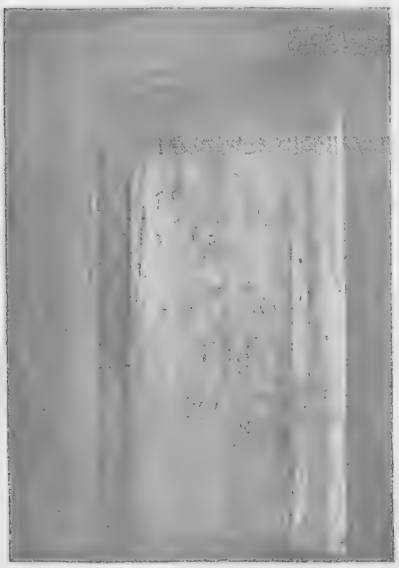
Коневод-кабардинец, видя незнакомого всадника, свободно узнавал по тавру, какой фамилии, какого аула и какой породы лошадь. Эта осведомленность достигалась путем следующего, на первый взгляд странного обычая, имеющего, однако, под собой разумное хозяйственное основание. Всякий гость, посетив где-либо в каком-нибудь ауле своего кунака, уезжая, почитал своею обязанностью и актом вежливости вырезать на дверях кунацкой[1] и на память о себе свое родовое тавро, конечно, если таковое было у него. Так как эти обоюдные визиты были постоянны, то двери кунацких обычно от верха до низа были исцарапаны различными таврами. Мне лично удалось видеть и зафотографировать по аулам Кабарды около полдюжины таких старинных кунацких с дверями, покрытыми родовыми таврами (см. фотогр. на сл. стр.). Такие двери нередко существуют несколько поколений и навешиваются в новых кунацких в случаях их перестройки.

[1] Кунацкая—небольшая избушка для гостей в усадьбе зажиточного кабардинца; перед последней войной ее можно было наблюдать и у уорка и у крестьянина, конечно, хозяйственного—зажиточного.

Скрытый смысл этих памяток был таков: «Берегите вы наши тавра, мы будем беречь ваши». Действительно, достаточно было появиться в ауле коню с чужим тавром, как немедленно начинался допрос—что за конь, откуда, как попал, и если хозяин путался и внушал подозрение, коня брал себе в дом уздень или старшина и давал знать хозяину тавра о находке. Так Атажукины на Зеленчуке поступали с беглыми конями тавра

Кунацкая.

Атажукиных же на Баксане, извещая их за сто и больше верст: так поступали и другие вперед до выяснения. Названная услуга была обоюдна. *)



Тавра на дверях.

*) Лично мне удалось наблюдать в сел. Кармово такой случай: у Л. К., где я жил во время моих изысканий, за два года перед этим пропали кони его же тавра. Взрослый сын поехал в Кисловодск и неожиданно увидел на базаре одну из своих лошадей. Потребовал у хозяина свидетельства, тот, конечно, его не имел. Открыто перед собравшимися людьми он предъявил свои права, как хозяин тавра, и отобрал у незнакомца свою лошадь.

Выше, в главе об овцеводстве, мы уже говорили, какой удар нанесло узденям-скотоводам освобождение крепостных. Еще более эта перемена для них была чувствительна в области коневодства, где требовалось гораздо больше рабочих сил,—то в качестве табунщиков, то ночных сторожей, то вооруженной охраны и т. п. Чтобы сократить рабочие руки, пришлось сокращать количество лошадей, соединять отдельные косяки различного достоинства в один общий табун и т. п. Конечно, такое упрощение понижало расход, но зато понижало и качество лошади. Это качество падало еще и оттого, что теперь уже не было возможности и средств выдерживать жеребцов до четырех и пяти лет: недостаток в средствах и производителях вынуждали коневодов пускать в случку чуть ли не жеребят в полтора-два года, а в три-четыре года холостить их. Знаменитые кабардинские табуны из года в год таяли и быстро вырождались. Такую картину уже тридцать лет тому назад застал автор очерка «Кабардинцы» *Е. Максимов*, современник реформы и той экономической смуты, которую она внесла в патриархальную жизнь кабардинских коневодов.

Причиной такого понижения несравненных качеств кабардинского скакуна и коневодства вообще было не одно только лишение даровой рабочей силы, как об этом замечает тот же автор, но и неотразимый натиск земледелия, в большей выгодности которого кабардинец убеждался год от году, вследствие чего он уже перестал уделять то внимание и заботливость своей лошади, которые он уделял ей раньше.

Однако, упадок этой хозяйственной отрасли у одного сословия, к счастью для дела, еще не знаменовал собою гибели вообще этого промысла в Кабарде. Слишком он был национален. И вот мы видим, что наряду со старинными заводами кабардинских князей и узденей, как грибы после дождя, выростают во множестве небольшие конские заводы у их же сельчан, бывших табунщиков и даже крепостных. И как раньше каждый уздень почитал непременной гордостью иметь свой табун, так теперь многие сельчане спят и видят, чтобы иметь у себя хоть небольшой, но свой собственный табунок со своим тавром, для своих домашних надобностей. Такой кустарь не имел возможности, а часто и опыта, выращивать в своем маленьком питомнике породистую лошадь, поро-

дистого скакуна, да ему лично он и не был нужен, т. к. скакать на нем он никуда не собирался, и был уже доволен, если тут же у него на глазах вырастала, между прочим, крепкая лошадка, годная и для плуга и для телеги, а когда надо и под седло. И мы видим явление, подмеченное, как я уже сказал выше и многократно упоминаемым *Е. Максимовым*, что по существу кабардинская лошадь не ушла из Кабарды, только переместилось ее местожительство, а именно, из больших узденьских табунов, нередко в тысячу и больше голов, она рассеялась по всем аулам Кабарды в маленькие табунки в пятнадцать и двадцать голов, но, как я уже отметил, качество этой лошади понизилось, и все реже и реже встречались те несравненные скакуны, которые в прошлом создали ей такую легендарную славу.

Русское правительство, давно уже знакомое с отличными качествами кабардинской лошади, которой оно ремонтировало свои кавказские и даже центральные кавалерийские полки, уже в начале XIX ст. всячески старалось поддержать падающее коневодство. Чтобы облегчить расходы коннозаводчиков по воспитанию лошади и не лишить ее прежнего простора, правительство в 1889 году на вечные времена утвердило за кабардинским народом богатейшие Зольские пастбища, а в 1892 году на берегу реки Малки у Ашабовского скотопрогонного брода оно основало так называемые Ашабовские Государственные конюшни. Эти последние имели определенное назначение: путем случки породистых высококровных и кровных английских производителей с местными матками поднять породу вырождающейся кабардинской лошади. Для означенной цели в конюшне стояло не менее сорока, а накануне войны шестьдесят полукровных и кровных английских производителей, как выводных из-за границы так и русского происхождения с различных государственных и частных конных заводов.

Конюшня расположена на левом, высоком берегу Малки, против селения Ашабова, снабжена достаточным пастбищем и занимает площадь усадьбы в 7 десятин с вполне оборудованными конюшнями, денниками и квартирами для штата служащих. Производителями охотно пользовались Терские благоустроенные экономии: Карпушина, Бабкина, Султан-Гирея и других, немецкие колонии: Гнаденбург (близ города Моздока), колония Александровская (около

Владикавказа), колония Николаевская (близ Пятигорска). Результаты получились весьма удовлетворительные, и в несколько лет порода скаковых лошадей в этих пунктах сделалась неузнаваема.

Позднее, и с меньшим доверием, отозвались на этот культурный призыв старые кабардинские коневоды. Первыми такими пионерами были: Абезивнов, Коцев, Наурузов, затем Атажукин и др. Они брали в свои табуны заводских производителей, однако, особого доверия к ним не питали, и лучших своих маток отдавали кабардинским жеребцам. По врожденному недоверию темного человека ко всякому новшеству, особенно если оно сопряжено еще и с расходами, масса кабардинская отнеслась скептически и к этой новой русской затее (вероятно, этому способствовала и неумелая агитация и формальное отношение к делу старых чиновников), вследствие чего целых 15 лет с года основания конюшен не было ни одного случая, чтобы сельчанин взял заводского производителя для своих маток, не смотря на то, что плата за случку была всего 1 руб. 5 коп. Наконец, управляющий пришел к мысли отпустить своему об'ездчику, на первый раз бесплатно, лучшего жеребца на покрытие его матки; это было в 1907 году. Результат оказался блестящим, и когда об'ездчик сменял годового жеребенка-стригунка на пару хороших упряжных быков—эффект был необычайный: стена недоверия рухнула, и кабардинские сельчане охотно стали пользоваться уже за плату заводскими производителями. Это и продолжалось, прогрессируя количественно от года к году, вплоть до последней войны.

В прежнее время, два-три поколения назад, мясо лошади наравне с мясом барашка и рогатого скота употреблялось в пищу, и знатоки уверяют, что оно мало в чем уступает, особенно мясо жеребенка, барашку и теленку. Однако, с повышением цен на лошадь, стали находить этот обычай нехозяйственным, а питание кониной слишком дорогим, и постепенно отвыкли от этого блюда, так что теперь молодые внуки, слушая рассказы стариков о том, как в их время резали и ели жеребят, только иронически улыбаются. Около того же времени и кобылиц усердно доили, а из молока их готовили превосходный кумыс, когда-то любимый напиток кабардинцев.

Но, конечно, главные доходы коневод-кабардинец получал от продажи своих несравненных скакунов, сбыт которым был обеспечен далеко за пределами Кабарды. Охотнее всего их покупали для ремонта и пополнения кавалерийских частей. Эти пополнения продолжались на протяжении всего последнего столетия, вплоть до войны, во время которой из кабардинских табунов были забраны на ремонт кавалерийских полков не только лучшие, но и более или менее сносные экземпляры, чем нанесен был кабардинскому коневодству трудно поправимый удар.

Цены на кабардинских лошадей уже накануне войны стояли высокие: четырех-пяти летний мерин хорошего тавра ценился 90 и 100 рублей, а верховая, молодая лошадь (мерин или кобылица) —120, 140 рублей и выше. До последней войны и революции лошадь с кабардинским тавром на территории Кабарды можно было увидеть в любом ауле у любого хозяина, даже небогатого, так что сельская кабардинская масса почти сплошь довольствовалась и обходилась лошадью своих заводов. Исключения, конечно, были, но сути дела они не меняли, и кабардинская племенная лошадь у адыге была преобладающей.

XII. Пчеловодство.

Пчеловодство известно у адыге, и в частности у кабардинцев, с незапамятных времен. У нас нет данных, как давно оно появилось у них, но есть определенные указания, что на Кавказе пчела и, конечно, в том или ином виде пчеловодство, как промысел, как подсобное средство к существованию, были известны уже в эпоху близкую к христианской эре, что и отмечает в своих анналах *Повланиус Периэгет* (70 год по Рожд. Христ.)—один из ранних исследователей Черноморского побережья. Сказка про известного у адыге мудреца Айро-Дада и про хромого козла, который занес на пасеку на своей больной ноге, обвязанной берестой искру и, заронив ее, пожег все сапетки *) и пчел, эта сказка говорит, что уже в ранний период черкесы оставили бортническое пчеловодство и перешли к сапеточному, которое и процветало у них до самого последнего времени.

Сапетки.

*) Сапеткой называется всякое плетеное сооружение, в том числе и плетеный улей.

О давнем знакомстве адыге с пчелой и пчеловодством говорит и название одного из черкесских племен—«бжедухи», что значит пчеловоды; на эту связь племенного названия с главным промыслом народа уже почти сто лет тому назад обратил внимание и швейцарский ученый Dubois du Mant Pépeux в своем большом труде о черкесах и Кавказе. Начальники отдельных частей начала прошлого столетия, возвращаясь из своих рекогносцировок по Кабарде, отмечали большую наличность у адыге по аулам сапеточных пасек. В том же духе говорит и *Семен Броневский*, автор сочинения «О черкесах». В перечне предметов, которыми торговали кабардинцы с русскими он, между прочим, называет воск и мед. О больших размерах пчеловодства и о любви кабардинцев к этому промыслу согласно подтверждают и старики-кабардинцы.

Пчеловодство в Кабарде, как и скотоводство, всегда было и остается кочевым. При существующей культуре и системе этот вид пчеловодства есть единственное средство из года в год сохранить пасеку и получить от нее пользу. В противном случае с быстрым наступлением жары, когда на плоскости все вянет и засыхает, пчела остается совершенно без взятка. В видах экономии и удобства дела пчеловоды обычно организовались в артели в 800 и 1000 сапеток. Общими средствами нанимался старый опытный пчеляк. Его нормальным летним заработком с начала мая по сентябрь месяц была плата, при готовых харчах и платье, с пасеки 50-100 сапеток по пуду меда и рой «вторак» вместе с хозяйской сапеткой. Этот «вторак» в благоприятный год, обычно, сам превращался в хорошую семью и успевал дать новый рой, который и оставался на завод пчеляку; сам же «вторак» при роебойной системе пчел шел на уничтожение, а его запас, примерно около пуда, забирал пчеляк. Итого в хороший год летний сторож-пчеляк за свой труд получал, при хозяйских харчах и платье, не менее 15 пудов меду от пайщиков, да пудов около 10 от своих «втораков»—итого 25 пудов, или 120-130 рублей деньгами, да около десятка молодых семей на завод.

Постоянным летним местопребыванием пасек была Золка, куда пчеловоды и выступали несколько ранее баранты (числа 10 мая). Причиной такой поспешности был расчет перевести пчелу раньше, чем

она успела заложить новую, нежную вощину, которая в дороге от толчков и тряски могла изломаться и испортить всю работу пчел. Выбирали удобное место недалеко от воды (не на берегу) и в то же время защищенное от ветра, и расстанавливали ульи обычно в четыре ряда так, что пчеляк, ходя по главному, всегда видит работу и состояние пчел каждой сапетки. При чрезвычайно большом взятке, чем всегда отличалась Золкинская степь, роение начиналось быстрое и дружное. При таком положении пасеки, конечно, пчеляк никогда не мог бы управиться, почему пчеловоды-хозяева первый месяц по прибытии на Золку обычно остаются при своих пчелах, и каждый следит за своей пасекой. По окончании ройбы хозяева возвращаются во-свояси, а пчеляк на все лето остается при пчелах. Для облегчения его работы и для мелких услуг артель нанимает ему подростка, которому назначает плату (конечно, уменьшенную), смотря по возрасту и работе.

День первого роя «папшуготхатво»—праздник для пчеловодов, и они обычно отмечают это хорошим обедом и обильным возлиянием. Но главный праздник для пчеловодов—это сбор урожая по благополучном возвращении с Золки; пчеловоды, отсчитав нужное количество сапеток на завод и вынув мед из остальных сапеток, резали двух-трех барашков, пекли разные пироги и устраивали угощение соседям и родичам. Но главными посетителями этого исключительного праздника являлись дети—тут уж они наедались меду досыта—до отвала. Сюда же являлся с поздравлением и с аракой или с бузой и пчеляк-сторож и, если сбор меда был незаурядный, то он непременно получал добавочное, сверх условленного—полпуда, а иногда и пуд меду; такая надбавка при хорошем годе была обычным явлением и составляла приличное добавление к его летнему заработку.

В хорошее лето сапетка дает около 30-40 фунтов чистого меду. При роебойной системе, каковая до самого последнего времени была преобладающей, каждый хозяин, для сбора меда подкуривая 70-80 сапеток, получал 60-70 пудов меду. Считая мед по довоенному времени 5 рублей пуд, в среднем, пчеловод получал в лето от своих пчел 400-500 рублей.

XIII. Оседлость и земледелие.

Выше мы уже говорили о давности поселения черкесов и зихов (предков адыге) на их теперешних местах. Судя по историческим и археологическим данным, эти поселения уже за много веков до христианской эры имели тесную связь сперва с отдельными греческими колониями на побережьи Черного моря, а затем вошли в состав и сферу влияния Босфорского царства, состоявшего по прибрежным городам тоже в значительной степени из греков-колонистов. Эти последние вели со своей метрополией деятельную и оживленную морскую торговлю хлебом и другими продуктами. У нас есть определенные данные и о размерах этой торговли и о характере ее. *Демосфен*, знаменитый оратор и политический деятель Греции, говоря о заслугах Босфорского царя Левкона перед Афинами, отмечает такой факт: Левкон отдал два приказа о торговле с эллинами: 1) о беспошлинном ввозе хлеба в Афины и 2) о погрузке в первую очередь судов, идущих в названный город с продуктами. Благодаря таким льготам, Афины каждый год беспрепятственно получали из Босфора, т. е. с Черноморского побережья, около 300.000 медимнов хлеба, что составляет на наш вес 600.000 пудов. Этот исторический факт говорит, как о древности культуры хлебов на землях, занятых адыге и их предками, так и о размерах ее.

Легенды, собранные среди жителей нынешнего Таманского полуострова несколько позже, по словам грека *Стефана Византийского*, говорят, что земледелие повелось на указанных местах с незапамятных времен, что сам Озирис, славный бог египтян, первый вспахал плугом землю около устья Кубани и засеял ее, положив начало земледелию в этих местах. Такова, по преданиям, древность земледельческой культуры на берегах Черного моря и Кубани, прежней родины адыге. Эти сведения дают основания думать, что и сами адыге, как способный и наблюдательный народ, давно уже ознакомились с названной культурой и, как народ скотоводческий по преимуществу, занимались земледелием в меру возможности и надобности.

Каким способом происходила обработка поля в глубокую доисторическую древность, указаний не имеется. Можно думать, что тот деревянный, ныне покинутый кабардинцами плуг—«пхаша» (простой деревянный сук), который и по сие время еще держится в глухих горских захолустьях и по ту сторону хребта в Армении и Грузии,— можно думать, что этот вид рала и являлся наиболее древним, которому по законам эволюции, несомненно, предшествовало что-нибудь еще более простое и примитивное—или мотыга, как у негров Африки, или простая палка.

Потребление хлебных злаков, а вместе с тем и хлеба в эту глубокую доисторическую эпоху было, конечно, самое ограниченное,—за это говорят те каменные мельнички-ступки, которые время от времени попадаются в могильниках и курганах Терской Области и в частности Кабарды (см. стр. 16). Но уже в исторический период на Северном Кавказе знали ручную мельничку, маленький жернов, не больше аршина в диаметре, которой приводился в движение руками жен, а больше руками рабов и рабынь.

Ручная мельничка.

На такой мельничке, при самой интенсивной работе, по заявлению самих же кабардинцев, больше не смелешь, как 1-2 пуда в сутки.

На смену ручной мельничке явилась примитивная водяная. Эта архаическая мельничка крайне несовершенна и иногда до смешного мала, но все же она гораздо успешнее ручной и приготовляет до 15-ти пудов муки в сутки. Указанные мельнички и до сего времени очень распространены по горным

Общий вид мельницы.

Водяные колеса.

захолустьям Кавказа—в Кабарде, Ингушетии, Осетии и др. местах, и на быстрых маловодных потоках успешно конкурируют с большими наливными и подливными мельницами о трех и четырех поставах, которые появились здесь с приходом русских.

Один из ранних наблюдателей черкесского быта, говоря о земледелии у адыге, замечает, что они пашут землю плугом, на подобие украинского, в который впрягают по нескольку пар быков. Очевидно, автор имел в виду западных черкесов, которые усвоили этот прием пахоты от Черноморских казаков, лет за тридцать перед этим переселившихся на берега Кубани,—что касается земледелия в Кабарде, то другой ранний наблюдатель адыге, и кабардинцев в частности, уроженец Черноморского войска *Иван*

Попко, в своем добросовестном труде «Терские казаки» говорит о земледелии кабардинцев так: «кабардинцы народ земледельческий, они работают легким плугом, пашут мелко, тонкими пластами, с геометрической правильностью линий, зерно сеют близко к солнечному лучу и атмосферическому воздуху».

Накануне прихода русских и первых годов совместного (вернее соседского) сожительства, земледелие и размеры его в Кабарде были весьма невелики. Плуг, по единодушному сказанию стариков, имелся далеко не у всех сельчан; его собственником, обычно, являлся уорк (помещик), которому и платили за пользование плугом посезонно по договору. Запаханное поле делили пропорционально едокам. Нередко, как сообщают старожилы, случалось и так, что у крестьянина был плуг, но не было быков — тогда пахали на коммунальных началах: один давал плуг, другой быков, третий быков и сам работал. Запашку делили пропорционально вложенным силам и имуществу: напр., плуг по стоимости равнялся сезонной работе быка или человека и т. д.; но это было уже давно, еще в эпоху крепостного права и близкие за освобождением годы. Теперь такой прием обработки земли вывелся, но сохранился еще термин, означающий такую запашку: этот термин «дзей», что значит—товарищество по плугу—супряга.

Не могу обойти молчанием один хороший обычай, крепко державшийся в старой Кабарде до самого последнего времени. Привожу рассказ о нем дословно, как помещен он на страницах местной печати одним бывалым кабардинцем *).

«Бывало, что сев уже кончился, а 5-6 дворов, постигнутых каким-либо несчастьем, еще ничего не вспахали. Тогда никто не позволял себе вернуться домой, не закончив предварительно пахоты у этих бедняков. Все люди оставались 2-3 дня лишних в степи, чтобы войти затем в селение всем пахарям вместе. Да селение и не впустило бы ни одного пахаря домой, если бы знало, что остались еще не вспаханы полоски бедняков. В степи действовала в таких случаях почти военная организация со строгой дисциплиной. Избирался руководитель полевых работ «тамада» с помощником. В их распоряжение давались конные милиционеры.

*) Заракут Мидов. „Хороший обычай". „Красная Кабарда", год 1923-й. № 240.

Нарушители распоряжений «тамады» строго карались вплоть до привязывания голого ослушника к колесу арбы. Зато по окончании сева совершалось торжественное вступление в свой аул «вакоки-хак-барак», нечто вроде веселого карнавала. Входили с песнями, а в более давнюю старину наряжались в маски, изображавшие разных зверей. В ауле окончивших свой труд пахарей ждал ряд праздников, продолжавшихся три дня. Из числа всевозможных обычаев, выполнявшихся в эти дни, хорошо я помню следующий: у дома самой красивой девушки устраивалась вышка с повешенными на ней изображениями индюка, цыплят и т. п. Лучшие стрелки состязались в стрельбе в эту мишень. Счастливые получали награду, а неудачники платили разные штрафы, увеличивавшие общее веселье этого весеннего праздника, ведущего, несомненно, свое начало вместе с песнями и всем ритуалом от древнейших языческих времен адыгейской истории».

При уборке хлеба классический серп и коса были распространены повсеместно. Во время жатвы и сенокоса, как говорит *С. Броневский*, князья раз'езжали по полям конно-вооруженные для наблюдения за сельскими работами и для прикрытия работников от возможных вражеских набегов и жили месяца по два в летних лагерях (кошах) со всей воинской осторожностью. Несложна и упрощена была и молотьба. Она производилась, по словам того же наблюдателя Кабарды, так: «молотят хлеб балбами, т. е. топчут и перетирают колосья посредством лошадей или быков, впряженных в особую доску *), на которую наваливают тяжесть, как в Грузии и Шерване». К описанному прибавлю, что такой способ обработки зерна можно увидеть по глухим уголкам Кабарды, Осетии и Ингушетии и по сие время. К этому несложному перетирающему и обмолачивающему аппарату лет 30-40 тому назад еще прибавился каменный каток, заимствованный у казаков, который наряду с современной молотилкой удержался до настоящего дня. Вот тот несложный земледельческий и хозяйственный инвентарь, который, можно думать, с теми или иными видоизменениями и улучшениями служил кабардинцу многие поколения и века, да

*) В нижней поверхности доски сделан ряд прорезов, в которые вставлены осколки кремня; позже кремень заменился железными пластинками на подобие зубьев молотилки, только более тонкими.

служит еще и теперь, не смотря на то, что и косилка и паровая молотилка с революции 1905 г. все настойчивее и глубже проникают в кабардинский хозяйственный уклад и все больше находят к себе доверие.

Судя по отзывам древних, просо с незапамятных времен являлось наиболее распространенным из хлебных злаков на Кавказе. Таковым же оно являлось и в средине прошлого века. Это подтверждает и старинный анекдот такого характера: «что есть основа жизни?» спросил однажды народного кабардинского певца-поэта ученый мусульманский улем (богослов-проповедник). «Просо»— не моргнув глазом, ответил ему находчивый поэт. Что это было действительно так, это подтверждается и древним адыгейским приветствием, которое и поныне кабардинец говорит, застав хозяина за трапезой—«соль и паста», *) вместо русского «хлеб-соль». Просо, как первенствующий хлебный злак у адыге. отмечают и русские наблюдатели и исследователи края. *А. С. Пушкин* в своей ранней поэме „Кавказский пленник", говоря сначала о скудной трапезе горца, пишет: «Черкес огонь развел, пшено сварил»... И не раз уже упоминаемый нами *С. Броневский*, перечисляя культурные хлебные злаки у кабардинцев в начале прошлого столетия, пишет: „Больше всех хлебов сеют просо, потом турецкую пшеничку (кукурузу), яровую пшеницу, полбу, ячмень". Первенствующее значение просо удержало вплоть до начала девяностых годов, что видно из очерка *Е. Максимова* «Кабардинцы» (см. этот очерк в «Терском сборнике» на 1892 год).

Что же касается кукурузы, то *С. Броневский* не совсем прав, говоря о возделывании этого злака среди черкесов. Он, вероятно, или слышал о нем, или наблюдал его среди западных адыге; что же касается кабардинцев, то здесь она появилась много позднее и в разных местах в разное время, и в первые годы в очень ограниченных размерах. Например, в селении Джанхотово (ныне Психансу) она появилась ровно 60 лет назад, и еще жив сам пионер ее и распространитель—Х., который с гордостью рассказывает молодежи, что он в Осетии выменял три барана на меру кукурузы и разделил ее пригоршнями между своими односельчанами, и с той поры джанхо-

*) „Паста"—просяная желтая каша.

товцы начали возделывать у себя этот съедобный и урожайный злак. В Кайсын-Анзорово (ныне Стар. Лескен) она занесена из Чечни, путем обмена пленных чеченцев на кукурузное зерно, примерно, около этого же времени.

Так распространилась кукуруза по всей Кабарде под странным именем «нартух», что значит пшеница нартов. *) Эти сообщения и наблюдения подтверждаются и историческими данными, имеющимися в архиве Терской областной чертежной. Здесь в докладе «Комиссии Кабардинского отделения по правам личным и поземельным туземного населения Терск. Обл.» от 29-го января 1868 г. за № 7, под председательством Нурида, мы находим такие строки: „Из культур сеют главным образом просо. Разведение пшеницы составляет в Кабарде самое недавнее нововведение и потому еще не многими принято. Что же касается других сельских произрастаний, свойственных Кабардинской почве, как то примерно: ржи, гречихи, овса, ячменя, конопли, льна и т. п., то пока они кабардинцам неизвестны. Кукуруза разводится в Кабарде, как огородная овощь. Между кабардинцами установилось понятие, что земля, не производящая дорогого им проса и не дающая хороших сенокосов,—непременно негодная".

Не так давно, по рассказам стариков, появилась и распространилась в Кабарде и пшеница, почти одновременно с кукурузой, сперва в Малой Кабарде, затем в Большой и по предгорьям. Что касается полбы, которая стоит у *С. Броневского* на 4-м месте, то ее давность для Кабарды мы поставили бы на втором месте. По крайней мере, во всех аулах, где мне приходилось бывать, на все мои вопросы, какой хлеб, какое зерно у них древнее всего, мне неизменно отвечали—просо, и затем «гаше», но, что такое «гаше», объяснить на словах не могли, сами же сеять его давно перестали. После долгих розысков удалось установить, что «гаше» просто наша полба. В старые годы полба была широко распространена по Кабарде, начиная с плоскости и кончая предгорьями,

*) Один газетный сотрудник, говоря о хлебных злаках Сев. Кавказа, на этом основании решил, что кукуруза известна Кавказским горцам со времени мифических нартов. Это недоразумение—кукуруза (маис) появилась в Европе лишь со времен открытия Колумбом Америки, после 1492 года.

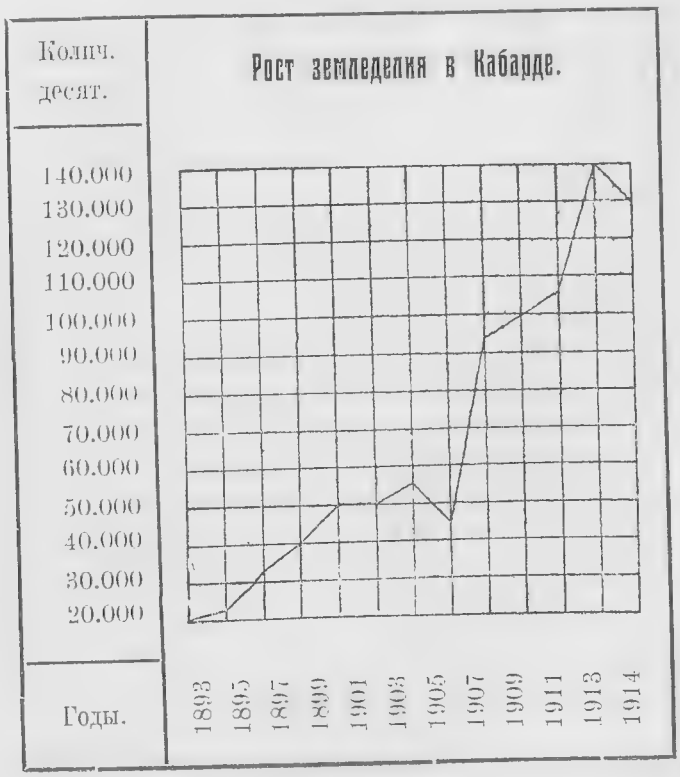
и давала верные урожаи, иногда пудов 100 и больше на одну хозяйственную десятину. По словам старожилов, она по предгорьям отлично выдерживала и весенние утренники и даже осенние заморозки, чего там не могла вынести русская пшеница, и пропадала каждый раз, вводя в убытки и непроизводительные расходы добросовестного и заботливого кабардинского земледельца. Вытесненная пшеницей, которая, однако, не могла во всем заменить ее, она (полба) местами вновь начинает возрождаться.

Из прошлого мы видим, как давно уже земледелие известно кабардинцам. Не смотря на это, мы не замечаем, чтобы размеры и культура его сделали большие успехи; способ же и приемы обработки земли здесь до самого последнего времени оставались самыми первобытными. Этому было много причин. Во-первых, большие запасы удобной земли, исключающие необходимость ломать голову над усовершенствованием приемов обработки почвы; во-вторых, отсутствие свободного капитала, необходимого для всякой серьезной реформы; в-третьих, дешевизна продуктов, не всегда окупающих и те минимальные расходы, которые затрачивались на их выращивание, а также и другие причины. Явное дело, при таких условиях, земледелец будет придерживаться той системы земледелия, которая требует от него минимум затраты материальных и интеллектуальных сил. А таковой системой, при наличности большого запаса земельных угодий, являлась и является система переложно-залежная. При указанном ведении хозяйства, как известно, участок земли, отведенный под пахоть (ван'аха), эксплоатируется 6—8, иногда 12 лет; затем, когда замечают, что почва истощена, ее забрасывают и переходят на другой клин. Заброшенное поле (пхаошебга), отдохнув лет 8 или 10, набирается сил и вновь поступает под пахоту до нового истощения. Такой способ обработки, конечно, возможен только в областях с большими запасами удобной земли, что мы здесь и наблюдаем. Эту систему земледелия *Е. Максимов* и отмечает 30 лет тому назад в своем очерке «Кабардинцы», как господствующую.

С тех пор многое изменилось: увеличение народонаселения, рост цен на сельские продукты, удобство сбыта (наличность железно-дорожной линии) и большая выгодность культуры хлебов заставили обратить серьезное внимание на эту отрасль сельского

хозяйства и, в первую очередь, площадь посевов начинает быстро расти, сокращая площадь залежей, каковые питали эту систему. И, конечно, недалеко то время, когда кабардинцы навсегда распрощаются с этим архаичным способом обработки земли и перейдут на более интенсивную систему, где, во всяком случае, находилась бы в обороте большая площадь земли, нежели при системе переложно-залежной.

Теперь поглядим, какую эволюцию пережило это молодое дело уже после очерка и краткого итога *Е. Максимова*. Берем последние 20 лет, предшествующие мировой войне и революции, начиная с 1893 года. В этом году запашка составляла довольно скромную величину в 23,000 дес., а рост земледелия ясно виден из настоящей диаграммы.



За 20-ти летний период пахатная площадь в Кабарде увеличивается более чем в 6 раз, пережив несколько заминок и достигнув к началу европейской войны 140.000 дес.

Изучая цифровые данные о культуре различных злаков в Кабарде за означенные годы, мы замечаем, что в указанном поступательном движении хлебопашества не все виды его в количественном отношении росли одинаково равномерно.

С. Броневский в своем труде о Кавказских горцах, в главе о земледелии кабардинцев, об озимых хлебах у них даже не упоминает. Ничего об этом не говорит и уже упомянутая мною выше комиссия *Нурида*, а в конце 80-х годов знакомый нам по прошлым страницам *Е. Максимов* отмечает, что сбор озимых хлебов в Кабарде равняется уже пятой части всех собираемых злаков или 19%, а в 1914 г. озимые составляют уже 38% всей обрабатываемой площади. Тут явно чувствуется влияние русских земледробов, у которых озимые хлеба занимают видное место в сельском хозяйстве. Практичный кабардинец не мог не заметить очевидных достоинств этого приема, т. к., засевая злаки под зиму, хозяин растягивает работу и страхует себя на случай неурожая—не уродит яровое, так уродит озимое.

Однако, яровые все еще являются преобладающими, хотя картина и в этой области претерпела существенное изменение. Свидетельством сего являются цифровые данные, которые говорят, что просо занимало в 1893 г. по площади запашки первое место или 48%; на втором месте (27%) стояла пшеница; на третьем месте—кукуруза—16,52%. Через 20 лет, в 1914 г., мы видим уже иную картину. Теперь в ряду других злаков по занимаемой площади *на первом месте стоит кукуруза, которая в 60 гг. (прошл. ст.) была известна только, как огородное растение,*—она занимает 28%. Пшеница остается на 2-м месте. На третьем стоит ячмень, площадь которого в общей массе запаханной земли поднялась с 4% до 22%, а просо с 1-го места передвинулось на 4-ое, упав с 48% до 17% в общей массе пахотной площади.

Выгодность культуры пшеницы, легкий сбыт и высокие цены сделали то, что в какие-нибудь 30 лет она завоевала в хозяйственном быту прочное положение и заняла второе место в ряду других злаков; однако, постоянный риск с этой культурой убе-

дил кабардинского землероба не слишком полагаться на этот хлеб; поэтому он за целых 20 лет количественно не продвинулся вперед, а остался на том же втором месте. Первое же место заняла кукуруза, высокая урожайность которой пред всеми другими злаками и относительная неприхотливость показали кабардинцу всю выгодность возделывания этого нового хлеба.

Но любопытнее и интереснее всего то, что в течение указанного периода происходит рост земледелия не только количественный, но и качественный, т. е. повышается продуктивность и интенсивность и в самом земледелии. Так, по исследованию *Е. Максимова* о состоянии земледелия в Кабарде за 80-ые годы, мы видим, что в конце этого десятилетия средняя урожайность злаков за 4 года такова: проса *сам—7*, кукурузы *сам—14*, пшеницы *сам—4*, ячменя *сам—5.5*. Цифры за 11 лет, предшествующих войне, показывают, что после 20-летнего периода урожайность всех злаков возросла, особенно проса и кукурузы—первое с *7* до *18* и второе с *14* до *24*; также повысилась урожайность пшеницы и ячменя. Приводя эти последние данные, следует заметить, что в данном случае мы наблюдаем не столько повышение абсолютной урожайности, сколько, главным образом, большую экономию зерна при посеве, чего в первое время не наблюдалось у начинающих кабардинских землеробов, но что в конечном итоге увеличивает и повышает хозяйственное «сам». Однако и общий рост урожаев несомненен.

XIV. Огородничество и садоводство.

Огородничество появилось в Кабарде одновременно с садоводством, и пионерами и культуртрегерами его были все те же русские гарнизонные солдаты, отбывавшие свою службу в крепостях—Нальчик, Баксан и пр., разбросанных по Кабарде. Выйдя в отставку и поселившись слободками и форштадтами под стенами крепости, они на свободе еще с большим успехом продолжали свое доброе дело, являясь живым примером для окружающих старожилов. Старики-кабардинцы знают это и помнят, и с признательностью отзываются о своих первых учителях в огородничестве и садоводстве—отставных крепостных солдатах.... Так житель сел. Кармово—уже известный нам по предыдущим главам Н. К.—на мой вопрос, как давно появилось у них это дело, не стесняясь и не скрывая правды, сказал, что они, кармовцы, до прихода русских не знали огородов и научились возделывать овощи и, главным образом, картофель от солдат, которые жили в их крепости. Крепость эта называлась «Каменномостной», следы ее сохранились

Остатки Каменномостной крепости.

там и по сие время. Насколько глубоко успела крепость войти в быт местных кабардинцев, тому достаточным показателем является то, что когда после революции все аулы, носившие название обычно по фамилии своего бывш. князя, были переименованы, Кормово было переименовано в Каменномостное.

Культура огородничества распространилась по всей Кабарде, но на первых порах медленно, так что издатель «Терского обл. календаря» в отчете своем за 1890 г. об огородничестве всей области обмолвился такой пессимистической фразой: «садоводство и огородничество за единоличным исключением не обращает на себя серьезного внимания жителей и не имеет поэтому в экономике области существенного значения». Восемь лет спустя, издатель «Терского обл. календаря» в отчете за 1898 г. уже смотрит на культуру огорода в области более отрадно, высказывая такую фразу: «огородничество занимает в Терской области более видное место, чем фруктовое садоводство. В более степных—бахчи, в дождливых и прохладных местах—столовая овощь и зелень. В последнее время заметно промышленное огородничество». В 1893 г. в «Терском Областном Ежегоднике» заводится особая глава о культуре огорода в области с отдельной статистической таблицей и с особой строкой для Кабарды (Нальчикский округ). Так этот отдел и сохранялся вплоть до самого последнего выпуска... Однако, целых 7—8 лет названный промысел был в каком-то летаргическом состоянии и в нем не замечалось ни особого движения, не замечалось и упадка, и только с 1900 г. он как-то сразу становится на ноги и, хотя медленно, но безостановочно растет вплоть до революции, и площадь огородов за 14 лет увеличивается в два раза.

Приемы обработки и культура огородных растений ничем не отличаются от обработки в русских станицах и хуторах—разве еще большей небрежностью и халатностью. Этим, и ничем иным, только и можно об'яснить невысокую урожайность такого в общем неприхотливого и хозяйственного растения, как картофель, цифры урожайности которого за те же 11 лет дают такую картину. Самая высокая урожайность в 1908 г. *сам—6,4* затем *сам—6,0* в 1904 г., остальные годы еще ниже, а 1907 и 1913 г. *сам—2,5 и 2,9*. Сред-

няя урожайность немного выше 4,5. Это даже ниже средней урожайности озимых и яровых злаков—овсов и ячменей—в той же Кабарде, не говоря уже об урожайности того же картофеля в других районах бывшей Терской области.

Садоводство как промысел, как подсобное занятие имело в Кабарде вплоть до войны и революции и непродолжительную историю и, сравнительно, небольшое значение. Прошлое этого промысла насчитывает за собою в Кабарде не более 50-70-ти лет; так же как огородничество, оно (садоводство) занесено сюда русскими колонистами—отставными солдатами. Эти ветераны, отслужив срок службы на Кабардинской территории и по другим частям Северного Кавказа и Закавказья, часто обремененные большими семьями, которые в видах колонизации первое время (например, при Ермолове) даже выписывались для них из центральной России, настолько свыкались с его климатом и условиями жизни, что уже не хотели возвращаться домой и, поселившись под стенами оставленных крепостей, положили начало целому ряду поселков и слободок с русским населением, о которых я уже говорил в этой главе. Привыкнув дома, особенно малороссы, к вкусным плодам и фруктам и тенистому саду, они, конечно, сразу учли удобство климата и почвы и, зажив собственным домком, постарались окружить себя и отечественными удобствами, и в Кабарде появился сад, а в саду вишни, яблоки, груши, сливы и другие плодовые деревья. Культурная немецкая колония, появившаяся в этих краях вскоре по основании названных крепостей, увеличила здесь количество культуртрегеров и культурных рассадников. Но сами кабардинцы, ведя полукочевой образ жизни, долго оставались глухи к этому хорошему делу и, охотно потребляя русские фрукты и овощи, у себя дома не заводили садов. Только лет 20 тому назад, наконец и кабардинцы стали понемногу подражать в этом деле русским и немецким колонистам. Одним из первых на это отозвалось сел. Ашабово на реке Малке, благодаря близости с Ашабовскими конюшнями, где имелся большой фруктовый сад, и теперь Ашабовские сады являются образцом и примером для других кабардинских аулов, где также понемногу налаживается это дело, но, надо сказать, первое время налаживается медленно и туго. Однако, время взяло свое, и ныне можно увидеть

сады не только на плоскости, но даже в таком селении, как Кармово, где пионером его явился Астимир Х., долго живший на Золке в одном культурном имении. Порядочно развито садоводство в аулах Ст. Черек, Аргудан, Урванское и особенно в с. Жемтала (Верх. Кожоково) и Куркужинское (Копово) с ранними и поздними сортами яблок и груш, но количественный и качественный рост их, скажу еще раз, идет очень медленно, не хватает знания, и центром тяжести для садоводства в Кабарде по прежнему являются русские слободы и немецкие колонии—Нальчик. Баксан, кол. Гнаденбург, Александровская и др.

XV. Промыслы.

Бурочное производство. Когда-то бурочное производство процветало в Кабарде и являлось здесь, до некоторой степени, национальным ремеслом, в котором кабардинцы достигли большого искусства, так что название «кабардинская бурка» являлось в значительной степени гарантией прочности и красоты этого своеобразного горского одеяния. Бурка—непременная принадлежность кабардинца старого времени; четыре предмета, без которых горец былых времен не представлял себе настоящего джигита, это—конь, винтовка, кинжал и бурка. Бурка в походе незаменимая вещь: она от дождя превосходный непромокаемый плащ, покров от летнего зноя, защита от холодного ветра; ночью в степи на походе она—постель и одеяло. Свернутая за ненадобностью в небольшой валик, она занимает за седлом очень скромное место, к удовольствию и всадника и походного коня. Вот почему на нее в то боевое тревожное время был такой сильный спрос и среди горцев и среди казаков, не только «линейных», но и «тихого Дона». Но для пешехода, особенно в сырую погоду—она уже обуза. Она болтается, как длинная несуразная юбка, путается между ног, пачкается в грязи.... Еще неудобнее она в хозяйстве, по домашности и на работе в степи. Здесь она только мешает своей длиной, своими полами, которые лезут под ноги, грязнятся и мешают в работе.... Короче—для мирного домоседа, каким теперь делается кабардинец, да и всякий горец, ее достоинства не так уж велики, почему этот промысел все падает и падает, как в самой Кабарде, так и по другим районам Северного Кавказа.

Бурочный промысел тесно связан с овцеводством и избытком шерсти. Вот почему он и облюбовал себе место здесь с незапамятных времен. *Маркграф*, сорок лет тому назад впервые обследовавший состояние бурочного производства в Кабарде, отмечает, что здесь бурки умеют делать и делают в каждом ауле, однако, селение Атажукино, Куденетово и Тамбиево по количеству производства шли впереди прочих кабардинских поселений.

Поделка бурки не большая тайна, но требует много времени и усидчивости. Для бурки предпочитается шерсть черного цвета

и осенней стрижки,—черная потому, что на нее нужно меньше красящих веществ. Изредка готовят бурки и белого цвета—из белой шерсти, но только для богатых и по особому заказу. Шерсть, предназначенная для бурки, предварительно моется в горячей воде и с мылом,—в противном случае она будет отдавать потом овцы; еще лучше, если представляется возможность вымыть шерсть в щелочном, горячем источнике. Просушив шерсть, приступают к ее сортировке. Обычно это производят женщины и дети в длинные осенние и зимние вечера. Шерсть раздергивают, отделяя длинную жесткую косицу от мягкого подшерстка, а затем расчесывают на особом гребне с длинными зубьями.

Зубья для расчески шерсти

После всего следует третья, последняя, стадия сортировки—разбивка лучком. Лучок—это тонкая хворостина четвертей 5 длины, полусогнутая шнурком (на подобие детского лука, только побольше). Пучок шерсти кладут на прутяную решетку, над ним, под небольшим углом, придерживая лучок левой рукой, правой бьют по струне, вернее, эластично дергают ее, струна дрожит, бьет по клочку шерсти и разбивает его на ровные, нежные, как хлопья, волны. При этом третьем, последнем, процессе оставшиеся тяжелые косицы отлетают в сторону, пыль просыпается под решетку, а пух и чистый подшерсток, наиболее ценный для изготовления бурки, остается на решетке.

Изготовление бурок происходит весной или осенью и делается таким образом: на циновку осторожно и равномерно трехугольником укладывают слой мягкой шерсти, обрызгивают ее водой и таким же порядком на первый мягкий слой пуха укладывают слой косицы, затем сворачивают шерсть в трубку и катают ее взад и

вперед. Для катанья требуется не меньше 4 женщин; если в доме такого количества их не имеется, приглашаются соседки, которым при надобности отплачивают такой же работой. Укатываются бурки ритмическими движениями, во время которых поются песни, сложенные только для этого случая. После уваливания бурку моют в щелочной воде, а после просушки еще и в чистой, и мнут ногами на плетенке; засим верхнюю мохнатую часть начесывают бурочной щеткой, а нижную пуховую опаливают на легком огне для уничтожения отдельно торчащих шерстинок. После этого бурку кроят, т. е. подгоняют по росту, и бурка вчерне готова. Обычно в таком виде их и продают перекупщикам, и уже эти последние отделывают их, т. е. обшивают ворот (на лучших экземплярах галуном), подшивают снизу вершков на восемь легкую подкладку под плечи и ниже, обычно кумачовую или сатиновую, прикрепляют кожаные застежки, и бурка идет в продажу. Процесс изготовления бурки довольно медленный, на изготовление хорошей бурки требуется времени не менее месяца. Одна семья может приготовить в зиму до 15 бурок, а всего в Кабарде фабриковалось в былые года (20—30 л. тому назад) около *6000—7000 бурок* в год.

Из испорченных или поношенных бурок, а также из обрезков, приготовляют чехлы для ружей, теплые мягкие голенища для наговиц и проч. хозяйственную мелочь.

Суконное производство. Наряду с бурочным производством когда-то процветало сукноделание. *Пейсонель* (французский консул в Крыму во 2-й половине XVIII в.), говоря о торговле черкесов с Крымом, замечает, что черкесы на заказ приготовляют белое сукно столь высокого качества, что он принял материю за французскую ткань и, по его словам, ему стоило большого труда убедить себя, что в этой стране можно найти шерсть, пригодную для производства столь хороших сукон. Теперь ткани такого качества мы увидим редко, в Кабарде и по ее аулам работают сукна преимущественно черные, грубые, непрочные. Ныне этот промысел распространен по всей области, но сосредоточие его, как и бурочного, в селениях, лежащих по р. Баксану, т. е. в местах, расположенных ближе к торговым и административным пунктам—Баксану, Нальчику.

Уже 20—30 лет тому назад *Е. Максимов* в своем очерке констатирует замирание и падение этого промысла и постепенное отрешение кабардинца от прадедовских адатов—ходить в черкеске сукна собственного производства. Широкое распространение фабричной мануфактуры всякого рода и всякого вкуса—ситцев, сукон и полотна, доступность цен делало бесцельным производство своих сукон, которые не выдерживали конкуренции с тонкими, широкими, крепкими и чисто отделанными фабричными сукнами,—и если *Е. Максимов* отмечает, что количество сукноделов в Кабарде по меньшей мере втрое меньше, чем бурочников, то накануне войны эта цифра, по моим наблюдениям, еще больше пала, и домашнему сукноделанию грозила участь совершенно исчезнуть из круга ремесл кабардинских женщин.

Наступившая революция и мануфактурный кризис оживили падающее производство, и ныне кабардинское сукно вновь, как в прошлые годы, готовится и ткется по всей Кабарде.

Производство его несколько сложнее, чем приготовление бурки. Приготовление шерсти проходит таким же порядком, как и для бурки, затем следует процесс прядения; эта операция обычно производится самым первобытным способом, с помощью веретена; при посещении аулов обычна картина старухи, не расстающейся с веретеном.

Что касается прядильного станка, (см. рис. на 83 стр.) то он гораздо проще, чем русские «красна» и—однако, по качеству кабардинское сукно не ниже русской суконной онучи. С примитивным станком (основа, прикрепленная к гвоздю или крючку противоположной стены) свободно управляется и девочка-подросток, тогда как за русскими «краснами», за тканьем холстов, или дерюги, или сукна обычно работают только взрослые.

Нынешний рост и, я бы сказал, расцвет сукунного производства можно считать явлением временным и с урегулированием жизни и цен на необходимейшие жизненные продукты, в том числе и на мануфактуру, этот промысел, вероятно, опять упадет до того уровня, на котором он находился накануне войны,—слишком непродуктивно изготовление домашнего сукна, и даже самая ретивая и трудолюбивая кабардинка в конце концов найдет, что де-

шевле и лучше купить готовое хорошее сукно, нежели тратить материал и время на изготовление своего плохого.

Кабардинский стан.

Такова картина современного состояния сукноделания в Кабарде и таковы его ближайшие перспективы.

Седельное производство. В тесной связи с коневодством и походно-боевой жизнью кабардинца стояло в прошлые годы и седельное искусство. Оно в свою очередь слагалось из трех отдельных специальностей: арчакового—поделка деревянных частей в седле, шорного—кожевенно-ременные изделия при седле, и затем металлического—железная и медная поделка для седла. Особенно высоко стояло искусство изготовления удил и стремян, каковые некоторыми мастерами своего дела изготовлялись прямо из цельного куска железа, чем и вызывали и вызывают не малое удивление у профессионалов этого промысла за рубежом Кабарды. По всем данным седельное производство, так же как и коневодство, ведет свое начало с незапамятных времен, но, как более сложное и ценное, оно никогда не было так распространено, как промыслы бурочный или сукноделательный. И уже в начале 90 годов прошлого столетия, как ремесло и промысел, оно было сосредоточено только в 3-м участке Нальчикского округа, где этим промыслом занимались, по словам *Е. Макеимова* , около 100 дворов; помимо

этого, можно было встретить в Кабарде и еще несколько сот дворов, в которых на досуге занимались изготовлением седел, зарабатывая этим в дом десяток-другой рублей. В противоположность бурочному и суконному промыслам, сосредоточенным в руках женщин, седельное и арчаковое производство исстари, как требующее значительной мускульной силы, находилось в руках мужчин.

Кабардинское седло.

XVI. Политический и территориальный расцвет адыге.

Освободившись довольно рано от засилия и эксплоатации далеких северных пришельцев, адыге, однако, не долго пользовались этой внешней свободой. Нахлынувшая из азиатских степей на Восточную Европу страшная волна кочевников-монголов не миновала и их, и черкесы наряду с другими кавказскими народами надолго делаются данниками Золотой Орды.

Эта зависимость кавказских племен выражалась в платеже дани, обычно натурой—скотом и сырьем, а часто и молодыми пленниками—мальчиками и девушками—и подачей живой силы (молодых воинов) по первому требованию хана. Этот последний факт засвидетельствовал и русский летописец, который, рассказывая о Мамаевом походе на Русь, отмечает, что на Куликовом поле в ордынских рядах были и черкесы. Гибель и развал Орды были приветствуемы не только русским народом, но и всеми племенами Кавказа, а в частности и адыге.

После распадения Орды черкесы быстро оправляются и крепнут экономически, особенно восточная, наиболее многочисленная и энергичная ветвь их—кабардинцы; конечно, в первую очередь крепнет свободное привилегированное сословие—владетели крепостных рук. Их стада и табуны коней, охраняемые десятками и сотнями даровых пастухов-рабов, растут и множатся. Этот постоянный рост стад, естественно, требует все новых и новых пастбищ, и адыге медленно, но настойчиво раздвигают пределы своих первоначальных займищ (течение р. Кубани и угол, образуемый этой рекой и Черным морем).

Политические обстоятельства того времени благоприятствовали им; судя по орографии Северного Кавказа, а также и по племенным преданиям, как предгорная, так и горная полоса названной области издавна населялась множеством разобщенных и враждебных друг другу племен: абаза, осетины, чеченцы, ногаи, кумыки и пр. Каждое из этих племен, в свою очередь, делилось на еще более мелкие колена, общества и роды, между которыми кипела непрерывная племенная и родовая вражда. Настойчивое продвижение кабардинцев на во-

сток встретилось с противоположным движением, исходящим из Дагестана, в котором гегемония в это время была, по кабардинским преданиям, в руках аваров. Воспользовавшись неурядицами в самой Кабарде, дагестанцы попытались положить предел их продвижению и с большим количеством людей двинулись на кабардинцев. Последние, не надеясь на собственные силы, позвали на помощь своих западных сородичей—закубанских черкесов. Такие же рабовладельцы и скотоводы, как и их восточные сородичи, западные адыге, в чаянии хорошей добычи (коней, оружия и пленных), охотно приняли предложение кабардинцев и явились со значительными силами. Адыге заманили аваров в глубь своих владений, в междуречье Баксана и Чегема, и здесь нанесли им полное поражение и заставили отказаться от их враждебных планов. Следствием сего было то, что авары более не мешали их действиям, и в половине XVI века кабардинские князья стояли уже прочной ногой у устья Сунжи, граничащей с Кумыкской площадью. *)

Шестнадцатый век и начало XVII были временем высшего военного и материального роста правящего класса адыге. Владения кабардинцев теперь простирались от подножий Эльбруса и почти до устья Терека. Их бесчисленные стада овец и табуны коней под надзором пастухов-рабов и крепостных беспрепятственно бродили по тучным равнинам Предкавказья.

Победитель-чужеземец, после того как у побежденного проходит первое острое чувство недоброжелательства и ненависти, всегда был для последнего предметом тайной зависти и подражания. То же мы замечаем и здесь. Подражание началось с внешности, и черкеска—национальный костюм адыге, делается общим достоянием всех горцев Северного Кавказа. Удивлялись их умению выращивать и выезжать бесподобных коней и ездить верхом и силились быть похожими и в этом на кабардинца. Но и самый характер кабардинцев, конечно, высшего сословия, их рыцарски вежливое обращение друг с другом и с посторонними, их уменье принять и проводить гостей, весь их уклад жизни и весь их «адыге-хабзе» (адаты, обычаи на все случаи жизни)—все это удивительно действовало на впечатлительных горцев, и они сами доб-

*) Это видно, как по архивам данным (см. акты Белокурова), так и по иностранным отзывам (см. *Олеария*).

ровольно отдавали своих сыновей на воспитание в семьи кабардинских узденей, откуда те возвращались настоящими кабардинцами, так что держать себя и говорить по-кабардински считалось для всякого горца, вплоть до покорения Кавказа, верхом воспитанности и лоска, и сказать горцу, что он держит себя или ездит, как кабардинец, считалось верхом похвалы.

Так поставили себя кабардинцы среди народностей Северного Кавказа.

Будучи хозяевами богатых и обширных пастбищ *), победители теперь (вторая половина XVI в.) думали не о захвате новых земель, а хотя бы о сохранении того, что они имели в своих руках. Оно и понятно. Не легко было справиться с раздробленными и вечно враждебными друг-другу племенами. Но много труднее было бы защитить такую площадь от внешнего, более многолюдного и сплоченного врага, если бы он появился на границах области и стал угрожать их стадам и займищам. Такие враги и появились у них как раз к моменту их высшего территориального и экономического благополучия. Это и были для западных адыге—и в частности для Большой Кабарды—Крымская Орда, а для Малой—кумыки (Шамхал Тарковский).

Такие же рабовладельцы и скотоводы, как и кабрдинцы, они подобно последним нуждались в пастбищах, которых у кабардинцев было не мало. И новые претенденты на богатые земли стали теснить старых хозяев. Кабардинцы забили тревогу. Начались стычки, но в большинстве случаев безуспешные для адыге. Помимо подавляющей численности—враги обладали военной спайкой и дисциплиной, чего как раз в этот момент у кабардинцев не было.

Надо заметить, что упоенные военным успехом и материальным благополучием, правящие классы адыге поставили себя среди других сословий—просто свободных людей и несвободных—в особое, исключительное положение. Они создали целый кодекс правил и обычаев—«адыге-хабзе», который предусматривал и на-

*) В их руках была площадь не менее 50.000 кв. верст, т. е. почти площадь прежней Терской области (63.000 кв. в. и 1½ мил. населения) и с населением, как можно думать (на основании тогдашних показаний кабардинцев), не более 50—60 тыс. человек, т. е. с плотностью один человек на кв. версту, что было идеалом, о котором только может мечтать кочевник—скотовод, и этот идеал был в руках кабардинцев.

правлял каждый поступок, каждый шаг кабардинца в отношениях друг к другу—и к уорку и к князю в особенности—и требовал неукоснительного исполнения этих обычаев. Помимо разных, очень обременительных поборов в пользу дворянина и князя, «адыге-хабзе» требовал от простолюдина строжайшего почтения к «благородному» и особенно к князю, особа которого по кабардинским адатам считалась священной и неприкосновенной.

Такой моральный и материальный гнет вызвал под конец в народной массе сильнейшее озлобление и даже восстание против князей. Многие из них, по народным преданиям, были убиты (князья Тахтамышевы), другие лишены княжеского звания (те-же Тахтамышевы и Апшевы), третьи, как например Мало-Кабардинский князь Темрюк (будущий тесть Грозного), так озлобил против себя народ, что должен был или постоянно сидеть дома в своем ауле, или ездить под усиленной охраной узденей, на которых тоже надежда была плоха. При таком моральном состоянии народа ожидать побед было трудно. Положение делалось затруднительным.

В этом стесненном положении кабардинские князья и стали искать себе покровителя. Выбор их останавливается на далеком Московском государстве.

То был во всех отношениях удобный покровитель. Московское государство было к этому времени достаточно сильно и авторитетно (только что произошел разгром Казани и Астрахани), чтобы пугать противников и прикрываться его именем, и оно было достаточно далеко, чтобы не вмешиваться во внутреннюю жизнь Кабарды. Что в этом поступке кабардинского правящего класса прежде всего являлись расчет и необходимость, это видно из того факта, что одновременно с предложением о подданстве высказывалась и настоятельная просьба оборонить от внешних врагов—у Пятигорских черкес—от Крымского хана, у Мало-Кабардинских (посольство князя Темрюка)—и от внешнего и от внутреннего врага (его же подданные); для каковой цели князь убедительно просил построить город на его земле и населить его московскими ратными людьми, под защитой которых он и мог бы жить со своими людьми. Первое такое деловое посольство кабардинцев в Москву произошло в 1552 г. Названный год и считается началом подданства адыге русскому государству. Таковы были истинные причины, побудив-

шие адыгейскую знать искать покровительства и подданства у далекого северного государства.

В истории Московского государства это была эпоха зарождения торгового купеческого капитала, и правительство того времени, во главе с Иваном Грозным, внимательно прислушивалось к его требованиям. Оно грозило западу и успешно раздвигало границы на восток. Одно за другим пали татарские царства Казань и Астрахань—политические и торговые враги Москвы, и великий торговый водный путь по Оке и Волге в Шемаху, Баку и Персию был теперь в руках русских. По этой причине предложение черкесов о подданстве было выслушано весьма благосклонно и за него живо и крепко ухватились по многим причинам: во-первых, это был союзник против общего врага—крымцев, во-вторых, это был опорный пункт для дальнейшего продвижения на юг и восток—к богатым рынкам.

За дальностью расстояния и за отсутствием средств, Москва, однако, долго не могла оказать своим новым подданным существенной помощи, и только после многократных просьб со стороны адыге она решилась на серьезный шаг, и в 1553 г. у слияния Терека с Сунжей был основан городок «Терка», населен московскими людьми и вооружен «огневым боем», т. е. ружьями и пушками. Однако, стратегическое положение нового городка было не особенно надежно, почему крепость лет через 20 была перенесена к устью Терека, куда путь из Астрахани и берегом и морем был несравненно и ближе и безопаснее, нежели к Терке на Сунже. Раз основанная, новая Терка продолжала существовать на далекой окраине, как опорный пункт Москвы, почти 150 лет, без особой пользы, но и без вреда для Кабарды, главным образом, как таможенная застава, как наблюдательный пограничный пункт за непримиримыми врагами Малой Кабарды—кумыками («лукавым Шевкалом»). В 30 годах XVIII ст. эту крепость перенесли еще раз на новое место и назвали Кизляром. Здесь этот городок и остался до настоящих дней.

Но возвращаюсь к политическому положению Кабарды. От подданства России кабардинцы выигрывали весьма немного. Начавшаяся в России крестьянская революция (смутное время), отчаянная борьба крестьянства и др. непривилегированных классов

за право быть самостоятельным хозяином, обессилило русскую государственную власть, заставило ее отказаться от широких планов продвижения на Восток, и на все настойчивые просьбы черкесов о помощи Московское правительство, в большинстве случаев, или отделывалось бесплодными обещаниями или несущественной и запоздалой помощью. Следствием сего было то, что связи с Москвой стали ослабевать, а влияние турок и Крыма с их богатыми черноморскими рынками—расти и крепнуть. Эти рынки более близкие и доступные для кабардинских скотоводов и рабовладельцев, чем русские, год от году делались необходимее для сбыта их сырья—разного рода шкур, шерсти, рогов и проч, а также для сбыта коней, имевших большой спрос в Крыму, и особенно рабов-невольников и невольниц-черкешенок, которые по *Пейсонелю* были главным предметом торговли с крымскими и турецкими купцами. Погоня за этим живым товаром, по отчетам *Пейсонеля*, и была главной причиной бесконечных княжеских драк и междуусобных войн, от которых изнывал кабардинский народ.

В таком состоянии была Кабарда в течение XVII в. и первой половины XVIII в., когда адыге почти всей массой и в культурном и в экономическом отношении вошли в сферу влияния турок и крымцев. Однако, к этому времени и Российское государство достаточно окрепло. Население, особенно во внутренних губерниях, уже начало испытывать земельный недостаток, и колонизационная волна крестьян-земледельцев медленно, но безостановочно двинулась от центра к окраинам, особенно к южным. Следом за ними двинулись помещики и купцы. Девственный тучный чернозем южных степей и умеренный климат создавали превосходные условия для земледельческой культуры, особенно для культуры пшеницы.

Для этого продукта требовался хороший рынок и солидный покупатель, каковым являлся обитатель западно-европейских государств. Однако, вывоз за границу зерна очень невыгоден через далекие балтийские порты, и Россия ведет с Турцией две войны с целью пробиться к берегам Черного моря и получить свободный выход и через его для своих товаров. После второй турецкой кампании, в царствование Екатерины II, весь Крым с Новороссией, Кабарда и правый берег Кубани остались за Россией.

Это было обширное, удобное для земледелия, но малонасе-

ленное пространство, и русское правительство повело на новых местах, главным образом на Северном Кавказе, еще до окончания войны, энергичную колонизационную политику. Оно поощряет добровольных колонистов-землеробов, а, помимо этого, переселяет и принудительным путем с Волги, с Дона, с Хопра казаков-земледельцев. Последних оно размещает на рубеже с горцами, воинственными и не желающими подчиниться русскому владычеству, так называемой «военной линией», тянувшейся от Каспийского моря до Черного, для охраны и береженья границы и мужиков-новоселов.

Результатом такой политики было урезывание и сокращение обширных Кабардинских займищ, которые постепенно отходили под переселенческие села и казачьи станицы.

Самыми ранними такими станицами-крепостями считаются: Моздок, станицы Екатериноградская на р. Малке, Павловская на р. Куме, Марьинская на р. Золке, Георгиевская на р. Подкумке и другие. Кабардинцы энергично протестовали против постройки крепостей, несколько раз в союзе с Крымом и Турцией подымали оружие против своих прежних покровителей, но оказались бессильны. Тогда адыге решили выжить непрошенных соседей измором и повели против станиц упорную партизанскую войну. Небольшими скрытыми партиями черкесы внезапно нападали на малочисленные казачьи раз'езды, казачьи стада и пастухов, иногда на хутора и даже станицы, жгли постройки, убивали, забирали скот, женщин и детей. Казаки и регулярные войска отвечали тем же, и потянулся длинный ряд кровавых беспокойных лет.

Так тянулось дело вплоть до приезда на Кавказ генерала Ермолова. Этот генерал повел дело чисто по-военному: он потребовал от кабардинцев прекращения набегов на военную линию. Адыге, конечно, не могли этого выполнить, так как набеги превратились в бытовое явление, и правящие круги были бессильны сами с ними бороться, если бы даже хотели. Тогда Ермолов в 1822 г. распоряжается ввести русские войска в глубь самой Кабарды для надзора за населением адыгейской области и предпринимает постройку целого ряда крепостей в самой Кабарде. Назначение этих крепостей—Нальчик, Чегем, Баксан, Черек, Каменномостная—быть сторожевыми и наблюдательными пунктами

за течением общей жизни кабардинцев. Под крепости снова были отведены земельные участки, но на этот раз небольшие. Расположенные по всей области войска имели ежечасное наблюдение за поведением кабардинцев. Последние должны были примириться с сокращением своих пастбищ и с поднадзорным положением.

К началу 40 годов Кабарда размежевывается с соседними горцами—с осетинами на востоке и балкарцами на юге. Теснимые с севера русскими, кабардинские князья не могли уже с прежним авторитетом и силой поддерживать свою власть над своими данниками-ингушами—по Джараховской долине, тугаурцами, куртатинцами и дигорцами и, побуждаемые к тому же настойчивыми требованиями Ермолова, покидают горные ущелья, каковые ценны для них, как недоступные убежища от русских приказов, и переселяются на плоскость, и Большая Кабарда в общих чертах принимает тот вид, который она сохранила до великой революции. Так протекали события в Большой Кабарде.

Малая Кабарда, значительно раньше вошедшая в круг государственных интересов, как более слабая, терпимее относилась ко всем земельным сокращениям и новшествам и рано примирилась с тем, что на ее землях селились спускавшиеся с гор осетины, ингуши, чеченцы и кумыки, которые до прихода русских сидели далеко и высоко в глуши недоступных гор. В виду создавшейся довольно запутанной земельной чересполосицы, русское правительство при генеральном размежевании земель отдельных народностей применило довольно радикальную меру к жителям Малой Кабарды. Оно всех не кабардинцев выселило к границам их единоплеменников, а мало-кабардинцев из 23 сосредоточило в 9 больших аулах, которые и существуют на указанных местах до нынешнего времени. Так образовались границы Большой и Малой Кабарды. Что же касается официального соглашения по размежеванию с горцами, то таковое состоялось только в мае 1881 года.

XVII. Раскрепощение.

С незапамятных времен общественный уклад кабардинского народа был строго-аристократичный. Кабардинцы делились на множество сословий (по мнению знатоков адатов, не меньше одиннадцати), но все эти сословия без труда можно было разделить на 2 главных группы—класс благородных или свободнорожденных и класс зависимых или несвободных. Во главе благородных фамилий и всей массы адыге стояло княжеское сословие. Ниже их по рождению и на общественной лестнице стояли уорки (потомственные дворяне-помещики). Владельцы табунов, многочисленных стад и крепостных, они жили своими аулами и, считаясь за тем или другим князем почти номинально, в своих владениях и над своими людьми, как настоящие феодалы, были самостоятельны и независимы. Ниже уорков считались «беслан-уорки» или уздени, что значит княжеские дворяне. Это личные дворяне князя—его свита, его дружина.

Класс несвободных также делился на несколько разрядов. Первый разряд несвободных—самый многочисленный (к моменту освобождения их насчитывалось около 15 тыс.)—это «оги». Их повинности в пользу владельцев были таковы: начиная с 16 лет, каждый «ог» в летние дни работал на помещика 6 дней в неделю—косил и возил его сено, хлеб и проч. Пчеловоды и люди других профессий отбывали свои повинности на помещика от своих продуктов и промыслов в соответствующем размере; в другие времена года «ог» также не избавлялся от работ на помещика—он возил дрова, поправлял саклю и проч.; жили «оги» своими хозяйствами отдельно от господина и ничем от него не пользовались.

Вторая группа несвободных—«логонауты». По своему правовому положению они мало чем отличались от «огов». Мужчины зимой и летом исполняли для помещика разные домашние и полевые работы, женщины помогали и трудились в сакле и во дворе господина. За свои работы они получали от владельца платье и пищу. И «оги» и «логонауты» могли выкупаться на волю, и при продаже их семейства не раздроблялись; при средствах они сами могли иметь рабов и крепостных.

Третий вид крепостных—«унауты», были совсем бесправны. Они всегда жили при доме владельца (как наши дворовые) и заняты были только работой помещика. «Унаутка» не могла вступить в брак без разрешения господина, и если девушка выходила замуж, то только временно. При желании помещик мог не выдавать ее замуж, и пользовался ею сам, как наложницей. Дети «унауток» становились «унаутами» же, но взрослый юноша «унаут» мог потребовать от господина в жены «логонаутку», и помещик, по адату, не мог отказать ему, и после брака «унаут» сам переходил в разряд «логонаутов». «Унауты» собственности не имели, и все необходимое для жизни—пищу, одежду и обувь, как помещичьи дворовые, получали от владельца. Особенно безвыходно было положение этого последнего разряда крепостных. Господин мог продать его, подарить, оторвать от семьи и даже убить и никому не давал отчета.

Желая привлечь довольно многочисленный класс несвободных сословий на сторону русских, Ермолов прокламацией от 1822 г. ограничил права кабардинских рабовладельцев. Однако и после названного приказа положение зависимых сословий в Кабарде оставалось по-прежнему очень тягостным. Освобождение крепостных в России поставило на очередь этот же вопрос и на Кавказе. Но русское правительство целых 6 лет откладывало решение этого больного, но необходимого вопроса. Наконец, в 1866 г. под давлением крестьянских волнений об этом было об'явлено во всеуслышание и на Кавказе.

Кабардинцы заволновались. Все хозяйство князей, и особенно уорков, держалось руками крепостных, и в освобождении последних привилегированные сословия видели свое полное разорение. Некоторые из них даже хотели переселиться в Турцию и просили на это разрешения, но бывший начальник Терской области, М. Т. Лорис-Меликов, успокоил рабовладельцев, очевидно, заверениями, что они не будут обижены, и они доверчиво стали ожидать проведения реформы, что и засвидетельствовали своей докладной запиской от 8 августа 1866 года тому же Лорис-Меликову.

Условия освобождения крепостных на Кавказе были выработаны местной кавказской администрацией, при тесном участии самих помещиков и утверждены царем Александром II-м 20 апре-

ля 1867 г. По этому манифесту в Кабарде освобождалось 21.438 душ обоего пола крепостных всех видов.

Основы «освобождения» в общих чертах таковы: 1) каждый выходящий на волю, начиная от 15 до 45 лет, платил за себя около 200 рублей, 2) крепостные мужского пола до 15 лет и свыше 45 освобождались совсем без выкупа, 3) уплата суммы по соглашению—или в один раз, или с рассрочкой (не более 6 лет), или, если крепостной не имел наличности, он мог отплатить работой, считая рабочий год крепостного по условию от 25 до 70 рублей, 4) выкупная плата за малолетних девушек до 15 лет определялась их возрастом по 10 рублей за каждый год, но оплата за них взносится не тотчас по освобождении, а при выходе их замуж, 5) помещик во все время нахождения при нем временно-обязанных в его доме, должен кормить их и одевать и предоставлять им один свободный день в неделю и 15 дней во время летних работ, 6) временно-обязанный может уйти в любое время, если уплачивает недослуженную часть выкупа, 7) недвижимое имущество крепостного делится пополам между ним и владельцем; сакля и все домашнее хозяйство—орудия, утварь и проч. составляют неотъемлемую собственность освобожденного.

На таких кабальных условиях совершилось «освобождение» крепостных в Кабарде. Оно прошло довольно безболезненно для помещиков, но кабардинский народ, вернее, его крестьянская масса, как мы уже видели, понесла громадные жертвы и расходы трудом, деньгами и имуществом, а между тем впереди предстояли еще и новые дополнительные расходы за это освобождение.

XVIII. Образование и судьбы частного землевладения.

Вследствие сокращения границ Кабарды и освобождения зависимых сословий, сам собой возникал вопрос, как надлежит жителям Кабарды пользоваться в дальнейшем своими землями. Еще до проведения в жизнь реформы на Кавказе, депутаты, собранные от всех свободных сословий Кабарды в Нальчике 20 августа 1863 г., об'явили следующее: «Жители Большой Кабарды по общему между собой соглашению постановили, что всею землею, составляющей эту страну, как общим всем кабардинцам достоянием, они желают пользоваться на общинном праве владения и в тех взаимных отношениях, при которых жили они издревле по народным своим обычаям». Таким образом, по этому акту депутатов всех свободных сословий, земля кабардинская была об'явлена общим достоянием всего населения Кабарды—отчуждение, присвоение в качестве фамильной или родовой собственности не допускалось. Этот красивый жест свободных сословий был вызван отнюдь не великодушием, а боязнью новой урезки земли от Кабарды в виду предполагавшейся генеральной размежевки. Кроме того, этим актом кабардинские князья предполагали гарантировать себя от голодного пролетариата, точно так же как и в России освобождение крестьян с наделом преследовало ту же цель.

Но этот акт на деле оказался платонической теорией, что и обнаружилось в самом непродолжительном времени. На Кавказе в то время правителем был великий князь Михаил Николаевич, который определенно держался мнения, что поднять земледелие и вообще всю культуру на Северном Кавказе возможно только через частное землевладение. Им было предложено разработать вопрос о передаче земель дворянству в частное владение. Комиссия, составленная по этому поводу в Терской области, и сам тогдашний начальник Терской области Лорис-Меликов определенно были против этого проекта, не предвидя от него никакой пользы для самих владельцев, которые, по мнению составителя записки, крайне инертны, ленивы и невосприимчивы к наукам и европейской культуре и не оправдают возложенных на них надежд. Великий князь на-

стоял, однако, на своем *), и проект был утвержден в центре. Однако, исполнение его по разным причинам затянулось.

Общее возбуждение и волнение среди дворян, вызванное предполагаемой реформой, заставили Лорис-Меликова отыграться на проекте, расширив и углубив его содержание, благодаря чему факт надела дворян землей сделался как бы скрытой компенсацией уоркам-помещикам за их потери при освобождении крестьян. Вероятно, этот проект был сообщен Лорис-Меликовым дворянству, т. к. возбуждение, охватившее его после первых слухов об освобождении крепостных, совершенно улеглось, и самое освобождение прошло в общем гладко.

При размежевании надельной—юртовой и будущей частновладельческой земли, контингент лиц, могущих получить землю в собственность, все более и более расширялся. Первоначально предполагалось наделять наиболее заслуженных и преданных России лиц, потом к этому прибавили людей не служилых, но уважаемых и популярных в Кабарде, затем—потомков заслуженных и преданных России лиц, затем этот список все более и более расширялся и дополнялся, пока, наконец, в него не вошли почти все уздени Большой и Малой Кабарды —и почетные и непочетные.

Всего было выделено в Большой Кабарде на 200 лиц княжеских и узденских фамилий из общего фонда Больше-Кабардинских земель, равного 324.000 десятин **), 75.000 д. или 23%. Самыми высшими наделами для Большой Кабарды были 1.500 десятин, самыми мелкими—250 десятин. В Малой Кабарде земли было меньше, и посему наделы оказались мельче. Из 83.000 десятин земли 57 лицам привилегированных сословий было выделено 16.000 десятин или 19%. Самые крупные участки здесь оказались два по 700 д., два по 600 дес., затем 300 д., 250 д. и самые дробные по 200 десятин. Лицам, получившим наделы в потомственную собственность, было предоставлено право наравне с другими жителями, как в Большой, так и в Малой Кабарде, пользоваться и общественными пастбищами тех аулов, к которым они были приписаны.

*) Председателем указанной выше комиссии был некто Кодзоков, кабардинец из крестьянского сословия, с университетским образованием, демократ по убеждениям; он то и был главным автором такой нелестной характеристики кабардинского дворянства.

**) По документальным данным, находящимся в архиве Терской областной чертежной.

Землевладельцы, поставленные в новые условия, оказались из рук вон плохими хозяевами. Лишенные даровой рабочей силы—своих крепостных—без знаний и опыта, без капитала, наконец, без хозяйственного закала—они просто не знали, что делать с этими землями, как их использовать; их табуны коней без крепостных батраков и надсмотрщиков все таяли и таяли, капиталов для развития хозяйства не было. Уорки в конце концов предпочли, вместо ведения самостоятельного хозяйства, сдавать свои земли в аренду таврическим овцеводам, которые как раз в это время появились со своей шленкой (мериносами) на Кавказе и, видя бесплодно лежащие земли, предложили новоявленным помещикам сдавать их в аренду. Охотников явилось больше, чем надо, и сами же землевладельцы-уорки сбили арендную плату на свои земли до невозможности.

Но от этих доходов положение дел поправилось мало: свое скотоводческое хозяйство падало, земледелие без капитала и опыта не налаживалось, и участки начали продаваться и уходить из рук... Уже 30 лет тому назад *Е. Максимов* в своем очерке «Кабардинцы» с грустью отмечает: «Благодаря потери крепостных, число табунов уменьшилось настолько, что в настоящее время в 1892 г. даже площадь частновладельческих земель далеко не занята, и кабардинцы-помещики, предпочитая даровые хлеба трудовым, стремятся сбыть свои земли совсем или в аренду. Никаких улучшений в хозяйстве кабардинских помещиков нет и, судя по настоящему, ему едва ли предстоит хорошее будущее».

К началу революции немногие из уорков-землевладельцев сумели удержать это дедовское наследие в своих руках, и на мой вопрос одному уорку в Малой Кабарде—сохранилась ли у него земля, полученная его дедом—уздень ответил: «А вы спросите—видал ли я эту землю в глаза... Ее еще дедушка и батюшка успели прожить, а моя земля вон, на кладбище—три аршина—этой никто не отнимет».

Такова судьба этих земель и этих землевладельцев.

XIX. Землепользование. Экстенсивность и архаичность его.

После выхода на «волю» всей массы бывших крепостных Кабарды и после выделения частно-владельческих земель, правительство занялось землеустройством надельных земель. В основу будущего аульного землепользования был положен принцип общинного владения землей, на подобие того, что к этому времени прочно сложилось в центре земледельческо-крестьянской России. Вся оставшаяся от выдела уоркам-помещикам площадь земли была разбита по степени добротности на 5 категорий. Первая—самая лучшая, пятая—самая худшая. Лучшей земли предполагалось 30 десятин на двор, а самой худшей (5 категории) 70 десятин. Всю эту площадь разделили между 35-ю аулами Большой Кабарды и 9 аулами Малой, сообразно числу дворов и качеству земли. Так появилось в Кабарде частное и общинное землевладение. Этот раздел был утвержден законом от 2 апреля 1875 года.

Кроме земель, отведенных в частную собственность и в наделы аулам, как мы уже знаем из первых страниц, у кабардинцев был еще один вид земель—так называемые «запасные» кабардинские земли. Вместе с лесными дачами к концу 80-х годов их насчитывалось около 315.000 десятин. Эти земли слагались из следующих частей: Мало-Эшкаконовский казенный участок между р.р. Подкумком и Эшкаконом, пастбища на Золке и Эльбрусские горные пастбища, лежащие между р.р. Кич-Малкой и Большим Кездурганом и тянущиеся от Кисловодской межи до подошвы г. Эльбруса.

Кабардинцы знали цену этим пастбищам и весьма дорожили ими. Земли эти считались, с утверждением в крае русских, во временном пользовании у кабардинцев, и последние всегда опасались, что правительство, по каким-либо соображениям, может отобрать от них пастбища. Воспользовавшись пребыванием царя Александра III-го во Владикавказе осенью 1888 г., кабардинцы подали ему прошение, прося утвердить за ними эти земли в постоянное владение на условиях, выработанных самим правительством. Правительство удовлетворило просьбу кабардинцев и приказом от 21-го мая 1889 г. об'явило запасные земли в числе 315.383 десятин в постоянном и неот'емлемом пользовании всего кабардинского на-

рода и сопредельных с ним 5-ти горских обществ Балкарии.

Пользование этими землями, по предложению сената от 27 сентября 1891 г., предоставлено было на общинных началах, сообразно нуждам каждого аула, то-есть пропорционально количеству населения и количеству скота. На этом принципе пользование запасными землями существовало вплоть до 1905 г., когда для пользования запасными землями были изданы новые правила, а в 1912 г. эти правила были пересмотрены еще раз и значительно изменены. На этот раз часть пастбищ была разбита на хуторские участки, которые и стали сдаваться в аренду на 12 лет крепким кабардинским и горским хозяйствам, главным образом в интересах коневодства.

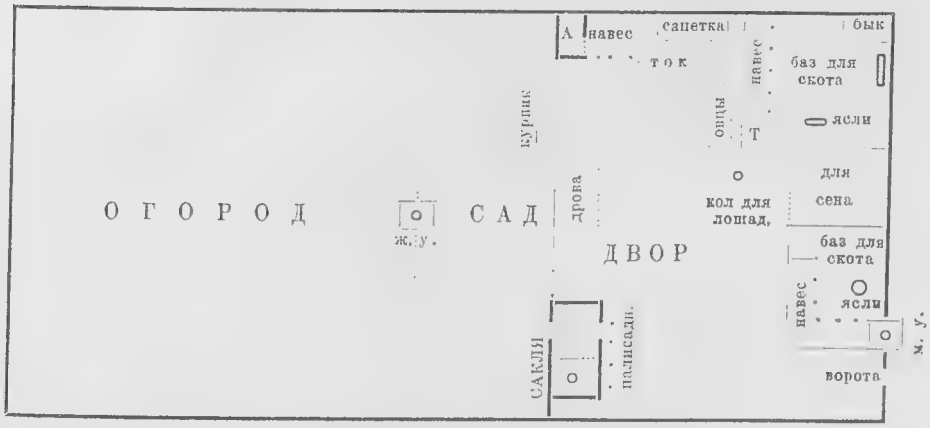
Порядок распределения надельной, или, как ее обычно называют, «юртовой» земли, внутри самих кабардинских аулов много напоминает пользование общественными землями в русских селениях. В соответствии с системою хозяйства, аульная земля, не считая усадебной земли, делится на 3 больших участка: один идет под пахоть (ван'аха), другой—под покос (мукун'аха), третий—под выгон (хун'аха). Передел пахотных земель производится по платежным единицам, как у осетин и русских. На это серьезное дело (передел) общество избирает от 6 до 12 человек доверенных-присяжных. Эти выборные веревкой, вместо рулетки, и саженью (косая сажень) разбивают пахотный клин на нужное число крупных участков, которые называются «ши'аха». Все «ши'аха» одинаковой величины, если земля в качественном отношении однообразна; в противном случае к «ши'аха» с плохой землей делается надбавка, так чтобы по доходности все участки были приблизительно одинаковы. Сделав размежевание на «ши'аха», выборные извещают сельчан, которые и группируются в столько отдельных групп, сколько имеется «ши'аха». Бросают жребий, и какой группе участок достается, тем она и владеет до нового передела. Отмежеванный участок «ши'аха» делится на такое количество паев, сколько полноправных домохозяев в этой группе; названные участки опять таки по жребию делятся между хозяевами, после чего семейные или индивидуальные паи отделяются друг от друга межей, и домохозяева вступают каждый в пользование своим участком. Размер пахотного пая не одинаков: он колеблется в зависимости от раз-

меров и качества аульной земли; во всяком случае, уже 30 лет тому назад, по словам *Е. Макеимова,* он колебался от 1/2 до 2 1/2 хозяйственных десятин на платежную душу *), теперь, конечно, размер пая значительно сократился.

Такой же порядок раздела и сенокосных угодий, с той разницей, что раньше сенокосные участки—«мукуп'аха»—были обширнее; теперь они с ростом населения значительно сократились. Часто сенокосные места, неудобные под косовицу—овражки, кочки, кустарники и пр.—служат и сельским выгоном, на котором сообща и пасется стадо. В тех случаях, когда под выгон отводится особый клин, тогда он делится на отдельные участки—«хуп'аха», которые и распределяются между частями аула пропорционально потребностям каждой группы.

По снятии урожая с пахотных и сенокосных участков, они также поступают под выпас скота. В прежнее время по снятии урожая эти участки делались общим достоянием всего населения, теперь же крестьяне, имеющие мало скота, добились, чтобы скот каждого домохозяина пасся только на своих «ши'аха», и когда это вошло в обычай—бедняки, не имеющие скота, стали свои участки сдавать в аренду своим односельчанам, а деньги делить между собою.

Третий вид владения землей—это усадебные участки. Усадьбы, как и сельские наделы, разной величины, начиная от 1/4 де-



План типичной Кабардинской усадьбы **).

*) Хозяйственная десятина—3200 кв. саженей.
**) А—амбар, Т—телята.

сятины, как в Кармове и Бабукове и до 2—3 десятин, как это можно наблюдать в сел. Мисостове, Хату-Анзорове, Коголкине и некотор. других, но средняя величина таких усадеб не менее 1/2 десятины.

В общем усадебные участки, сравнительно с русскими, осетинскими и др., очень просторны. Кроме огромного двора, здесь можно увидеть 2, иногда 3 база с навесами, огород, сад. Все это пространство, конечно, захватывалось с целью наибольшего простора для всех видов скота, который сгонялся домой на зиму и размещался по отдельным базам. Теперь эти дворы, за отсутствием скота, заросли разными сорными травами и, нередко совершенно пустые, поражают своей обширностью, а подчас унылой тишиной и запустением. Использовать для других целей, в виду переходного времени, их еще не успели и они, конечно, ждут своего назначения.

Таково в общих чертах землевладение и землепользование в Кабарде, как его можно наблюдать за последнее полустолетие.

Заключение.

Вот картина прошлого Кабарды и описание исконных и наиболее важных промыслов, на которых держалось все натуральное хозяйство кабардинца прежней эпохи. Они не были особенно многочисленны, но они почти целиком удовлетворяли несложные потребности полукочевника, полуземледельца—адыге. Так что мы будем недалеки от истины если скажем, что старая до-ермоловская Кабарда почти самодовлела в себе, т. е., являя тип натурального хозяйства, она могла жить целые годы совершенно изолированная, ни с кем не общаясь, и только потребность в соли заставляла кабардинцев итти на уступки кочевникам-ногайцам и калмыкам, а позднее русским, которые стояли на путях к озеру Маныч, старинному соляному резервуару, снабжавшему солью значительную часть аборигенов Северного Кавказа.

Итак, из прошлого мы уже знаем, как в сущности ничтожны были запашки у адыге; соответственно с этим также скромны были и сборы зерна, так что главным питанием кабардинцев было мясо, почему скотоводству и его культуре у адыге уделялось столько внимания в дореформенной Кабарде. Оно и понятно. Это была провизия всегда свежая, всегда вкусная, да к тому же и сама себя носила, а это в те далекие тревожные времена имело не маловажное значение.

Но вот в XVIII в., во второй его половине, русские твердо становятся в виду Кавказа. Это уже не первые робкие шаги XVI в., а уверенная в своей силе и совершенно определенная политика, вызываемая растущей мощью торгового капитала и вовлечением страны в товарооборот. Первое поселение и укрепление—Моздок—уже отняло у кабардинцев значительную площадь земли. Не смотря на самые настойчивые протесты, русское правительство не уступило, а, наоборот, спустя несколько лет, появляется на кабардинских землях и на землях других горцев. Крепости превращаются в поселения и станицы; с этих пор в течение более чем полвека шаг за шагом сокращается земельный простор кабардинцев, так же как и других живущих на плоскости туземцев, под напором ширящейся колонизации.

В шестидесятых годах в жизни кабардинца совершается два

крупных события—окончательное урегулирование и обмежевка территории, занятой кабардинским народом, и освобождение крепостных. Это последнее событие, как я уже говорил выше, наносит непоправимый удар национальному промыслу Кабарды, скотоводству, и он систематически и неуклонно начинает падать; за то земледелие, площадь запашек и засева, растет все более и более. Силой обстоятельств и собственным опытом кабардинец убедился в большой выгодности земледелия и, не смотря на свою нелюбовь к упорному и систематическому труду, крепко ухватился за него.

О других второстепенных промыслах, как то: бурочное производство, суконное, седельное и др., много говорить не приходится—они были порождением культуры номадов-скотоводов и вместе с нею тихо и незаметно отходят в область преданий.

Вместе с упадком первобытного натурального хозяйства, каковым в значительной степени оно являлось до самого последнего времени в Кабарде, падает и отходит в вечность патриархальный, в высокой степени оригинальный жизненный уклад этических и экономических взаимоотношений различных классов в Кабарде, тот уклад (известный на весь Северный Кавказ «адыге-хабзе»), который определял и направлял каждый шаг и каждый поступок адыге и был предметом изучения и подражания далеко за пределами маленькой Кабарды.

Таков ход развития и такова эволюция сельского хозяйства в Кабарде, особенно за последнее пятидесятилетие.

Силой железной необходимости, чтобы облегчить борьбу за существование, народ кабардинский, хотя и медленно, но идет вперед всей массой к культуре. В то же время, воспитанный под вековым гнетом феодальных порядков и церкви, боится, не смеет порвать с прошлым.

Нынешняя великая революция—это могильная плита для всякой рутины, для всего бесплодного и нерационального. Освобожденый кабардинский народ скоро забудет свое старинное натуральное хозяйство. В общем хозяйственном под'еме скоро он найдет свое место и поставит свое хозяйство, в соответствии с местными особенностями, на новых разумных началах.

ИСТОЧНИКИ и ПОСОБИЯ.

1. *Шора-Бекмурзин-Ногмов.* «История адыгейского народа».
2. *П. С. Паллас.* «Краткое физическое и топографическое описание Таврической области».
3. *Олеарий Адам.* «Путешествие Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 г.г.»
4. *Семен Броневский.* «Народы Северного Кавказа».
5. *Попко Ив.* «Черноморские казаки».
6. *Попко Ив.* «Терские казаки».
7. *Щербина.* «История Кубанского войска» т. I-й.
8. *Потто.* «Два века Терского казачества».
9. *Максимов Е.* «Кабардинцы», «Терский сборник» на 1892 г.
10. *Кудашев В. Н.* «Исторические сведения о Кабардинском народе».
11. *Тульчинский.* «Пять горских обществ Кабарды».
12. *Белокуров Серг.* «Сношения России с Кавказом». Из материалов Моск. Главн. Арх. М-ва Ин. Дел.
13. *Ган.* «Известия древних о Кавказе».
14. Сборник материалов для изучения местностей и племен Кавказа в.в. XII и XVI.
15. *Маркграф.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа.
16. *Услар.* Древнейшие сказания о Кавказе.
17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона т. 76 «Черкесы».
18. Переходное состояние горцев Северного Кавказа, В. Н. Д.
19. *Вейденбаум В.* Путеводитель по Кавказу.
20. *Аликов.* Очерк положения животноводства в Терской области по данным 1912 г., Владикавказ 1914 г.

21. *Пщхания.* «Народности Кавказа». Статистическо-экономическое исследование.
22. Терский календарь, начиная с 1889 по 1914 г.г.
23. Издания Всероссийского Статистического Комитета, начиная с 1893 по 1914 г.г.
24. Архив Терской областной чертежной.
25. Выписка из журнала Кавказского Комитета (год 1869).
26. Архив Терского Казачьего войска.

Материал для предлагаемой работы (помимо использования литературных источников) собран мною во время моих шестикратных поездок по Кабарде, в течение 1921, 1922 и 1923 г.г., когда я об'ехал значительную часть Большой и Малой Кабарды и, подолгу оставаясь в отдельных аулах, на местах вел длительные беседы со стариками и лятупежами, записывал и фотографировал.

В. П. ХРИСТИАНОВИЧ.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАЙОНЫ КАБАРДЫ.

Предисловие.

Настоящая работа была начата свыше трех лет назад и два года назад она была сдана для печати. За истекшее время методы районирования и наши представления о задачах экономической географии значительно ушли вперед.

С точки зрения номографических перспектив экономической географии, тип (формацию) хозяйства надлежало-бы рассматривать, как функцию от некоторых независимых переменных. Зная последние и силу их выражения, мы должны уметь определить и функцию, т. е. назвать тот тип хозяйства, который неизбежно должен иметь место при наличии заданных аргументов—плотности населения, рынка, характера угодий, лесистости и проч. Такие цели должна ставить себе в идеале экономическая география, зародившаяся недавно при значительно более скромных намерениях описательного характера и учитывавшая отдельные хозяйственные признаки часто вне их связанности друг с другом.

Таким целям наша работа не удовлетворяет, а между тем последующие исследования автора на Северном Кавказе убедили его, что поставленный выше идеал экономической географии вовсе не так далек от осуществления. Особенно ярко это дает себя знать в так называемой предлесной полосе. Наблюдения в Чечне, на Сунженской линии и других участках предлесной полосы, тянущейся вдоль почти всего Кавказского хребта, показали поразительное совпадение форм хозяйств, находящихся в сфере влияния горных лесов.

Это совпадение форм, отстоящих друг от друга на 200-300 верст и принадлежащих, с одной стороны, казачьему населению, почти поголовно грамотному, и, с другой стороны, туземному населению, почти поголовно неграмотному,—делается еще поразительнее, когда мы сопоставим с ними организацию хозяйства селений, отстоящих всего на 12-15 верст от селений предлесной полосы. Хозяйства тех же сунженских казаков или тех же чеченцев в

15 верстах от лесной зоны дают резко обратную картину, создавая совсем иной тип хозяйства, тоже характерный для целой полосы всего Северного Кавказа.

По силе сказанного взгляды автора на закономерность некоторых явлений кабардинского хозяйства за истекшие годы значительно эволюционировали, так что представлялось бы желательным расширить и углубить работу еще дальше. Однако, принимая во внимание недостаток литературных материалов по послереволюционной Кабарде, автор отказался от переработки этого исследования, рассматривая его, как предварительные материалы к познанию экономики Кабарды, с тем, чтобы затронуть возникшие новые вопросы в другой работе по экономической географии Северного Кавказа.

В. ХРИСТИАНОВИЧ.

Владикавказ
Горский Сель.-Хоз. Институт
Август 1925 г.

Введение.

Цель, стоявшая перед автором, была двоякая. Районирование избранной территории—Кабарды было, с одной стороны, средством к познанию ее. Мы познаем вещи из сравнения, и поэтому выделение отдельных районов и сопоставление их друг с другом является одним из лучших современных методов познания экономики страны.

Другая задача более утилитарная: найти пути для местной агрономической работы. Найти те отрасли крестьянского хозяйства, которые при агрономическом воздействии на них дали бы наибольший эффект. Таковыми, по глубокому убеждению пишущего, являются отрасли рыночные.

Выделенные районы могут служить и задачам изучения эволюции хозяйства. Сравнивая более отсталые и более передовые районы, мы очень часто узнаем этим путем прошлое и будущее хозяйства. Предвидение последнего имеет немаловажное практическое значение.

Приступая к этой работе, автор полагал самой важной и интересной частью описание хозяйственных районов. К сожалению, небольшое время, которое обстоятельства позволили уделить настоящей работе, и значительная неполнота материалов привели к тому, что процесс выделения и установления районов заполнил большую часть работы, а описание районов сделано довольно сжато.

Что такое районы и какова техника их выделения? Прежде всего—существуют-ли в природе районы, как территории с определенными и твердыми границами и с полной однородностью в силе выражения районообразующих признаков? Пожалуй, что таких районов мы не нашли. Действительно, существующие районы представляются нам скорее чем-то вроде астрономических туманностей с ядром, по мере удаления от которого ослабевает и сила выражения признака, наиболее ярко проявляющегося в ядре рай-

она. Другой тип реально существующего района имеет как бы два полюса. Один полюс ярко характеризуется одним признаком, например, огромным процентом картофельной площади; второй полюс столь же ярко характеризуется другим признаком, например, посевами подсолнуха; селения же, расположенные между этими полюсами, представляют собой ряд переходов от одного к другому. В центральной части района оба элемента уравновешиваются. Наличие других признаков, связывающих все части такого района в одно целое, вполне узаконяют нахождение этих полюсов в одном хозяйственном районе. Понятно, что целый ряд селений совершенно должен был не поддаваться включению их в определенный район, выявляя, вместе с тем, яркую картину перехода от одного географического типа к другому.

Не имея веры в существование реальных границ районов, мы, тем не менее, вынуждены были очертить эти границы на карте, включив в них и интразональные местности, т. е. местности, имеющие значительное отличие с тем районом, в котором они лежат, потому что, с одной стороны, техника изображения районов не знает пока способов наглядной передачи без очерчивания границ, а, с другой стороны, практические задачи во что бы то ни стало требуют от исследователя нанесения, хотя бы и совершенно условных, рубежей.

Из последующего изложения читатель увидит, что, поскольку позволял нам материал, мы подвергли рассмотрению как признаки-предпосылки, т. е. естественно-исторические и экономические условия сельского хозяйства, так и признаки-следствия и пытались даже использовать такие признаки, как цифры жел. дор. погрузок *), сведения о числе и сумме сделок на проданный скот и т. д.

Однако, для построения интегральных районов, т. е. таких, которые позволяли бы судить не об отдельных элементах, а обо всем хозяйстве района, мы воспользовались только признаками второй из этих трех категорий. Это не потому, что мы игнориро-

*) Этот прием можно назвать фокусным. В цифрах погрузок и прибытия грузов данной жел. дор. станции, к а к в ф о к у с е, отражается вся экономическая жизнь окрестного района, поэтому покойный *А. И. Чупров* называл жел. дор. станции экономическими обсерваториями.

вали значение естественно-исторических предпосылок: наоборот, дальнейшее изложение показывает всю силу их влияния. Они создают фон, на котором потом пишет свои узоры экономика.

Иногда экономические предпосылки, главным образом увеличивающаяся плотность населения, достигают момента, когда сила влияния их побеждает силы природы. Леса вырубаются, водные источники иссякают, вызываются к жизни новые культуры, и схема естественно-исторических районов тогда перекраивается.

Чтобы не становиться на путь вводных признаков, мы исключили при районировании вкрапленные в Кабарду русские селения, отличающиеся, между прочим, повышенной плотностью сельского населения. Если-бы мы ввели и некабардинские селения, то в довольно стройную систему кабардинских районов, располагающихся полосами, параллельными хребту, аналогично естественно-историческим районам, вклинились бы поперечные им районы русских и немецких поселений, в которых плотность населения и национальные особенности ввели новый для Кабарды строй хозяйства.

Таким образом, мы признаем значение признаков-предпосылок, в частности естественно-исторических, но мы не усложняли ими число признаков интегрального районирования, во-первых, потому, что при районировании кабардинских селений по сельскохозяйственным признакам в этих признаках-следствиях достаточно отразились основные предпосылки-признаки-причины (высота места, лесистость и т. д.), а, во-вторых, и потому, что естественно-историческое районирование—дело соответственных специалистов. Наконец до 1922 г. таких работ для Кабарды ни по почвам ни по флоре не было, и мы не располагали поэтому нужным материалом.

Едва ли не самым заманчивым по простоте техники и ясности ответа на вопрос, что составляет рыночную продукцию районов, является метод фокусных признаков. Однако, в пределах Кабарды в довоенный период нормального товарного движения, не было железнодорожных станций, а ближайшие к ней станции Владикавказской ж. д. принимали грузы, главным образом, не с кабардинской территории. Проданный же скот шел, обычно, гоном.

При выделении интегральных районов мы остановились на 8 признаках: 1) процент промысловости, 2) количество посева на едока, 3) процент всех культур, кроме проса и кукурузы и процент подсолнуха и пшеницы в том числе, 4) процент дворов с садами, 5) соотношение волов и рабочих лошадей, 6) количество крупного рогатого скота, молодняка, 7) соотношение числа коров и посевной площади и 8) соотношение овец и крупного рогатого скота.

Все эти признаки по преимуществу эволюционные, т. е. изменяющиеся. Судить о степени интенсивности хозяйства в Кабарде, можно, главным образом, по силе отрыва хозяйства от старого потребительского уклада с воловьей тягой и по глубине вхождения его в новое русло обменного хозяйства с рабочей лошадью, посевом пшеницы, других рыночных культур и т. д. Других признаков интенсификации, вроде паров, навоза, искусственного травосеяния и т. д., в Кабарде, как общее правило, не наблюдается.

При желании из намеченных 8 признаков можно было бы отобрать важнейшие, сократив, таким образом, число признаков; но, во-первых, мы не владеем еще точным методом, позволяющим определить удельный вес или сравнительную важность отдельных признаков, а, во-вторых, все выбранные признаки настолько согласованно выделяли резкие районы, что сравнительное обилие признаков нисколько не повредило и не повлекло за собой нежелательной пестроты. В большинстве случаев из 8 признаков полностью совпадало 5—6.

О том, что взять за территориальную единицу районирования, другими словами—из каких кирпичей складывать районы—из волостей или уездов и т. д., над этим вопросом нам не пришлось задумываться. Материалы давали нам только одну территориальную единицу—селение или точнее—основной юрт данного селения. Пустопорожние, незаселенные бывшие частновладельческие участки принимать во внимание не пришлось по отсутствию о них данных.

Со строгой методической точки зрения может вызвать споры и вопрос о способах установления интервалов и разделов, внутри которых числовое выражение данного признака автор считает одинаково выраженным: какое, например, количество коров на 100

ции населения можно установить границей между рыночным молочным хозяйством и молочно-потребительским и т. д. В этих вопросах автор старался держаться автоматизма, широко практиковавшегося покойным *А. Ф. Фортунатовым*, т. е. устанавливал интервалом среднюю по области величину и в одну группу относил селения с числовым выражением силы признака выше среднего, а в другую группу—ниже среднего. Однако, далеко не всегда можно было придерживаться такого сухого схематизма. Автор знаком с Кабардой, и поэтому сухие цифры мелькали перед ним живыми лицами определенных селений и хозяйств. Отграниченные самой природой горной страны, здесь существуют реальные районы. Этим районам во многих случаях свойственны довольно определенные числовые выражения хозяйственных признаков, поэтому не было надобности прибегать к совершенно искусственным интервалам, когда существовали живые интервалы. Есть, например, горные скотоводческие селения, почти не ведущие полевого хозяйства. Соотношение в них между скотом и посевом, между молодняком и коровами, можно было считать характерным для скотоводческого хозяйства. Существующие цифры брались как интервал и тогда, при разноске по ним всех селений, выяснялась структура хозяйства таких селений, относительно которых до того нельзя было иметь определенного суждения.

К какому же моменту относятся картины районов? Нас интересовали устремления хозяйства, сложившиеся под влиянием ряда устойчивых причин. По состоянию хозяйства в годы, предшествующие обследованию, да и по самому 1922 г. судить об этих устремлениях было-бы едва ли правильно. Достаточно указать, что при обследовании 1922 года был употреблен для опроса дополнительный бланк—суррогат бюджетного обследования—с вопросами, что было продано и что было куплено в течение истекшего 1921 (голодного) года. Относительно проданного из хозяйства ответы были довольно однообразны: самовар, кинжал, плуг и т. д. Куплена мука и т. д.

Разумеется, что если бы мы определяли тип хозяйства Кабарды по этим бланкам 1922 года, то должны были бы сделать вывод, что имеем дело со страной индустриальной—со сбытом металлических изделий и покупающей сельско-хозяйственные продукты.

В виду этого целый ряд признаков мы предпочитали учитывать по цифрам, относящимся к годам нормальной хозяйственной жизни. Ближайший такой год 1916, год Всеросс. с.-х. переписи. Но перепись эта, не везде в России прошедшая удовлетворительно, в Кабарде и в других горских районах прошла особенно скверно, особенно в деле учета скота. Находившийся в горах и на Зольских пастбищах скот совсем не был учтен. Приходилось обращаться к административным сведениям из архива по Нальчикскому округу за 1913 год—последний год мирного времени. Справедливость требует отметить, что это самые достоверные данные по Кабарде, правда, не лишенные иногда грубых ошибок, а иногда и противоречий. Вспомним, что ряд авторитетных статистиков, в том числе и *В. Михайловский* в официальном органе Центр. Стат. Управления довольно тепло отзывались о данных этого происхождения, доставлявшихся в свое время подневольными статистиками—аульными и сельскими писарями.

В зависимости от качества материала приходилось прибегать к цифрам то одного, то другого года, сопоставляя их с 1922 годом, но соотношение между географическими районами от этого не нарушалось. Менялся только с годами уровень хозяйственной жизни.

Правда, жизнь идет вперед, и данные дореволюционных лет можно считать устарелыми, но хозяйственная жизнь Кабарды развивалась медленно. Некоторые районы ее разорились, временно переживают кризис, но, во всяком случае, не ушли особенно далеко вперед за эти десять лет.

Кроме данных, необходимых для узких целей районирования, автор извлек из материалов обследования и из других источников немало описательного материала по сельскому хозяйству Кабарды. Основания этому ясны: мы уже сказали в начале, что нас интересовали не только районы, как самоцель, но и познание сельского хозяйства страны в целом. Исследователи, районировавшие другие губернии, располагали готовой литературой по гидрографии, климатологии, по технике земледелия и т. д. Нам приходилось даже по вопросам посторонним нашей специальности самим разыскивать в архивах учреждений и систематизировать данные, без которых трудно было бы составить себе представление о стране.

Из отраслей сельского хозяйства вовсе не затронуты нами

пчеловодство, шелководство и птицеводство. Изучение их заняло бы много труда, а для районирования они пока не могут служить.

Автор сам сознает все важнейшие недостатки своей работы, но в деле изучения Кабарды он один из пионеров этой почти девственной страны, и поэтому смотрел на свою работу часто только как на программу некоторых вопросов, основательно разрешить которые придется ряду будущих исследователей, когда накопится необходимый для этого материал.

I. УСЛОВИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Географическое положение Кабарды и величина территории.

Кабарда, составляющая главную часть Кабардино-Балкарской Автономной области, примыкает к Кавказскому горному хребту, ограничивающему ее с юга, и занимает прилегающую часть Северо-Кавказской равнины приблизительно между Кисловодском и Пятигорском с северо-запада и Владикавказским районом с юго-востока. Следуя по железнодорожной магистрали от Ростова до Владикавказа путешественник пересекает часть Кабарды между станциями Прохладная и Эльхотово.

Эта область находится между 44° и 43°18' северной широты. В городе Нальчике приблизительно пересекается меридиан 13°16' (к востоку от Пулково) и параллель 43°30', проходящая немного севернее Нальчика, точно через селение Кенже (б. Кошероково).

44-ая параллель не задевает кабардинской территории; проходя одной верстой севернее озера Тамбукан (самая северная оконечность Кабарды), известного своими грязями, проходя затем между Кисловодском и Ессентуками, в Европе она пролегает несколько севернее Флоренции, Ниццы и Биарица, соответствующих, таким образом, широтам Кабарды.

Параллель 43°18', ограничивающая Кабарду с юга, проходит в окрестностях селения Урух (быв. Коголкина), через Жемтала (быв. Верхне-Кожоково) и через Марсель во Франции.

По терминологии сельско-хозяйственной географии, упомянутые широты входят в область разведения винограда и арбузов и дынь на бахчах.

Практическое значение имеет для нас сравнение с широтами Северной Америки. Кабарда расположена в одних широтах с южными частями штатов Юж. Дакота и Висконсин. Однако, принимая во внимание высоту над уровнем моря предгорных частей Кабарды, уместнее, вероятно, при выписке семян—в частности

кукурузы, пользоваться услугами селекционных станций и семенных хозяйств, расположенных севернее—в Сев. Дакоте и Миннезоте.

Территория Кабардино-Балкарской Автономной области составляет больше миллиона десятин или около 9866 квадратных верст (в том числе собственно Кабарда—6503 квадр. версты), что приблизительно равно бывшей Калишской губернии, значительно превышая площадь большинства мелких германских государств и немного не достигая территории Саксонии, а также Черногории.

Рельеф, климат, почвы и леса.

Четверть века назад незабвенный основатель русского почвоведения *В. В. Докучаев* *) высказал чрезвычайно удачную и меткую мысль, что на Кавказе «рельеф местности является вершителем почвенных судеб». Вслед за этим нужно добавить, что изменения рельефа диктуют на Кавказе различия не только в почвах, но и в растительности и в гидротермических условиях, т. е. условиях тепла и влаги.

Различная высота над уровнем моря создает вертикальные климатические пояса и соответственные растительные области. В свою очередь, оба эти фактора создают и вертикальные почвенные зоны, впервые установленные *В. В. Докучаевым* как раз на Кавказе. Разная крутизна склонов влечет за собой возможность или невозможность полевых работ и переход от земледелия к скотоводству, или наоборот. Разная высота места позволяет или не позволяет культивировать растения, требующие длительной вегетации (подсолнух, кукуруза), заставляя иногда ограничиваться только культурой картофеля (Кармово).

Таким образом и в Кабарде рельеф и высота места являются главнейшим фактором и первичным признаком, характеризующим естественно-исторические условия хозяйства. Долгота и широта

*) Проф. *В. В. Докучаев* „Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе летом 1899 г.“ Тифлис 1899 г.

места являются очень часто признаком менее важным, чем высота.

Незначительность такой территории, как Кабарда, отдаленность от моря позволяют считать географическое положение величиной постоянной для разных пунктов Кабарды, а топография Кабарды, крайне пестрая, стоит в тесной связи с высотой Таким образом из всех первичных признаков, характеризующих естественные условия, высота над уровнем моря остается самым сильным и первенствующим фактором.

В горной части области расположена Балкария; собственно же Кабарда начинается от первых уступов предгорий и продолжается в степь до реки Малки, составляющей северную границу Области. От Малки и до предгорий идет постепенный под'ем местности, не дающий резких рубежей, которые позволили бы определить границу полос или районов разной высоты над уровнем моря. Только с первыми уступами гор предгорный район обозначается достаточно определенно. Тем не менее можно грубо установить три главных полосы. С одной стороны—с т е п н у ю, с другой,—п р е д г о р н у ю, а между ними—п е р е х о д н у ю.

Это деление вполне соответствует районированию, проделанному около 60 лет назад представителями Кабардинского народа, заседавшими в «Комиссии 1868 года по правам личным и поземельным туземного населения», когда эта комиссия при определении норм наделения указала, что Кабарда делится на три полосы: верхнюю, среднюю и нижнюю. В верхней (Кармово, Бабуково, Тахтамышево, Кошероково, В. Кожоково, Джанхотово) полосе сосредоточены главным образом пастбища и покосы, а пахотные земли годны исключительно под пшеницу. Ранние холода и частые дожди верхней полосы затрудняют культуру более солнелюбивых растений. Поэтому Кабардинские посевы сосредоточены были в средней полосе, самой урожайной, не подверженной ни названным невзгодам погоды, ни засухам нижней полосы. Эта полоса—житница Кабарды. Нижняя полоса, богатая покосами, почему то считалась непригодной для проса, но была обильна покосами. Здесь сосредоточены зимовники и хутора скотоводов. Эта полоса между Малкой и Баксаном—северная треть Кабарды.

Разумеется, что таких полос можно было бы накроить сколько угодно. Ясных и резких границ нет, под'ем местами идет постепенно, а вместе с ним идет и постепенное нарастание или убы-

вание признаков, характеризующих засушливую степь или влажные и прохладные предгорья.

Чтобы конкретизировать расположение разных полос над уровнем моря, приведем примерный список высот над уровнем Черного моря, выбранных нами из планшетов топографической с'емки и переведенных в метры. Для ориентировки приводим также высоты некоторых пунктов и вне Кабарды.

Северная граница по реке Малке и Тереку.

Станица Пришибская—185 метров, ст. Прохладная—205 метров, Моздок—150 метров (обычная высота южно-русской степи).

Средняя часть.

Урвань (Мисостово)—380, Стар. Черек (б. Докшоково)—367 метров (курган).

Начало предгорий.

Александровская колония —438 метров. Нальчик (верх купола собора)—525, Пятигорск (верх купола собора)—554, Аушигер (б. Догужоково)—568 (курган).

Предгорья.

Псыгансу (быв. Джанхотово)—600 метров, Хутор Долинский (выше хутора)—643 м., Белореченское (за Долинским)—756 м., Жемтала (б. Верхне-Кожоково)—884 м.

Точно такими же полосами располагаются и зоны растительности. На карте естественно-исторических районов Юго-вост. России, составл. проф. *Н. В. Новопокровским* (изд. Уп. НКЗ на ЮВР), Кабарда принадлежит к трем полосам, параллельным хребту и друг другу: это разнотравно-злаковая степь, затем луговая лесо-степь и, наконец, полоса лесов, выше которых лежат Альпийские пастбища Балкарии, что почти точно соответствует верхней, средней и нижней полосам Кабарды 1868 года. Каждой полосе, по работам *Н. В. Новопокровского*, соответствует и свой почвенный тип, касаться которого не будем, чтобы не входить в чужую компетенцию. Приведенное разделение на три полосы несколько схематично, и обследование 1922 г. должно было внести в него нужную детализацию.

В частности, относительно полосы лесов нужно отметить, что вмешательство человека уже нарушило правильность нарисованной выше границы. Леса сохранились только на половине полосы от Нальчика к юго-востоку. От Нальчика (точнее в 20 вер. от Нальчика) к северозападу (к Кисловодску) лесов не было уже полвека назад. Там также голо, как и в окрестностях Кисловодска. Об'ясняется это тем, что в юго-восточной половине лесной зоны рубили только местные жители и только для своих надобностей, а в северной половине издавна рубили и казачьи станицы по Малке и поставщики на Минеральные воды. На лесе, как с.-х. угодье, мы остановимся в следующей главе.

Количество выпадающих осадков связано с лесной зоной. Максимум осадков сосредоточивается возле лесной зоны, а ниже ее в степи и выше ее в горах количество осадков уменьшается.

Благодаря любезности метеорологического бюро Сев Кавк. опытно-мелиоративной организации в лице *А. Г. Санина*, мы имеем возможность привести данные по некоторым станциям.

	Равнина		Предгорья		Лесн. зона	Горн. полоса	
	Ст. Прохладная. (За 11 лет по *Н. В. Фигуровскому*).	Ст. Александровск. (За 5 лет по *А. В. Вознесенск*.)	Нальчик (За 11 лет по *Н. В. Фигуровскому*).	Ст. Змейская. (За 1 г., привед. *А. Г. Саниным* к многолет. нормам).	Ст. Алагир. (За 10 л. Алагир, нах. в Осетии, но взято как пример лесной зоны, т. к. в Кабарде в таком районе нет метеорол. ст.. В Осетии осад. выпадает более).	Ст. Урсдон (Под Эльбрусом. За 3 г., привед. к многолетн. нормам).	Ст. Учкулан. (Карачай — за 5 лет).
Январь	15	15	15	15	23	20	41
Февраль	15	10	15	15	39	25	9
Март	20	20	20	20	37	50	18
Апрель	35	30	40	45	82	70	33
Май	80	55	125	135	143	85	62
Июнь	90	75	120	85	148	55	67
Июль	55	85	80	55	140	55	54
Август	35	25	70	75	123	65	84
Сентябрь	30	75	35	45	99	75	29
Октябрь	30	30	40	35	60	35	25
Ноябрь	25	10	30	25	34	50	22
Декабрь	20	20	15	20	29	20	11
Годовая:	450 мм.	450 мм.	605 мм.	570 мм.	957 мм.	605 мм.	455 мм

Годовые суммы осадков в предгорьях колеблются около нормы Москвы и Ленинграда и даже несколько превышают их (от 650 мм.). Годовая же норма лесов выше Нальчика и его полосы превосходит собой по обилию дождей любой район Европейской и Азиатской России, примыкая к полу-тропическим нормам Черноморского побережья, где годовые суммы осадков исчисляются тысячами миллиметров (1-2 тыс.).

Интересно распределение осадков по месяцам года. Главная масса осадков, почти половина всей годовой суммы, сосредоточивается в весенние месяцы, апрель—июнь, когда влага особенно нужна посевам. Летом осадков не много, а осень почти сухая. Вот для сравнения распределение осадков для Петровско-Разумовского (под Москвою) и Нальчика.

	Петровско-Разумовское.	Нальчик.
Зима	74	65(?)
Весна	109	285
Лето	216	185
Осень	137	70
Год . .	536	605

При годовой сумме в Нальчике в 605 мм., за период с 1-го марта по 1 июля выпадает (еще больше) 305 мм, что составляет 50,4% от годовой суммы.

По народным приметам майские дожди очень ценны. Кабардинцы говорят: «Апрель мазем хандыркуакор шезгапен псы; тхам кримыгашхке, ао май мазем зы махо ошхиншеу Аллахым имыгакоче», т. е. «в апреле ниспошли Аллах столько влаги, чтобы только лягушка могла довольствоваться, но в мае не минуй ни одного дня без дождя». Точно такое же пожелание относительно распределения влаги в начале и конце весны слышно и в следующей поговорке: «вагопе уефре, вагоке уешхъре», т. е. начало пахоты пусть ясно, а конец в дожде.

Растительность и влага, распределяясь по описанным полосам, влияют вместе с тем и на такое же распределение климатических зон. Изотермы расположены почти параллельно хребту. Однако некоторые особенности рельефа Северного Кавказа вносят в распределение тепла по районам и некоторые другие начала, дающие себя знать изгибами и отклонениями изотерм от параллелей к хребту.

Если посмотреть на рельефную карту Кавказа, то сразу бросится в глаза следующая особенность рельефа Предкавказья: от высшей точки Кавказского хребта—от Эльбруса *) отходит на север в степь высокий поперечный отрог, раздробляющийся на более мелкие отроги и плоскогорья и постепенно сходящий на нет в районе Кавказских Минеральных Вод.

Отдельные вздутия, вроде Бештау, Змейки или Машука, выдвинулись в степь отдаленными аванпостами этой сложной сети плато, ущелий и разветвленных хребтов—сети, составляющей водораздел между бассейнами Кубани и Терека.

Этот хребет (в него входят и известные всем туристам Бермамытские высоты) высокой стенкой **) отделяет Кубанский край от Терской области. Терская область, защищаемая от юга главным хребтом и с запада этим мощным водоразделом и покатая на север, открыта для северных и северовосточных ветров, и отчасти суховеев Закаспийских пустынь. Это делает ее климат несколько континентальнее климата Кубани, испытывающей смягчающее влияние Черного моря, особенно зимой.

Южной границей области является самая высокая часть Кавказского хребта, со снежными вершинами, высотой своей значительно превышающей Монблан ***).

Озонированный ветерок дует с ледников этих гор круглый год ежедневно, начиная от захода солнца и до восхода, когда начинается обратное дневное течение воздуха с севера от степи.

*) Выражаясь более точно, нужно оговориться, что Эльбрус, как и другие выдающиеся вершины Кавказа, находится не на главном хребте, а на его отрогах.

**) Большой Джинал – 1543 метра. Плоскогорье вдоль реки Эшкакона—2000 метров. Золка—600-1200 метров над уровнем моря.

***) Монблан только 4810 метров, тогда как Эльбрус—5617 метров, Каштан-тау—5182 м., Дых-тау—5199 метров и др.

Благодаря близости снежных масс, средняя температура в Кабарде всегда на 2°-3° ниже, нежели температура на той же широте Черноморского побережья. Из 14-ти метеорологических станций Северного Кавказа наименьшую температуру показывают всегда станция Прохладная и высоко лежащий Кисловодск.

Если бы были станции, еще ближе стоящие к горам, то они показали бы еще более низкую температуру; говоря вообще, чем дальше к югу (горам), тем прохладнее и влажнее; чем дальше на север, тем знойнее и суше.

Климат Кабарды все же гораздо мягче остальной части бывшей Терской области, прилегающей к континентальным пустыням Прикаспийской равнины. Сильных ветров в ней совершенно не бывает. Сюда в старину ханы Золотой орды зимой отгоняли свой скот, спасая его от буранов. Зимняя ставка ханов, повидимому, была у сохранившегося еще до сих пор Эльхотовского Минарета (ныне в осетинских пределах).

Средняя годовая температура воздуха по карте изотерм года (*Н. Н. Силищев* «Изотермы Кавказа») в зависимости от района колеблется между 11 и 12° Цельсия. Другие пункты Кавказа, находящиеся приблизительно на параллели Нальчика или других пунктов Кабарды (напр. Сочи), имеют следующую среднюю годовую температуру (привед. к ур. моря):

Кисловодск	Пятигорск	Сочи	Владикавказ
11.1°	10.8°	14.2°	11.2

Средняя температура воздуха отдельных месяцев по данным Гл. физ. обс. за 1891—1908 г.г. имела следующие изменения (для ориентации приведем и температуру Петровско-Разумовского, под Москвою). (См. табл. на след. стр.).

Из приведенных отрывочных данных можно отчасти заключить то, что совершенно уже ясно видно на карте изотерм Кавказа, что зимой Кабарда представляет собой как бы холодную яму. Где-то возле Нальчика помещается центр зимнего охлаждения, стоящего может быть в связи с зимним охлаждением астраханских степей. Из этого центра и растекаются зимние ветры по Северо-Кавказской равнине. Это не мешает, однако, самой Кабарде совершенно не страдать от ветров. Всю зиму скот пасется на под-

	Январь	Апрель	Июль	Октябрь
Нальчик . . .	—4,3	10,0	23,4	10,3
Сочи . . .	+5,7	11,9	23,4	16,2
Туапсе	+3,6	13,1	—	15,9
Кисловодск . .	—2,9	10,6	22,7	11,3
Кизляр	—3,7	9,7	25,1	13,0
Владикавказ . .	—3,0	10,7	23,2	11,8
Петровско-Разумовское . . .	—10,9	3,1	18,1	4,0

ножном корму, не зная холодов и буранов. Таким образом самое понятие зимних холодов для южного климата Кабарды имеет совершенно относительное значение.

В заключение приведем справку о разности между температурами самого жаркого (июля) и самого холодного (января) месяцев:

Нальчик . . .	27,7
Кисловодск .	25,6
Москва . . .	29,3
Одесса . . .	26,0
Баку	30,0

Таковы общие природные условия хозяйства Кабарды. Мы сознательно не подводим итогов естественно-исторической картины края в форме границ районов.

Во-первых, это дело соответственных специалистов, а во-вторых—ведь реальных рубежей этих районов в природе не существует, в частности их нет и в Кабарде. Самое интересное для нас это более или менее закономерное нарастание или убывание силы затронутых выше признаков по мере приближения к горному хребту—это уже выяснено. Из дальнейшего будет видно, что и

расположение некоторых хозяйственных районов повторяет схему естественно-исторических зон, подчиняясь влиянию сил природы. При таких условиях для нас утрачивается интерес к совершенно искусственным границам естественно-исторических районов, так как при интегрировании хозяйственных районов, сказанные условия сами по себе учтутся.

Соотношение угодий, плотность сельского населения и промысловость населения.

Природа страны, в которой хозяйствует данный человеческий коллектив, есть основной материал, из которого хозяйствующий человек извлекает средства к своему существованию. Способ извлечения этих средств один, когда в распоряжении каждого хозяина имеется для этого несколько квадратных верст, и другой, когда в распоряжении человека имеется только несколько десятков квадратных сажен. Поэтому способ добывания средств или тип хозяйства меняется в зависимости от разной плотности населения, хотя природные условия могут оставаться при этом неизменными.

Географическое положение страны, высота места и климат могут, как мы сказали, оставаться неизменными, но производные от них—растительность и даже иногда почвы—могут меняться под влиянием сгущения населения. Леса вырубаются, водные источники иссякают, целины распахиваются, прежний роскошный ковер бобовых и злаков сменяется флорой бурьянов, и соотношение угодий, данных природой, значительно меняется. Вместе с ними должен меняться, приспосабливаясь к ним, и тип хозяйства. Поэтому, прежде чем перейти к изучению сельскохозяйственных признаков, мы должны учесть и соотношение угодий, находящихся в связи, с одной стороны, с естественными условиями страны, а с другой стороны, с плотностью населения.

В общей сводке по Кабарде соотношение различных угодий представляется в следующем виде:

	Экспл.ик. 1872—76 г.г.	Экспликация 1922 года.					
		Юрты	%	Волки и горные пастб.	Общ. леса	Всего десятин	%
Сады и усадьбы	0,6	17000	3,8	—	—	17000	2.5
Годной к пахоте	30,5	233412	52,2	—	—	233412	34,5
Сенокосы . . .	8,0	71307	16.0	—	—	71307	10.6
Выгоны и пастб.	40,2	52666	11,8	143315	—	195981	29.0
Лес и кустари.	14,7	40446	8,9	—	66006	106452	15.8
Неудобной . .	6,0	32660	7,3	18853	—	51513	7.6
Всего .	100,0%	447491	100	162168	66006	675665	100

Для нас особенно важно было бы отметить по районам отношение количества земли, годной для пашни, и земли, годной только для пастбищ. Оно сразу определило бы условия развития хозяйства в направлениях—скотоводческом или земледельческом. К сожалению, этого сделать нельзя. Понятие о земле, годной для пашни, чрезвычайно относительно. Пока ее не распахали, она остается в Кабарде негодной для посева. Если воспользоваться для нашей цели той категорией земель, которые в межевых экспликациях именуются удобной землей, то мы сплошь и рядом рискуем наткнуться на такие казусы, как в сел. Каменномостном (Кармово), где по межевым экспликациям 98% юрта зачислено в удобную, между тем, как известно, что благодаря крутизне склонов, там не найдется 10% годной к распашке, а годные к распашке целиком из-за высоты над уровнем моря негодны для культуры кукурузы, проса и пшеницы,—на них только садят картофель. Все это заставляет нас отказаться от мысли успешно провести по отдельным селениям изучение процента годных к распашке земель.

Мы могли бы определить только процент распаханности юртов, да и то сделав это косвенным путем: определением процента посевной площади ко всей площади так называемой удобной земли. Мы распо-

лагаем для этого цифрами посевных площадей за ряд лет, из которых предпочитаем цифры 1913 г., когда распашка дошла в Кабарде до высшего уровня. Получаем следующую картину:

НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ	% посева к площади удоб. земли
I. *Сильно распаханные* (более 50% посева).	
Ново-Ивановка	98
Ново-Полтавка	97
Малая Кабарда	87
Шалушка	86
Баксан (русское)	77
Кременчуг-Константиновское	71
Кайсын-Анзорово (ныне Ст. Лескен)	67
Кучмазукино (н. Ст. Крепость)	50
II. *Средне распаханные* (от 20 до 50% пос.)	
Куденетово II (н. Чегем II)	49
Наурузово (н. Кызбурун II)	47
Нальчикское-Клишбиевское (н. Нартан)	41
Догужоково (н. Аушигер)	39
Лафишево (н. Псухурей)	37
Куденетово I (н. Чегем I)	36
Джанхотово (н. Псыгансу)	34
Касаево (н. Баксаненок)	34
Бабуково (н. Сармаково)	29
Пналово (н. Карагач)	29
Хату-Анзорово (н. Ст. Урух)	25
Атажукино III. (н. Куба)	22
Абуково (н. Залукокоаже)	21
Аргудан	21
Коголкино (н. Урух)	20

НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	% посева к площади удоб. земли
III. *Слабо распаханные* (от 11 до 20% посева).	
Докшукино (н. Кахун)	18
Ашабово (н. Малка)	16
Докшоково (н. Ст. Черек)	16
Атажукино II (н. Кызбурун I)	14
Тыжево (н. Кишпек)	14
Тамбиево II (н. Алтуд)	14
Тамбиево I (н. Кизбурун III)	13
Мисостово (н. Урвань)	11
Нижне-Кожоково (н. Нижний Черек)	11
IV. *Горные селения с весьма слабой распашкой* (10% и менее посева).	
Тахтамышево (н. Лечинкая)	10
Верхне-Кожоково (н. Жемтала)	10
Кошероково (н. Кенже)	9
Верх. и Ниж. Коново (н. Куркужинское)	7
Атажукино I (н. Заюковское)	6
Кармово (н. Каменномостное)	3

Лесистость.

Остановимся теперь подробнее на лесистости. В составе общей площади Кабарды лес занимает 15,16%, но так как почти две трети (около 66 тыс. дес.) лесной территории Кабарды составляет общественный лес кабардинского народа совместно с Балкарией, а юртовые леса (и кустарники) занимают площадь всего в 39,994 дес., то процент лесистости юртов селений только 8,9%.

И юртовые, и общественные лёса распределены весьма неравномерно: все они сдвинуты в один лесной массив, помещающийся в юго-восточном углу области. По отдельным селениям лес занимает следующий процент площади юрта:

Больше 30% юрта:

Нальчикское—Клишбиевское (н. Партан) и Вольный аул—46,9%; Джанхотово (н. Псыгансу)—32,76%; Догужоково (н. Аушигер)—31,5 (экспликация 60-х годов); Кошероково (н. Кенже) по старой экспликации—60,8 (по новейшей—16,96).

От 15 до 30%:

Кайсын-Анзорово (н. Ст. Лескен)—26,0; Коголкино (н. Урух) 24,2; Тохтамышево (н. Лечинская)—23,2.

От 10 до 15%:

Хату-Анзорово (н. Ст. Урух)—11,9; Верхне-Кожоково (н. Жемтала)—10,4; Докшоково (н. Старый Черек)—10,0 по старой экспликации, теперь значительно меньше.

Меньше 10%:

Малая Кабарда; степные Касаево (ныне Баксаненок), Лафишево (н. Псухурей), Пналово (н. Карагач), Тамбиево I (н. Кызбуруи III), Тамбиево II (н. Алтуд), станицы Прохладная и Котляревская, Куденетово I (н. Чегем I) и Мисостово (н. Урвань). Не для всех из этих селений есть новые экспликации; большинство из них теперь совершенно безлесны.

Безлесные.

Аргудан, Куденетово II (ныне Чегем II-й) и вообще остальная часть Кабарды. В эту группу отнесены те селения, которые и в 60-х годах прошлого столетия были уже безлесными.

Во многих селениях процент лесистости еще не дает всей картины значения леса для данного селения. Так например, Верхне-Кожоково (н. Жемтала) имеет всего 9,99% леса, но оно окружено массивом общекабардинских лесов в несколько десятков тысяч десятин. На памяти пишущего эти строки, всего четверть века назад, лес вековых чинаров придвигался к самому селению. Теперь лес отодвинулся дальше от Жемталы. Почти тоже самое можно сказать и об Урвани (Мисостово) и др. Некоторые селения уже давно не имеют на своих юртах ни одной десятины леса, но, веками живя почти у опушки массива в сто тысяч десятин, они существовали и существуют тем, что дает лес.

Промыслы.

К сожалению, промыслы Кабарды, стоящие в тесной связи с лесом, никогда не были обследованы полностью. Имеется прекрасное качественное описание промыслов Терской обл., произведенное в 1886 г. лесным ревизором *Марграфом*, но количественная сторона в нем мало затронута. Данные, позволяющие хотя бы приблизительно исчислить процент дворов, занимающихся промыслами и относящиеся к 1889 году, мы находим в издании Терского областного статистического комитета; это—«Статистические таблицы населенных мест Терской области», составленные *Евг. Максимовым*.

Второй раз, к сожалению, несколько поверхностно, промыслы были затронуты в поселенных бланках обследования 1922 г.

Передадим полностью поселенную картину промыслов, представляемую материалами 1889 и 1922 г.г.

№ № по порядку	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ	Число всех дворов в нем 1889 г.	Число всех дворов в нем 1922 г.	Промыслы 1889 г.	Промыслы 1922 г.
1	Жемтала (В. Кожоково).	118	307	7 семейств выделкой «арчаков»*) зараб. по 100-150 руб., 16 семейств пилкой леса по 80-100 р., до 80 дворов возкой леса зар. по 40-50 р. Один кирп.-черен. завод дает 100-130 р. 8 мельниц.	Пилка досок, седла, продажа брусьев, реек, бурки, сукна. Промыслы падают; изделие седел совсем прекратилось —нет сбыта. Охота на куниц и лисиц. Продажа меха.

*) Арчак или ленчик--деревянная основа горского и казачьего седла--изготовляется исключительно из карагача. Требует большого искусства в точности выточки.

№	СЕЛЕНИЕ	Число дворов		Промыслы	
		89 г.	22 г.	1889 г.	1922 г.
2	Псыгансу (Джанхотово).	310	710	До 250 дв. вывозом леса зараб. по 10-15 р.; 1 серебряник — зар. 50-80 р., 5 кузн., 26 мельниц.	Возка дров; 20-30 дворов валяют и продают на базарах бурки, шляпы, сукно. Промысел упал за отсутств. сырья. 1 кирпично-черен. завод.
3	Лечинкая (Тохтамышево).	76	200	До 70 дворов зарабат. по 20-30 р. вывозом леса в Пятигорск и Георгиевск; 1 кузница, 2 мельницы.	Половина дворов изготовляют арбы, ярма, вилы, грабли, колеса, сани, ложки, бурки и сукно, сбывая их на базарах Кабарды и Терской губернии. Возят дрова и бревна. Один жжет угли. Промыслы увеличиваются.
4	Аушигер (Догужоково)	144	350	До 80 дв. вывозкой леса, зараб. по 30-40 р., 1 токарь зараб. 30-40 р., 1 кузница, 8 мельниц.	Возка дров; бурки и сукно для себя. Сушка диких фруктов для себя. Прежде делали седла —теперь нет спроса.
5	Ст. Лескен (К. Анзорово).	445	710	До 100 двор. вывозкой леса, зараб. по 25-40 р. каждый.	Арчаки и спицы —упало за отсутст. спроса. Бурки и сукна—упало за отсут. шерсти. Выжигание извести и продажа в станицах. 1 вальц. мельница, 10 больш. мельниц, 40-56 мал. мельниц, 1 черен. завод.

№	СЕЛЕНИЕ	Число дворов		Промыслы	
		89 г.	22 г.	1889 г.	1922 г.
6	Стар. Урух (Хату-Анзорово).	153	360	30 сем. вывозк. леса зараб. по 40-60 р. Два шорника зараб. до 60 р. каждый, 3 кузницы, 11 мельниц.	Доступные леса уже уничтожены и промыслов нет. Выделка бурок и сукон упала за отсутствием шерсти.
7	Урухское (Коголкино)	190	500	5 плотн. заработ. до 50 руб., 1 шорник 30—40 руб. До 80 дв. вывоз. леса зараб. до 60 р. каждый. 3 кузницы, 11 мельницы.	Нет данных.
8	Кенже (Кошероково)	110	253	До 60 дв. вывозят дельный лес.	Два хозяйства делают колеса и ободья, прод. в Нальчике. Возка дров. Бурки и сукна для себя.
9	Партан и Вольный аул	434	760	200 двор. вывозом дельного леса и дров зараб. до 50 руб. каждый.	Продажа лесных материалов и дров большинство. Промысел не падает. Ногайки, чанаки (деревянные чашки), бурки, сукна. Для продажи не больше 5 дворов.
10	Аргудан	370	720	140 дв. вывоз. леса зараб. 20—40 р.; 2 серебряника заработ. по 50—80 р.; 5 мельников зар. 10—15 р.; 3 кузницы.	Доступные леса уже уничтожены. Бурки, сукна, седла—мало. Прежде продавались на базарах—теперь для себя. Пром. падает.

№	СЕЛЕНИЕ	Число дворов		Промыслы	
		89 г.	22 г.	1889 г.	1922 г.
11	Шалушка	287	480	160 сем. вывозкой леса зараб. по 40—60 руб.	Чашки, ложки, осп для арб, лопаты, овчины, бурки, сукна, шляпы—на продажу до 20 дворов. Шесть хозяев выделка мельничных камней и катков. Продажа дров.
12	Чегем I-й (Куденетово I)	310	550	До 100 дв. вывозкой дельного леса—зараб. до 40 р. каждый.	Бурки и сукна для себя.
13	Чегем II-й (Куденетово II)	202	400	До 80 сем. вывоз. дельного леса, зарабат. до 40 р. каждый.	До 15 каменотесов—мельничн. жернова.
14	Урвань (Мисостово)	143	290	20 дворов вывозкой леса, зараб. 30—50р.; 6 мельн. 15—20 р.	Сукна и бурки для продажи.
15	Кахун (Докшукино)	207	430	6 сем. делают арчаки, по 50—80 р.; 40 сем. вывоз леса—по 30—40 руб.	Прежде изготовляли для продажи на базарах седла, лопаты, бурки, сукна. Теперь только для себя.
16	И. Черек (И. Кожоково)	209	450	7 сем. делают арчаки—по 50—80 руб., 30 двор. вывоз леса (20—30 р.), 2 серебрянника зараб. по 70—100 р.	Бурки, сукна, седла, лопаты, брусья. Промысел падает за отсутствием сырья и сбыта (седла).

№	СЕЛЕНИЕ	Число дворов		Промыслы	
		89 г.	22 г.	1889 г.	1922 г.
17	Ст. Черек (Докшоково)	223	480	Выделка арчаков. Заработок по 80—130 руб. на двор.	Ремни, ногайки, бурки, седла, сукна. Нало сильно седельное дело за отсутствием сбыта. Сбывали в Кубанскую область и во Владикавказ.
18	Куркужин (Коново)	336	830	34 семьи выделывают бурки, плетки и серебряные вещи, заработок по 100—200 р.	Бурки и сукна для себя.
19	Ст. Крепость (Кучмазукино)	290	560	10 семейств выделывают бурки, заработок по 25 р. в год. Два серебряника.	До 10—15 хозяев занимаются изделиями из кожи, а также ложек, чашек, бурок и сукон. Промыслы как будто увеличиваются, но слабо.
20	Малка (Ашабово)	479		Бурки, 7 семейств плетки, 1 серебряник.	Бурки и сукна.
21	Псухурей (Лафишево)	147	270	Несколько семейств занято выделкой бурок и плеток.	Нет шерсти. Наблюдаются зачатки переработки дикой конопли на веревки и нитки.

№	СЕЛЕНИЕ	Число дворов		Промыслы	
		89 г.	22 г.	1889 г.	1922 г.
22	Каменномостное (Кармово)	293	721	Промыслы не зарегистрированы.	Башлыки, нагайки, полости, бурки, сукна—прежде для продажи, теперь только для себя, ввиду полного отсутствия одежды, ограбленной во время гражданской войны.
23	Сармаково (Бабуково)	290	730	Не зарегистрировано.	До 50% хозяев занимаются выделкой бурок и сукна для продажи в Пятигорске. До 200 ч. уходит на полевые работы в станицы.
24	Кызбрун III (Тамбиево I)	324	710	Не зарегистрировано.	Возка дров. Бурки и сукна—промысел упал за отсутствием сырья.
25	Алтуд (Тамбиево II)	223	450	Не зарегистрировано.	При наличии шерсти выделывают сукна и бурки, но редко для продажи. Из болотной осоки на основе из коноплян. бичев. плетут изящные и прочные циновки, сбывая их в Прохладной. Сбыт не велик и промысел не развит.

№	СЕЛЕНИЕ	Число дворов		Промыслы	
		89 г.	22 г.	1889 г.	1922 г.
26	Кызбруи II-й (Наурузово)	362	800	Не зарегистрировано.	20—25 хоз. выделывают овчины, кожи, башлыки, седла, бурки, сукна, сбывая на базаре в Баксане. Охота на зверей. Промыслы увелич.
27	Кызбруи I-й (Атажукино II)	350	500	Не зарегистрировано.	1 хоз. плетки, 15—20 дворов сукна и бурки, продают на базаре, промысел упал за отсутствием шерсти.
28	Залукокоаже (Абуково)	—	178	В 1889 г. не входило в состав Нальчикского округа.	Промыслов нет. Будучи подгородним селением, занимаются базарной торговлей в Пятигорске.
29	Малая Кабарда	—	—	В 1889 г. входила в Сунженский округ.	Местных промыслов нет. Наблюдаются иногда отхожие промыслы. Кумыки из селения Бековичи уходят в Назрановский округ зимой мелкими прасолами, летом на

№	СЕЛЕНИЕ	Число дворов	Промыслы	
		89 г. 22 г.	1889 г.	1922 г.
				полевые работы (до 60% населения). В Муртазово уходят на ремонт пути Влк. ж. д. В Борокове плетут прекрасные циновки из осоки на конопляной основе. Серьезного значения промысел не имеет.

Остальные селения промыслов не имели и не имеют.

Из рассмотрения этих выписок из материалов видно, что если откинуть переработку получаемых в своем же хозяйстве шерсти, овчин и кож, то все остальные виды промыслов, за несколькими исключениями, покоятся только на лесе. С лесными работами связан и седельный промысел, требующий для изготовления арчака древесины карагача, и сбор диких яблок и груш, транспортируемых, затем, в высушенном виде «на линию», т. е. в казачьи станицы для обмена на муку, сбор чинаровых орешков и, наконец, мало затронутый исследователями охотничий промысел. По сведениям Кабардинского отделения Госторга на Нальчикский рынок в течение 1922—23 года поступило следующее количество шкурок разной пушнины (в круглых числах):

Зайцев	20000 штук
Лисицы	10000 „
Дикой кошки	1000 „
Куницы	300 „
Барсука	300 „
Волка	200 „
Шакала	200 „
Хорька	250 „
Норки	100 „
Медведя	50 „
Выдры	50 „
Рыси	50 „

Материалы 1889 г. позволяют нам исчислить процент дворов, занимающихся промыслами, связанными с лесом. Сопоставим этот процент 1889 г. с процентом лесистости в каждом юрте и с площадью посева на одного едока в 1913 г. Получается следующая картина.

	Процент дворов с промыслами.	Процент лесистости.	Десятин посева на 1 едока.
Верхне-Кожоково (ныне Жемтала)	94,9	10,4	0.1
Кошероково (ныне Кенже) .	54,5	60.8 *)	0.1
Тахтамышево (н. Лечинкая)	92,1	23,2	0.2
Джанхотово (н. Псыгансу) .	90,2	32,76	0,4
Догужоково (н. Аушигер) .	55,5	31,5	0,3
Коголкино (н. Урух). . . .	55,2	24,2	0,4
Нальчикское-Клишбиевское (ныне Нартан) . .	46,5	46,9	0,7
Кайсын-Анзорово (ныне Ст. Лескен)	22.4	26,0	0.98
Хату-Анзорово (н. Ст. Урух)	20,9	11,9	0,8
Остальные селения Большой Кабарды	> 5,0	> 10,0	0,8-2,2
Малая Кабарда	0	2,7	1,3-2,4

Селения, хотя и безлесные, но находящиеся у огромного массива общественного Кабардинского леса, выделены в особую группу, в которой закономерность скрыта разным расстоянием до леса и разной доступностью леса. Высокий процент промысловости сейчас уже отсутствует, но все-же мы имеем

*) Старая экспликация.

следующую картину:

	% пром.	Посева на 1 душу в 1913 г.	Примечания.
Шалушка	55,7	0,6	
Аргудан	38,3	0,5	
Куденетово I (ныне Чегем II)	32,2	0,7	В 1922 г. нет лесных пром.
Куденетово II (ныне Чегем II)	39,6	1,1	
Нижне-Кожоково (п. Н.-Черек)	18,6	1,1	
Мисостово (п. Урванское) . .	13,9	0,7	
Докшоково (п. Ст. Черек) . .	*)	0,3	

Что показывают эти сопоставления? Они еще раз подтверждают известный экономисту и из русской действительности факт, что промысловость прямо пропорциональна наличию леса, а лесистость и промысловость обратно пропорциональны количеству засева. Чем больше население черпает денежных средств от промыслов, тем менее оно зависимо от полеводства, тем более оно натурализует его, придавая ему, в таком случае, не рыночный, а только потребительский характер. Это касается всего района лесистых предгорий. Предлесного района это касается отчасти. Промыслы здесь, вероятно, носят только подсобный характер.

После сказанного о промыслах представляется необходимым в районы лесистости внести дополнение: кроме лесного района (10% лесистости и выше), нужно выделить и предлесный район, границы которого строго определяются по проценту промысловых дворов. Если мы включим сюда селения с 10 и выше % промысловых дворов по 1889 г., кроме тех, в которых обследование 1922 г. не нашло никаких промыслов, то состав лесного и предлесного районов окажется следующим:

*) Вычислить % промысловых дворов по имеющимся материалам не представляется возможным.

Лесной район

Нартан, Вольный Аул, Псыгансу, Аушигер, Кенже, Лечинкая, Ст. Урух, Ст. Лескен, Урух и Жемтала.

Предлесный.

Шалушка, Чегемы I-й и II-й, Аргудан, Старый и Нижний Черек и Урвань.

Плотность населения.

На площади 676,310 каз. десятин в Кабарде размещено около 160 тыс. человек сельского населения. Это дает среднюю плотность в 24,0 душ на квадратную версту или 22,9 душ на квадратный километр. По сравнению с бывшей Терской областью (15,7), в состав которой входила Кабарда, это—весьма плотное население. Донская область и Ставропольская губерния также населены менее плотно (Дон—20,6, Ставр.—21,5 на кв. кил.).

Размещено население Кабарды чрезвычайно неравномерно. Есть горные и настбищные пространства до 150 тыс. десятин, которые заселяются только на два летних месяца. да и то немногими пастухами или же косарями на несколько недель. В других частях области, наоборот, население сгущено.

Имея в своем распоряжении только цифры числа душ по отдельным селениям, чрезвычайно трудно дать правильную картину районов плотности населения. К интересующей нас картине порайонной плотности населения можно только приблизиться путем вычисления числа десятин с.-х. площади, приходящихся на 100 душ населения. Получаем следующую группировку:

I. Густо населенные (на 100 душ менее 150 дес.)

Русские и др. переселенч. селения:

Хут. Кадиевский	95
Ново-Осетинский хут.	80
Александровская колония	90
Нальчик	31
Баксан	85

Матвеевский хутор 85
Тамбовский » 124
Владимирский » 144
Дударовский » 140
Грабовец » 144
2-й Николаевский хутор 116

II. Средне населенные (150—299 дес.).

а) Предгорные:

Кошероково (н. Кенже) 164
В. Кожоково (н. Жемтала) 194
Тахтамышево (н. Лечинкая) 260
Коново (н. Куркужинское) 206
Кармово (н. Каменномостное) 240
Бабуково (н. Сармаково) 220
Атажукино I (н. Заюковское) 285

б) Предлесные и лесные:

Кайсын-Анзорово (н. Ст. Лескен) . . . 170
Шалушка 178
Куденетово I (н. Чечем I) 228
Куденетово II (н. Чечем II) 243
Докшоково (н. Ст. Черек) 218
Нижне-Кожоково (н. Ниж. Черек) . . . 254
Аргудан. 235
Хату-Анзорово (н. Ст. Урух) 244
Коголкино (н. Урух) 220
Догужоково (н. Аушигер) 243
Докшукино (н. Кахун). 258
Джанхотово (н. Псыгансу) 205

в) Степные:

Наурузово (н. Кызбурун II) 201
Тамбиево I (н. Кызбурун III) 230
Кучмазукино (н. Ст. Крепость) . . . 260
Анабово (н. Малка) 203
Атажукино II (н. Кызбурун I) 223
Абуково (н. Залукокоаже) 210

Баптистский хутор	225
Касаево (н. Баксаненок)	257
Баташово (н. Плановское)	290
Тыжево (н. Кишнек)	280
Черниговский хутор	215
Кременч. Константиновское	181
Ново-Полтавка	280
Ново-Ивановка	286
Цораевский хутор	—
Баженовский хутор	—
Ново-Вознесенский хутор	

III. Слабо населенные (300 и более десятин).

а) Малая Кабарда (кроме Плановского) от 310 до 500 дес.

б) Прималкинская полоса:

Атажукино III (н. Куба)	318
Лафишево (н. Псыхурей)	470
Пиалово (н. Карагач)	324
Тамбиево II (Алтуд)	353
Эбен-Эцер	840

в) Казачьи станицы:

Александровская	322
Котляревская	390
Пришибская	350
Нартан	300
Мисостово (н. Урвань)	500

Интересно, что наиболее густо (после русских густых районов) населенный предлесный и предгорный район, является, во многих случаях, вместе с тем и наиболее отсталым в сельском хозяйстве. Промыслы, как и везде, повышают емкость территории, с одной стороны, а с другой стороны—они же и отвлекают население от сельского хозяйства.

Наиболее передовыми и с рыночным уклоном земледелия оказываются наиболее слабо населенные районы. Возможно, что

рыночность об'ясняется присутствием в этих слабо населенных районах пятен чрезвычайно уплотненного русского населения.

Представляло бы значительный интерес проанализировать причины уплотнения населения в одних районах и пониженной плотности в других. К сожалению, об'ем нашей работы не позволяет углубиться в этот вопрос. Отметим только, что густое пятно уплотненного русского населения привязано к крупному местному рынку—железнодорожному узлу ст. Прохладной. Что касается кабардинских районов, то здесь действовало две причины. Во-первых, кабардинцы в 60-х годах были искусственно собраны в крупные селения (вместо мелких аулов) по земельным юртам, размер которых определялся в зависимости от урожайности района. Это первая причина. В дальнейшем действовала, вероятно, и различная энергия прироста. Прирост был естественный и искусственный (приселение), при чем в некоторые селения приселялись балкарцы (Жемтала и др.), в другие осетины (Урух, Лескен). Чтобы не углубляться в демографический анализ, ограничимся только одним частным примером того, как велика может быть разница в приросте населения различных аулов:

Душ обоего пола.

	1889 г.	1922 г.	% прироста
23 степных аула	36535	69990	91
Лечинкая (быв. Тахтамышево)	508	1330	161
Урух (быв. Коголкино) . .	1417	2990	111

II ПОЛЕВОДСТВО.

Рост посевной площади и обеспеченность едоков посевами.

Кабарда издавна была земледельческой страной, но собственная потребность ее в зерне была так невелика—ограничиваясь прежде исключительно просом, что о посевной площади ее, как заметной величине, не говорили до начала 90-х годов; площадь эта не регистрировалась и правительственной статистикой. Во всяком случае в материалах 1889 г., изданных под редакцией *Евг. Максимова*, прекрасно учтены скот, угодья, население и так подробно описаны промыслы, как никто после, до наших дней, их не учел, но о размере посевной площади там не говорится ничего решительно.

Сведениями об урожаях мы располагаем с 1889 года, данными же о посевной площади только с 1899 года, хотя несомненно, что регистация их началась раньше 1899 года. Когда будут приведены в порядок библиотеки и архивы, тогда, может-быть, удастся получить и более ранние материалы девяностых годов *).

Вот размеры посевной площади по годам:

1899 г.	37169 дес.	(Без Малой Кабарды).
1900 «	36491 «	«
1901 «	36750 «	«
1902 «	35914 «	«
1904 «	37796 «	«
1906 «	65728 «	(С Малой Кабардой)
1910 «	107182 «	«
1913 «	112514 «	«
1914 «	85424 «	«
1916 «	92898 «	«
1917 «	73430 «	«

*) В шестидесятых годах по данным комитетов по земельным делам посевная площадь исчислялась от 3-х до 4-х тысяч десятин.

1920 г.	53873 дес.	(С Малой Кабардой).
1921 «	57380 «	«
1922 «	63351 «	«
1923 «	80127 «	«
1924 «	76797 «	«
1925 «	106700 «	«

Из таблицы видно, что, начав свою историю очень недавно, посевная площадь Кабарды с 1905 г. интенсивно пошла вверх, достигнув своего максимума около 1910—13 г.г. Накануне войны рост ее замедлился, а неурожай 1913 г. заставил ее войти в эпоху мировой войны уже несколько помятой, уменьшенной в своих размерах; последующие годы отодвинули ее назад лет на 20. В настоящее время посевная площадь быстро растет.

Соотношение роста ее с ростом населения лучше рассмотреть по периодам:

	Десятин в среднем	Душ об. пола в среднем	На 1 душу десятин посева
1889—1904 г.г.	36890	103866	0,35
1906—1913 г.г.	95141	147319	0,64
1914—1922 г.г.	70450	155396	0,45
1923 г.	80127	160371	0,50
1925 г.	106700	182952	0,58

Мы видим из этой таблицы, что до войны рост посевной площади обгонял рост населения, вследствие чего и обеспеченность едока посевом увеличивалась. Сужение посевной площади, происшедшее за годы войны и революции, в настоящее время кончилось, но довоенной нормы размер ее на одного едока еще не достиг.

Расширение посевной площади, несомненно, стояло в связи с внедрением в Кабарду русских переселенцев, засевавших не только свою землю, но и кабардинские юрты, что можно заключить из количества посева, приходящегося в среднем на одного едока разных национальностей:

	Десятин на едока	
	1916 г.	1922 г.
У кабардинцев .	0,57	0,32
У казаков . . .	0,72	0,25
У русских переселенцев . . .	0,92	0,93

Какие перспективы имеет в будущем посевная площадь Кабарды? Годной для запашки земли насчитывается около 230000 десятин без Золки. Правда, далеко не вся эта площадь действительно годна под распашку, особенно сейчас в экстенсивный период кабардинского сельского хозяйства, да и едва ли рентабельно было бы многие части этой годной для распашки территории использовать для земледелия. Здесь мы имеем крутые склоны, каменистые пространства с очень мелкой почвой и т. д. Использование этих пространств скотом, вероятно, окажется более рентабельно.

Если годную для полевой культуры площадь принять все же в 200 тыс. десятин, то в ближайшее десятилетие при существующей залежной системе едва ли свыше 110—130 тыс. десятин могло бы оказаться под посевом. Надо, кроме того, принять во внимание плотность населения области и ограниченные запасы труда в ней. Судя по данным Всероссийской выборочной с.-х. переписи 1922 года, Кабарда имеет около 35 тысяч здоровых взрослых работников. Считая на каждого работника нагрузку в 80 рабочих дней в году на полеводство, а затрату на десятину кукурузы в 30 дней, мы определим площадь, которую в силах сейчас обработать Кабарда, около 110 тыс. десятин. Это тот самый предел, до которого Кабарда дошла перед войной и достигает

сейчас, и который может быть расширен либо дальнейшим напряжением труда в полеводстве (затратой более 80 дней в году), либо экстенсификацией обработки (затрата менее 30 дней на десятину), что повлекло бы за собой падение урожаев, либо, в-третьих, уплотнением населения области. Четвертый путь—это машинизация культуры кукурузы, требующая нарастания капитала.

Внутри Кабарды есть районы, сами себя прокармливающие, есть нуждающиеся в хлебе, который они получают, отдавая в обмен за него скот, дикие фрукты лесов предгорий или картофель (Кармово ныне Каменномостное), вызревающий там, где не вызревает пшеница, и есть, наконец, районы, даже экспортирующие зерно. Расположение этих районов до некоторой степени намечается расположением разной обеспеченности едока посевом. Вот сколько в разных селениях приходится десятин посева на 1 душу в последний перед войной 1913 год и в год обследования—1922-й.

НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Десятин посева на 1 душу	
	1913 г.	1922 г.
Терское (б. Булатово)	2,4	0.07
Ново-Полтавка	2,2	—
Раздольное (б. Ганжумово) . .	2,1	—
Акбаш (б. Астемирово)	2,0	0,86
Нижний Курп (б. Ахлово) . .	1,9	0.35
Гнаденбург	1.8	—
Плановское (б. Баташево) . .	1,6	0,45
Верхний Курп (б. Исламово)	1.6	0.27
Хамидие (б. Ханцево)	1,5	0,21
Кременчугско-Константинов. .	1,5	—
Неурожайное (б. Абаево) . . .	1,4	0,16
Исыхурей (б. Лафишево) . . .	1.4	0.20
Арик (Бороково)	1,3	0,22

НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Десятин посева на 1 душу	
	1913 г.	1922 г.
Карагач (Иналово)	1.1	0.26
Кызбурун II-й (Наурузово) . .	1.1	0.40
Чегем II-й (Куденетово II) . .	1,1	0.74
Н. Черек (Нижне-Кожоково) .	1,1	0.29
Дейское (б. Муртазово)	1.0	0,38
Ст. Лескен (Кайсын-Анзорово)	0,98	0,50
Кизлярское (Бекович)	0,9	0,17
Баксаненок (Касаево)	0,9	0,33
Ст. Урух (б. Хату-Анзорово)	0,8	0,47
Ст. Крепость (Кучмазукино) .	0,79	0,31
Чегем I-й (Куденетово I) . .	0,7	0,35
Нартан (Нальчикское-Клишбиевское)	0.7	0.38
Урвань (Мисостово)	0,7	0.23
Куба (б. Атажукино III) . . .	0,6	0,38
Ново-Ивановка	0.6	
Александровская кол. . . .	0,6	—
Шалушка	0,6	0,28
Баксан	0.5	
Залукокоаже (Абуково)	0,5	0,35
Аргудан	0,5	0,20
Кахун (Докшукино)	0.5	0.24
Урух (Коголкино)	0,45	0,27
Алтуд (Тамбиево II)	0,4	0,61
Кишпек (Тыжево)	0.4	0.33

НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Десятин посева на 1 душу	
	1913 г.	1922 г.
Исыгансу (Джанхотово) . . .	0.4	0.15
Аушигер (Догужаково)	0.3	0.33
Ст. Черек (Докшоково)	0,3	0,23
Малка (Ашабово)	0.3	—
Сармаково	0,3	0,09
Кызбуруи I-й (Атажукино II-е)	0,3	0.10
Заюковское (Атажукино I-е).	0,2	0.28
Куркужин Верхний	0,20	0,13
« Нижний		0,71
Лечинкая	0,2	0.10
Нальчик	0.2	
Кенже (Кошероково)	0,1	0,15
Жемтала (В. Кожоково) . . .	0,1	0.18
Каменномостное (Кармово) . .	0,05	0,15

1922 год не показателен. В этот год с трудом был засеян потребительский минимум, который дает чрезвычайно малые колебания в районах многопосевных и малопосевных. По данным же 1913 года многопосевные и малопосевные селения располагаются в довольно правильные географические районы:

1,3 дес. и выше на 1 душу

I. Малая Кабарда (кроме Дейского—1,0 и Бековича—0,4)

0,79—1,3 на душу.

II. Север Кабарды между Малкой и Баксаном (кроме Кубы,

Баксана и Алтуда, а также Ашабова и проч. выделенных в пятый район).

III. Юго-Восточная Анзоровская группа (кроме Уруха, не попавшего, однако, в 1913 г., случайно, так как обычно оно имеет значительные излишки).

0,4—0,7 на душу.

IV. Переходная полоса от степного к предгорьям: Четем I-й, Шалушка, Партан, Урвань (Мисостово), Кахун, Александровская колония, Аргудан, Джанхотово, Алтуд, Тыжево, Тамбиево I-е, Баксан, Ново-Ивановка. В эти географические границы входит также Четем II-й и Н. Черек, имеющие, однако, посева 1,1 дес. на душу, что об'ясняется их сравнительно с этим районом большим наделом. Отдельно от района лежит Залукокоаже на Зольском плоскогорьи под Пятигорском.

0,2—0,3 дес. (включительно).

V. Предгорные и смежные с ними селения: Куркужин (В. и Н. Коново), Сармаково (Бабуково,) Ашабово, Заюковское (Атажукино I), Кызбурун I-й (Атажукино II), Лечинкая (быв. Тахтамышево), Нальчик, Аушигер и Старый Черек (Докшоково).

0,1 и ниже.

VI. Каменномостное (Кармово) и Жемтала (В. Кожоково), лежащие высоко, и Кенже (Кошероково), составляющие переход от группы V-й к настоящей группе (VI).

Прилагаемая картограмма дает полное представление о географии площадей посева на 1 едока в различных частях Кабарды.

Сложение полевых культур.

Самой древней полевой культурой в Кабарде несомненно является просо. Кабардинское название сентября месяца «хе-го-мазе», т. е. время уборки хлеба, указывает уже на то, что хлебом этим была не пшеница, а скорее всего просо, убиравшееся раньше в сентябре *). Когда зародилась его культура у черкес—сказать нельзя. Период этот измеряется, может-быть, тысячами лет. Просяная каша на воде—«паста»—режущаяся ножом, предшественник современного хлеба европейцев, и до сих пор еще заменяет кабардинцу наш хлеб и чрезвычайно им любима. Даже когда имеется хлеб, к столу все-таки подается и паста, как-бы составляя элемент некоего древнего ритуала. Равнозначущее русскому «хлеб-соль» приветственное выражение «шу-паста» косвенно указывает на то, что просо является ровесником коренных слов языка. Нужно полагать, что оно вынесено черкесами с их прародины Азии, где составляло пищу большинства полукочевых народов.

Чрезвычайно долгое время просо было или единственным культурным растением в Кабарде, или же занимало первое место в ее посевной площади, пока на любящее нетронутые целины и старые залежи просо не повела наступление кукуруза, мирящаяся со старо-пахотными мягкими землями, не боящаяся вредителей и выносящая беспрерывную культуру на одном месте десятки лет.

Как показывает следующая таблица, Кабарда вошла в XX столетие, имея еще просо первым растением (38,5% посевной площади), но около 1905 года кукуруза, наконец, возобладала. Местами (Мисостово) в эти же годы, местами только с началом мировой войны (Чегем) просо вовсе перестали сеять за недостатком залежей или за недостатком скота для под'ема пласта, а после неурожайных 1913 и 1921 г.г.—также и вследствие отсутствия семян, с'еденных населением в голодные годы. Считать, од-

*) Нестарые еще люди помнят, что с посевом проса запаздывали до конца июля.

нако, просо уже выпавшей культурой было бы преждевременно. Население, как записал обследователь в бланке селения Хащево, «очень озабочено недостатком проса и недовольно ячменным хлебом».

Путешественниками XVIII века рядом с просом называется в Кабарде также полба и ячмень. Полба, вероятно, появилась у предков кабардинцев—у кубанских черкес еще задолго до Р. Х. вместе с приходом древних греков, основательно осевших на Западном Кавказе и довольно глубоко проникших со своими поселениями внутрь гор, как это показывают остатки городов (например, Старое Жилище в верховьях Зеленчука). Греки, вместо пшеницы, употребляли полбу, которую вывозили из нынешней Казанской губернии, а, вероятно, и из Кубанского края, где была при них развита довольно обширная посевная площадь.

Еще в 60-х годах XIX века просо и полба были двумя главными культурами Кабарды. Правда, полба так основательно выпала теперь из состава кабардинских культур, что почти никто сейчас уже не знает даже ее названия «гаша», хотя, впрочем, в глухом горном ауле Жемтала (В. Кожоково) она случайно сохранилась. Обследователь обнаружил в 1922 г. и привез с собой колосья полбы. К сожалению, не было сделано более подробного обследования этой древней культуры. Во всяком случае, в настоящее время полба не имеет в Кабарде даже того значения пережитка, как в среднем Поволжье.

Культура ячменя имеет в Кабарде две истории—старую и новую, вызванную расцветом животноводства в Европе и развитием экспорта ячменя из России. Отмеченная нами выше наличность ячменя в XVIII веке является культурой, постепенно сходившей на нет и оставшейся в аулах, далеких от больших дорог современности. Точно также, как и просо, ячмень в Кабарде был вытеснен кукурузой—культурой XIX столетия. В начале нынешнего века мы вновь наблюдаем вспышку интереса к ячменю—рецидив, питаемый, впрочем, уже совершенно современными мировыми тенденциями. Ячмень стали сеять в Малой Кабарде, в Урухе и по Малке (Псыхурей)—в районах, задетых международным хлебным рынком.

Главная полевая культура современной Кабарды—кукуруза, вошедшая во все скважины и поры туземного хозяйства, расте-

ние сравнительно новое. Название ее «парт-ух», т. е. просо партов (богатырское просо) говорит как-будто, что народ с достаточной степенью изумления относится к почти чудесной величине плодов кукурузы.

В трудах Кабардинского отделения «Комиссии по правам туземного населения Терской области 1868 года» кукуруза трактуется еще, как растение огородное. Такая оценка значения кукурузы, вероятно, и в 1868 г. была уже устаревшей, потому что из тех же трудов комиссии мы узнаем, что кукуруза по площади занимала все-таки четвертое место после проса, полбы и пшеницы. Да и *С. Броневский* в своем описании Кавказа (1810 г.), упоминая о кукурузе, совершенно не говорит ничего такого, что дало бы основание считать ее только огородным растением. Но когда-то раньше кукуруза была действительно только огородным растением. И до сих пор параллельно с полевыми посевами кабардинец сеет ее и вокруг дома. *С. Броневский* делает другое, очень интересное, указание. Чтобы дать более ясное представление своему читателю о том, что такое за растение кукуруза, он поясняет, что это—турецкая пшеничка. Многим, вероятно, знакомо, что и сейчас на Украине в некоторых местах кукуруза носит название «пшеничка». Это замечание *С. Броневского* указывает нам на географическое происхождение кавказской кукурузы, подтверждаемое впрочем и другими источниками—она занесена на Кавказ из Малой Азии, повидимому, в эпоху уже турецкого владычества, т. е. не раньше начала XVII века.

Три четверти посевов кукурузы приходится на долю белой местной, дающей хорошую муку и возделываемой на пищу. Четвертая часть приходится на долю желтых сортов. Это разновидности кавказской «чеченки», часто весьма схожие с украинским «грушевским» сортом и с бессарабской. Желтая употребляется на корм скоту. Белая более урожайна: 90—100 пуд., желтая 70—85 пуд. зерна с казенной десятины. Изредка возделывается красная имеретинская. «Конские зубы» совершенно забракованы населением.

К моменту начала мировой войны на первом после кукурузы месте мы застаем в Кабарде пшеницу («годз»), оттеснившую просо и ячмень. Пшеница до сих пор считается в Кабарде почему-то

совершенно новой культурой. Начало ее появления, действительно, не легко определить. Однако, мы знаем, что помянутая выше «Комиссия 1868 года», говоря о предгорной полосе, упоминает, что пахотные места этой полосы пригодны исключительно под пшеницу, очевидно потому, что вегетация ее короче, чем у кукурузы, почему кабардинские посевы (просо и кукуруза) сосредоточены ниже—в средней полосе Кабарды. Из материалов той же комиссии видно, что площадь пшеницы занимает в это время третье место среди полевых культур (просо-полба-пшеница-кукуруза). Несомненно, что начало ее культуры следует относить еще раньше и даже, может быть, в XVIII век, потому что при *С. Броневском* она уже упоминается.

Чем же об'ясняется в таком случае постоянно встречаемое утверждение, что пшеница в Кабарде совершенно новая культура? Тем, что население не поддерживало беспрерывной культуры пшеницы. После неурожая, когда при затрудненности сношений с русским рынком нельзя было возобновить семена, пшеница вовсе выпадала из обихода на долгие годы, пока не удавалось вновь достать семена. Для сел. Урвань (Мисостово) известно, что в течение 16 лет с 1905 по 1921 г. пшеница там совершенно не сеялась. В сел. Верх. Кури (Псламово) с 1914 г. не могли достать семян пшеницы. Раньше эти периоды могли бывать настолько продолжительны, что целое поколение могло вовсе не видать никогда этого злака.

Сейчас в Кабарде возделывается почти исключительно озимая пшеница (в 1916 г.—95% площади под пшеницей), а в старину возделывалась только яровая пшеница, по всем вероятиям, твердых сортов. Кабардинская примета «шим-икапго-гаве-хесенхойш», т. е. «сей пшеницу при первом испарении земли»—прямо указывает, что население освоилось в свое время с культурой именно яровой пшеницы. При склонности кабардинцев сеять на одном и том же месте до отказа, т. е. до полного истощения почвы, неурожаи яровой пшеницы от восточных суховеев и захватов могли заставить пионеров этой культуры вовсе отказаться от пшеницы, чем можно об'яснить ее исчезновение. Вопрос об исчезно-

вении яровой пшеницы подлежит еще изучению со стороны местной агрономии.

В засушливые годы после революции озимая пшеница вновь отступила со второго на третье место. Не только кабардинцы, но казаки и русские переселенцы и даже немцы сократили свои посевы пшеницы, перейдя на кукурузу, как легче и лучше дающую продовольственный минимум. Такое явление отмечено в станице Пришибской, в сел. Черниговском, Ново-Николаевском, на хут. Сухотском, Валаевском, Куян, кол. Гофнунгсфельд и многих других. Население об'яснило это несложностью подготовки почвы под кукурузу, дешевизной ее семян, легкостью их приобретения на месте и, конечно, разносторонней применимостью всех частей кукурузы для разнообразных потребностей хозяйства.

В 1922 г. пшеница вновь вернулась на второе место, так как после неурожая 1921 г. достать семена проса стало затруднительно, а семена пшеницы ввозились, как семссуда.

Говоря о пшенице, не безинтересно упомянуть о довольно видной культуре казачьего района, это с у р ж а — смесь озимой ржи и пшеницы. К сожалению, тема районирования не позволяет нам остановиться на этой культуре, кстати еще не изученной местными агрономами.

Лет за 10 до революции начинает распространяться даже среди кабардинцев (Ашабово) подсолнух, принесенный русскими переселенцами. Стимулировавшаяся сбытом на маслобойные заводы в Пятигорске, культура эта достигает к 1916 г. своего максимума и занимает в это время пятое место в области, а по отдельным селениям второе (Зольский) и четвертое место (Н. Ашабово). Одновременно развиваются посевы и других масличных: горчицы (занимала второе место в Абуково и третье в Касаево), гардана, рапса, льна (Тамбиево I). Все эти культуры с временной остановкой заводов исчезли за отсутствием сбыта и больше не возобновлялись. Исключение составляет подсолнух, значительное количество которого было выдано в семенную ссуду населению области весной 1923 г. На сокращении подсолнечника отразилась также и гибель его от заразихи в тех районах, где сеяли его из года в год, как на хут. Зольском, отводившем 60% площади под подсолнух. Революция выдвинула зато вперед бахчевые и корнеплодные

культуры. В 1922 г. бахчи и огороды заняли в области четвертое место (кукуруза, пшеница, ячмень, бахчи). Из этого вида растений остановимся на картофеле. Картофель вообще в Кабарде едва только прививается, однако в одной из самых глухих трущоб Кабарды он возделывается едва-ли не целое столетие, занимая там второе место—от 12% всей посевной площади (1923 г.), до 29,5% (1916 г.). Это селение Кармово (Каменномостное). Высота места (от 400 саж. над уровнем моря и выше) делает его культуру единственно надежной и выгодной. Сбыт на Кавказские Минеральные Воды и в станицы обеспечивает обмен картофеля на муку. Рядом и ниже лежащее Сармаково (Бабуково) также довело теперь площадь под картофелем до 15% посевной площади (1923 г.).

История появления картофеля в горах не безынтересна. Сто лет назад в 1822 г. Ермоловым на пересечении проходов из Карачая в Кабарду и из степи в горы было заложено на высоком плоскогории Каменномостное укрепление. Вся территория крепости с остатками амбразур и пороховым погребом, служащим ныне загоном для овец, составляют теперь усадьбу небогатого гражданина селения Каменномостного, раскинувшегося вокруг и ниже укрепления. Солдаты небольшого гарнизона этой крепости коротали свой четвертьвековый срок тогдашней службы разведением огородов. С их легкой руки с тех пор культура картофеля отсюда не исчезает, хотя и не расширяется дальше, не вызывая никакого подражания со стороны остальных селений, кроме соседнего Бабукова и отчасти ближайших Куркужинов (Коновых).

Если отбросить военные годы, то Кабарда последние $^1/_4$ столетия представляется нам, по терминологии *А. Ф. Фортунатова*, страной кукурузно-пшенично-просяной. Такой она была во время войны и такой же она стала после войны и революции. В промежутке она была кукурузно-просяно-пшеничной, что указывает на рыночное значение пшеницы. С временным прекращением экспорта пшеница отошла поэтому на третье место.

Порядок важности трех названных главных культур остается такой же, какой был и до войны, но относительное значение их в посевной площади изменилось. Относительное значение проса уменьшилось в 3—4 раза, зато увеличилось за его счет значение кукурузы и пшеницы.

В общей сводке по Кабарде соотношение различных культур в процентах ко всей посевной площади видно из следующей таблицы:

	1899 г.	1913 г.	1917 г.	1922 г. *)	1923 г.
Кукуруза . . .	27,8	31,9	45,0	55,6	38,0
Пшеница . . .	15,2	23,4	10,5	26,5	27,3
Просо	38,5	21,1	21,0	4,7	13,7
Ячмень	10,9	11,3	9,7	2,6	5,0
Подсолнух . . .	0,4	1,2	8,2	2,7	5,8
Картофель . . .	2,7	1,6	0,6	1,3	1,5
Прочие раст. .	4,5	9,5	5,0	6,6	8,7
Итого . .	100%	100%	100%	100%	100%

Такова общая картина по Кабарде. Однако, ошибкой было бы думать, что по всей территории ее указанное соотношение культур сохраняется неизменным. Наоборот, пестрота в этом отношении чрезвычайная. Прежде всего значительные различия наблюдаются в зависимости от национальности населения. Например, у казаков поддерживается такое порядковое расположение по занятой площади: 1) суржа, 2) кукуруза, 3) просо. У немцев: 1) пшеница, 2) ячмень и 3) подсолнух. У русских (Баксан): 1) кукуруза, 2) подсолнух и т. д.

Затем, разумеется, большое значение имеет высота места над уровнем моря и отдаленность от рынков сбыта. В глухих горных аулах сохраняется старинное соотношение: 1) просо, 2) кукуруза, перешедшее во время войны в соотношение кукуруза—могар на пшено (Жемтала); наоборот, поблизости от Пятигорска в 1913 г. можно было наблюдать: 1) пшеница, 2) горчица, 3) просо (Залукокоаже—1913 г.) и т. п.

*) Экономич. обследов. (только Кабардинск селен.).

Достаточно сказать, что для 1913 г. только в Кабардинских селениях нами было установлено 20 типов сложения главных культур. Если взять и годы войны, то в этой пестроте совершенно уже нельзя будет разобраться. Разумеется, что при таком разнообразии соотношения культур уместнее всего отказаться от мысли провести районирование области по методу, предложенному в свое время покойным проф. *А. Ф. Фортунатовым*, т. е. по признаку соотношения трех преобладающих культур.

Для того, чтобы учесть степень разложения старых типов сложения культур, а вместе с тем и учесть роль новых, третьестепенных пока культур, внедряющихся в посевную площадь Кабарды и раскалывающих ее, гораздо целесообразнее было бы подойти к интересующему нас вопросу следующем путем: учесть степень внедрения сравнительно новых для кабардинца культур, другими словами, всех культур, кроме проса и кукурузы. Выражая роль этих культур в процентном отношении их площади ко всей вообще посевной площади, мы получаем следующую картину (не кабардинские селения во внимание не приняты по недостатку материала):

СЕЛЕНИЯ	% площади, засеянной разными культурами, кроме проса и кукурузы				Какие культуры возделываются преимущественно после кукурузы и проса.
	1913 г.	1916 г.	1922 г.	1923 г.	
Аргудан . . .	25,9	6,6	67.2	36,0	Пшеница и бахчи.
Кызбурун I (Атажукино II).	23.0	31,9	56,1	54,2	Пшеница, подсолнух.
Кызбурун II (Наурузово) . .	39,3	45,5	55,1	31,8	Пшеница и подсолнух. Просо не сеется около 15 лет. Пшеница сеялась в 1908—17 г.г. и вновь с 21 г.

СЕЛЕНИЯ	% площади, засеянной разными культурами, кроме проса и кукурузы				Какие культуры возделываются преимущественно после кукурузы и проса.
	1913 г.	1916 г.	1922 г.	1923 г.	
Урвань (Мисостово)	22,2	0,06	54,4	16,0	Пшеница и арбузы. С 1905 г. до этого года просо и пшеница не сеялись.
Лечинкая (Тахтамышево) . .	20,0	0,3	50,0	52,7	Пшеница (для кукурузы слишком высоко)
Баксаненок (Касаево) . . .	—	—	49,0	54,1	Пшеница, ячмень. раньше—гордан.
Исыхурей (Лафишево) . .	59,7	39,3	48,3	52,8	Пшеница, подсолнух
Ст. Урух (Хату-Анзорово) . . .	56,3	38,1	48,1	32	Пшеница.
Урух (Коголкино)	22,3	24,3	47,6	38,8	Пшеница.
Малая Кабарда	—	58,7	47,1	50,2	Оз. пшеница и ячмень
Куба (Атажукино)	—	—	45,8	40,0	Пшеница, подсолнух, ячмень.
Карагач (Иналово) . .	—	—	45,7	53,9	Пшеница, ячмень, прежде лен, гордан, подсолнух.
Малка (Ашабово)	73,7	74,2	45,3	54,6	Пшеница, подсолнух, бахчи.
Аушигер (Догужоково) .	—	—	45,3	44,5	Растет площ. пшеницы и с 15 г. бахчи

СЕЛЕНИЯ	% площади, засеянной разными культурами, кроме проса и кукурузы.				Какие культуры возделываются преимущественно после кукурузы и проса.
	1913 г.	1916 г.	1922 г.	1923 г.	
Ст. Крепость (Кучмазукино) .	42,7	55,2	44,3	46,9	Пшеница, подсолнух.
Ст. Лескен (Кайсын-Анзорово) .	30,1	21,1	42,2	35,0	Пшеница.
Тамбиево I (Кызбуруи III-й)	—	34,6	40,7	56,9	Пшеница (впервые в 22 г. после 15 летн. перерыва), подсолнух, бахчи.
Залукокоаже (Абуково) . .	79,1	63,7	39,8	34,3	Пшеница, подсолнух, ячмень, картофель.
Ст. Черек (Докшоково) . .	24,3	—	39,7	33,4	Пшеница.
Кишпек (Тыжево)	55,7	26,8	38,9	59,8	Пшеница.
Куркужин (Коново) . . .	45,9	56,9	31,8	62,3	Пшеница, подсолнух, картофель.
Жемтала (В. Кожоково) .	—	—	30,9	5,0	Могар приблизител. с 1918 г., пшеница не вызревает.
Нартан (Клишбиево) .	24,7	1,6	29,5	26,4	Пшеница.
Чегем I (Куденетово 1).	26,5	10,2	27,8	29,2	Пшеница с 1921 г.

СЕЛЕНИЯ	% площади, засеянной разными культурами, кроме проса и кукурузы				Какие культуры возделываются преимущественно после кукурузы и проса
	1913 г.	1916 г.	1922 г.	1923 г.	
Н. Черек (Н. Кожоково)	—	—	27,4	28,4	Пшеница.
Сармаково (Бабуково) . .	20,0	58,9	27,1	28,6	Картофель, подсолнух, с 1921 года пшеница.
Псыгансу (Джанхотово) .	37,8	—	26,6	21,3	Пшеница.
Чегем II (Куденетово II)	56,3	38,1	25,9	36,5	С 1914 г. пшеница.
Каменномостное (Кармово) . .	19,4	29,5	20,5	39,5	В горах исключит. картофель, на плоскости—кукуруза.
Шалушка . .	8,4	7,2	20,3	36,1	Пшеница.
Алтуд (Тамбиево II) . .	—	—	19,0	52,1	Пшеница, подсолнух, бахчи, прежде—лен и гордан.
Вольный аул .	—	—	15,6	41,7	С 1921 г. пшеница.
Кахун (Докшукино)	—	0,1	14,5	33,2	Пшеница.
Заюковское (Атажукино I) .	—	9,0	9,3	30,3	Подсолнух.
Кенже (Кошероково) . . .	—	—	3,3	33,1	Пшеница.

В значительной части селений мы видим, что раз внедрившиеся «инородные» культуры все расширяют и расширяют свои позиции, сделав местами временно уступки в годы войны (Анзоровы аулы, работавшие на экспорт, Аргудан, Мисостово, Куденетово I). Некоторые селения, наоборот, в 1916 г. показали вспышку развития новых культур, затем потухшую. Это—Абуково, Бабуково, Коново, Кучмазукино, увлекшиеся во время войны посевами подсолнуха для пятигорских маслобойных заводов, захваченные потом волчком (заразихой) и потерявшие после революции сбыт. Малая Кабарда, потерявши свои экспортные культуры в период войны, разорилась и до сих пор еще не встала на ноги.

Произведенный учет внедрения новых культур интересен еще с одной стороны. Смело можно сказать, что приведенные в таблице цифры одновременно служат нам и косвенным показателем степени рыночности полеводства.

Нанеся на карту данные 1923 г., мы получаем довольн стройную картину:

Свыше 40% новых культур.

а) Весь степной север Кабарды между Баксаном и Малкой со смежными Кызбуруном I-м, Кызбуруном II-м и Кишпеком.

б) Малая Кабарда.

в) Предлесные селения—Аушигер, Лечинкая и Вольный аул.

От 30 до 39,9%

а) Залукокоаже (Абуково), отличавшееся всегда большим % новых культур, но выпавшее из высшей группы временно, вследствие кризиса подсолнечной культуры.

б) Предгорные селения—Кызбурун II и Заюковское.

в) Предлесная группа—Кенже, Шалушка, Кахун и Ст. Черек.

г) Юго-восточная группа: Лескен и Ст. Урух, Урух и Аргудан.

Менее 30%.

а) Предгорная группа—Каменномостное (Кармово), Сармаково (Бабуково).

б) Предлесная группа—Нартан, оба Чегема, Псыгансу, Н. Черек, Урвань.

в) Жемтала (В. Кожоково).

В этом перечне нарушает географическую стройность только группа Аушигер, Вольный аул, Лечинкая, никогда раньше не располагавшие большой площадью интересующих нас культур.

Если сделать попытку разгруппировать селения по роду культур, то получится следующая картина:

1. *Степной пшенично-подсолнечный район* (Куба, Баксаненок, Псыхурей, Карагач, Малка, Ст. Крепость, Кызбурун I и II-й. Залукокоаже, отчасти предгорное Коново).

2. *Предгорный пшенично-подсолнечный район* (Заюковское. Кызбурун II).

3. *Мало-Кабардинский пшенично-ячменный район.*

4. *Предлесный пшеничный район* с площадью новых культур свыше 30% (Аушигер, Вольный, Лечинкая, Шалушка, Кенже, Кахун, Старый-Черек, Ст. Урух, Ст. Лескен, Урух и Аргудан).

5. Тоже с площадью новых культур до 30% (Нижний-Черек, Нартан, оба Чегема, Псыгансу и Урвань).

6. *Кармовский картофельный район* (Каменномостное, Сармаково) и тяготеющие к этому горному району оба Куркужинские в подсолнечном отношении равно тяготеющие к Малке. Само. Каменномостное—абсолютно картофельный подрайон, так как кукуруза сеется им на отдельных участках в степи.

7. *Жемтальский могарный район* (абсолютно беспшеничный).

Считаем нужным еще раз оговориться, что принятые нами названия районов, конечно, условны, по существу это разумеется не подсолнечные и не пшеничные районы, а такие же кукурузные, как и вся Кабарда вообще; но они постольку подсолнечные или постольку ячменные, поскольку внедрение этих культур вносит новые черты в непобедимое, все-таки, до сих пор преобладание кукурузы.

Эволюция залежи, толока, пары, чередование культур.

Наблюдение над эволюцией залежного хозяйства в Кабарде представляет большой интерес. Мы имеем здесь еще возможность наблюдать и ту эпоху, которая предшествует введению залежей, как средства восстанавливать утраченное плодородие почвы, и ту раннюю эпоху залежной системы, когда длительность отдыха под залежью не уменьшается, а, наоборот, растет.

В ряде селений пришлось зарегистрировать беспрерывный посев без всякой залежи. Местами эта форма эксплоатации об'ясняется только плодородием страны, которое ни разу еще не наталкнуло земледельца на мысль об исчерпаемости почвенных богатств, и неприхотливостью кукурузы, а в других случаях, кроме того, и земельной нуждой (Шалушка, Лечинкая, Жемтала). В селении Нижний-Черек часть земли пашется непрерывно из года в год, часть же земли, уже истощенной, эксплоатируется по залежной системе: 2-3 г. посев и 4 года отдых. В Шалушке, селении малоземельном, никогда будто бы не имели возможности выделить залежный клин, и только более состоятельные хозяева, когда можно было арендовать землю у соседей, делали посев на арендованной, а своему паю давали отдых, косили на нем сено и осенью пасли скот.

Примеры непрерывной культуры мы имеем и в русских селениях, например, в Баксане—селении весьма малоурожайном. В стан. Котляревской казаки показали, что до 1917 г. они не знали залежи. Теперь они практикуют—3 года посев и 3-4 года залежь. Возможно, конечно, что иногда в этих случаях «беспрерывной» культуры мы имеем дело тоже с залежью, но настолько старой—лет 40-50 и более, что нынешнее поколение уже не помнит, когда здесь велось хозяйство.

Сколько же времени может безнаказанно продолжаться беспрерывный посев? Прямого ответа на это нет, но можно указать что селение Чегем I уже 14 лет непрерывно засевает свой пахотный клин, в сел. Урвань кукурузу сеют 17 лет на одном месте

Кроме названных селений, беспрерывный посев был еще зарегистрирован в Кахуне, Исыгансу, а частично и во многих других *).

С течением времени выясняется, однако, необходимость давать пашне отдых, и тогда пахотные угодья делятся на три клина: один отдыхает и служит сенокосом, а остальные два продолжают пахать и засевать. 6-7 лет пашут и 3-4 года земля отдыхает в залежи. Там, где почвы менее выносливы, там в конце концов относительную площадь под залежью приходится увеличить до половины всей пахоты и продолжительность залежи сравнивается тогда с продолжительностью периода беспрерывного посева. В Чегеме II, например, показали, что прежде хозяева оставляли под покос (залежь) около трети всего своего надела, а остальное пахали, затем уже стали практиковать равенство половин отдыхающей и засеваемой, давая каждой по три года; после 1917 г. временно площадь посева уменьшилась за счет увеличения длительности залежи.

В районах, затронутых рыночным хозяйством, толкаемых на лихорадочные посевы подсолнуха, льна и т. д., приходится сокращать и площадь и длительность залежи, как это делается в аулах по Малке, в Залукокоаже, в Малой Кабарде и других. В Кызбуруне III, например, после 10 лет культуры земля отдыхает только 3 года. В Дейском, Ст. Урухе, Ст. Лескене сокращают до 1-3 лет. В Аушигере сельчане заявили, что после введения у них посевов пшеницы продолжительность посевного периода увеличилась вдвое. Она увеличилась, конечно, не потому, что пшеница дольше выдерживает беспрерывный посев на одном месте. Наоборот, клинья, засеваемые пшеницей и ячменем, скорее требуют отдыха, чем кукуруза. Например, в Неурожайном (Абаево) показано, что беспрерывный посев у них длится в среднем 9 лет, но в кукурузниках по р. Акбаш он дольше.

Длительность посевного периода удлиняется и тогда, когда в обычное чередование растений вставляют новые звенья. Например, там, где сеяли 2 года просо и 3-4 года кукурузу, там между просом и кукурузой стали вставлять еще 2 года пшеницы. Где внедряется подсолнух, там после пер-

*) В Малой Кабарде по Тереку есть места, где кукуруза сеется около 30 лет без перерыва.

вого года пшеницы вставляют год подсолнуха. Иногда после кукурузы помещают еще картофель (Сармаково) или еще озимую пшеницу (Ст. Крепость, Залукокоаже, Кызбурун II, Кишпек).

Однако, и в самых рыночных зерновых районах истощающееся плодородие почвы заставляет не только возвращаться к равенству залежного и посевного клиньев, но идти и дальше, все увеличивая длительность залежи. В Исыхурей (Лафишево), где почвы не важные, несмотря на местонахождение селения в весьма рыночном зерновом районе, урожай снимают только 3-4 года подряд, а бросают в залежь на 4-10-11 лет, смотря по качеству участка, при чем в последние годы замечается тенденция все увеличивать длительность залежи. В Сармаково (Бабуково), когда готовят земли под просо, то раньше 15 лет залежи не трогают, хотя под кукурузу и картофель вспахивают и трехлетнюю залежь. В Плановском прежде практиковали 3-4 летнюю залежь, а теперь 7-8 летнюю. Стремление к удлинению срока залежи зарегистрировано в целом ряде других селений и почти во всей Малой Кабарде. Иногда это об'ясняется трудностью поднять пласт за отсутствием скота. Характерно в этом отношении поведение русских переселенцев в Ново-Ивановском: как только после революции стесненное землепользование новоивановцев получило некоторую передышку, они приобретенную ими прирезку земли использовали не для расширения запашки, а для образования на трехлетней залежи твердых задернелых пластов, предназначаемых под бахчи, имеющие в хозяйстве новоивановцев серьезное рыночное значение.

Рост посевной площади Кабарды шел, таким образом, не за счет сокращения длительности залежи или во всяком случае очень мало за ее счет, но главным образом за счет приобщения к пахоте новых пастбищных пространств, кустарников (предгорья) или за счет аренды (Шалушка, Ст. Черек, Кахун, Чегем I-й, Кенже и т. д.). В Старом Лескене (Кайсын-Анзорове), например, жители удостоверили, что за последние 50 лет не замечается никакого сокращения срока отдыха. Разумеется, что и это утверждение имеет все-таки частный характер. В трех селениях было отмечено, что длительность залежи сократилась. В Ст. Череке, например, лет 30 назад 5 лет сеяли и 5 лет держали пашню в залежи, теперь же сеют только 3 года и 3 года дают отдых.

В Дейском (Муртазово), находящемся в центре экспортных отправок зерна, посев идет 3-5 лет, а в залежи пашня находится 1-2 года, между тем как 35 лет назад под залежью держали землю 8 лет. На пятый и шестой год залежи получался самый лучший сенокос, на седьмой год покос изреживался, а на восьмой год уже поднимали пласт под просо. Правда, эта восьмилетняя залежь и сейчас еще сохранилась в том же Дейском на той части его юрта, которая примыкает к Арику, потому что там залежные сенокосы превосходны.

В селениях, имеющих хотя кое-какие выпасы, обычно по залежи совершенно не пускают скот, сохраняя их для покоса (Сармаково, Дейское, Нижний Черек). В некоторых селениях вынуждены пасти первые 2 или даже 3 года, если залежь прилегает к селению. Наконец, в третьих вовсе не косят залежей, а только пасут на них: Залукокоаже, Нартан, Вольный, Аушигер, Аргудан, Кызбурун III, Кызбурун I.

Первые два года заброшенная в залежь пашня порастает бурьянами. Эти бурьяны в хороший влажный год так пышно развиваются, что в них свободно скрываются всадники. Обычно, однако, в первые два года эти бурьяны представляют собой материал не только негодный для покоса, но и для выгона. На третий год бурьяны вытесняются пыреем и получается очень хороший выгон и даже сенокос. На 4-5 год залежь уже представляет собой прекрасный покос. Большинство селений вынуждены уже на третий год косить. В некоторых районах, преимущественно горных, залежь совсем не служит выпасом, скот пасется по склонам, залежь же поступает под сенокос в первый же год, а осенью по отаве на ней пасут (Каменномостное, Кузбрун II). Встречается такое использование залежи в первый же год под покос и на плоскости, но это имеет место чаще всего в специальном просяно-сенокосном клину, со своеобразным севооборотом: 2 года просо, 4-5 лет покос, потом опять просо (Н. Черек, Дейское). Когда в Кабарде созреет время для введения искусственного травосеяния, тогда эти просяно-сенокосные клинья будет чрезвычайно удобно использовать в качестве выводного травяного клина.

В русских селениях везде по залежам первый год пасут, а второй год косят. Больше двух лет залежи у русских почти не

встречается. Приингбские казаки три года пасут, а на 4-5 год косят. Однако, залежь даже двухлетняя, в русских селениях почти везде заменена однолетней украинской толокой, которая вспахивается как только скот можно перевести с нее на стерню, а рабочие руки освободятся от умолота озимых. Это очень редко бывает в июле, чаще же в августе. Боронование производится только перед посевом; если же ко времени посева пахота слежится, то перед бороньбой пускают буккер (Кр.-Константинов.). Во многих русских селениях (хутора по Малке, Ново-Полтавка, Ново-Ивановка) толокой пользуются, как необходимостью исключительно для выпаса; как средство же восстановления плодородия применяется род занятого пара—бахча с арбузами.

В немецких колониях применяют зеленый июльский пар, при чем в отличие от русских боронуют тотчас вслед за вспашкой, для сенокоса же держат отдельно 3-5 летнюю залежь. Из русских селений 2-3 летняя залежь отмечена только на хут. Черниговском.

В худших своих проявлениях севооборот русских селений представляет собой удлиненное до 4-5 лет трехполье: однолетняя толока—озимь и 2-3 года яровых, но у наиболее «старательных» хозяев при комбинации с разными пропашными севооборот растягивается на 5-6 лет (у немцев), 6-7 лет (у баптистов на Золке) и даже 6-9 лет (русские хутора на Малке).

Правильных постоянных севооборотов нигде не отмечено, но некоторое приближение к постоянному чередованию культур, в особенности в начале севооборота, замечается. Вот несколько таких намеков на севообороты:

У немцев: пар майский (или июльский)—пшеница (или лен) —пшеница (или люцерна)—картофель (а после люцерны разные яровые)—яровые.

У зольских баптистов: толока—озимь—подсолнух—картофель —озимые—яровые (3-4 года).

На хуторах по Малке: толока—бахча—озимь—картофель—яровые (5 лет). В Новополтавке такое же чередование, при чем часть бахчи заменяется подсолнухом, или начало севооборота бывает такое: залежь—просо—озимь—яровые. В Кременчугско-Константиновском: толока—озимь—подсолнух (или яровые)—кукуруза—яровые. У казаков: бахча—суржа—пшеница—залежь 2-3 года (Котляревская). В

станице Александровской: залежь—бахча (или просо)—пшеница—кукуруза (несколько лет). В станице Прикубской: залежь—просо (или бахча)—пшеница (или просо или могар)—кукуруза (несколько лет).

Гораздо однообразнее комбинации культур у кабардинцев, да они и отрицают наличие у них какого-либо постоянного чередования, хотя при тщательном наблюдении, особенно в аулах по Малке, где сказывается влияние русских станиц, можно уже отметить начало известной правильности чередования. Если оставить в стороне опыты двадцатилетних посевов кукурузы по кукурузе, то в случаях, где усматривается какое-либо единообразие, можно выделить три главных типа чередования. Первый в районах старого просяно-кукурузного уклада жизни, второй в пшеничных районах и третий в тяготеющих к Пятигорску пшенично-подсолнечных районах. Исторически первый тип самый древний, последний самый новейший.

Из второстепенных типов сложения культур в кабардинском хозяйстве назовем: картофельный (Кармово, отчасти Куркужин, тяготеющие и к подсолнуху) и, как редкое явление, Жемтальский—могарный.

Для просяно-кукурузного типа приведем довольно типичное селение Нартан, лежащее в цитадели старого кабардинского хозяйства в предлесном районе. В Нартане 7 лет пашут и на 7 лет запускают в залежь. Порядок такой: залежь—2 года просо по пласту—5 лет кукуруза.

В селениях с пятилетней длительностью посевов: 2 года просо—3 года кукуруза.

Для пшеничного района довольно характерны чередования Баксаненка, Н. Черека, Ст. Урух. В первом селении: 3—5 лет залежь—просо по пласту—1-2 года озимая пшеница—4 года кукуруза. Вот другое чередование без проса: 1-3 года залежь—2 года пшеница—3 года кукуруза, весь оборот в 8 лет (Ст. Урух), В Нижн. Череке практикуется старый беспшеничный севооборот: 4 года залежь—просо—3-4 года кукуруза, но на части надела имеется такое чередование: 4 года залежь, 2-3 года пшеница и 3-4 года кукуруза.

В предгорном с. Лечинкая (Тахтамышево), где, несмотря на отдаленность селения от оживленных районов, пшеница все же

приобрела с 1921 г. крупное значение, как растение менее требовательное к солнцу и с значительно меньшим периодом вегетации; наблюдается такая вариация пшеничного сложения: бахча,—озимая пшеница под борону без вспашки—пшеница, кукуруза (несколько лет).

Значительно осложняются севообороты со вхождением селения в орбиту ажиотажа подсолнечной и прочих масляничных культур. Вот пример из селения Алтуд: залежь 4-5 лет—по пласту лен или просо—озимая пшеница—опять пшеница или подсолнух—затем 2-4 года кукуруза. Другой пример из Залукокоаже (Абуково): залежь—просо—подсолнух или озимь—озимь или подсолнух—несколько лет кукуруза и заключается иногда опять пшеницей. При условии превращения кукурузного поля в кукурузный пар, такому севообороту нельзя было бы отказать в некоторой рациональности.

В Псыхурее (Лафишеве) при многообразии культур чередование чрезвычайно запутанное: толока—просо—оз. пшеница—подсолнух или кукуруза—кукуруза, и заключается овсом и ячменем.

Для второстепенных типов сложения вследствие простоты слагающих их элементов почти не существует никаких чередований. Вот, например, Бабуковское чередование: залежь—кукуруза несколько лет—картофель несколько лет. В Кармове на высокогорных участках только картофель без перерыва.

Вышеуказанное позволяет нам определить систему кабардинского хозяйства, как переходную от весьма экстенсивного пестрополья к более интенсивному пестрополью. В огромном большинстве селений процент площади под залежью еще велик. и об интенсификации пестрополья говорить пока трудно, однако, в Малой-Кабарде (Акбаш, Дейское) и в тяготеющей к Дейскому анзоровской группе, а из степных аулов Большой Кабарды, например, в Кызбуруне III, где три года залежи приходится на 10 лет беспрерывной культуры, при чем местами залежь почти сходит на однолетний-двухлетний перелог, там процент отдыхающей пашни становится ниже, чем это имеет место при трехпольной системе. Эти районы мы можем назвать интенсивно пестропольными.

К сожалению, материалы 1922 г. не дают нам достаточно цифровых данных даже, чтобы провести районирование области по этому признаку, который являлся показателем системы поле-

водства, а, следовательно, и интенсивности хозяйства. Однако, и то немногое, что мы знаем, позволяет уяснить детали кабардинского сельского хозяйства и его эволюцию.

Переходим теперь к вопросам техники полеводства.

Порядок полевых работ.

Весна в Кабарде, как и вообще на Кавказе, начинается рано—в марте, но полевые работы в кабардинских селениях начинаются гораздо позже, чем это необходимо.

Рабочий скот, переголодавший зиму либо вследствие неурожая трав в предшествовавшем году, либо вследствие того, что, по случаю обильного урожая, травы убирались перестойными, малопитательными и деревянистыми, выходит весной еще неспособным к работе. До начала полевых работ ему еще нужно подкормиться на зеленой траве, и только около 15-го апреля начинается первая весенняя работа—под'ем пласта под бахчи или проса. Только в степных и очень немногих селениях (по Малке и в М. Кабарде) наблюдается иногда мартовский под'ем залежи, а в предгорных и предлесных селениях (Нартан, Кенже, Псыгансу) к этой работе приступают еще позже—в конце апреля. В последние годы рабочего скота так мало и он весной так слаб, что эта первая весенняя работа вовсе отпала: залежей не поднимают и проса почти не сеют. В Малке, где практикуют посев проса и по мягким землям, залежь поднимают около 1 мая, а мякоть с 10 мая.

В русских и немецких селениях работы непременно начинают в марте и очень редко когда в апреле. Иногда раньше, чем не посеют просо, не приступают к пахоте и посеву кукурузу, но сплошь и рядом после под'ема залежи для проса занимаются сперва посевом кукурузы, тем более, что она в огромном большинстве случаев не требует предварительной вспашки, а затем уже производят посев проса. Тем не менее до 1 мая посев проса везде уже заканчивается, кроме некоторых русских хуторов (15 мая), Нартана, Псыгансу (20 мая), тогда как посев кукурузы растягивается не только до мая месяца, но даже были случаи посева ее

в 1923 г. 15-17 июня (Чегем, Ст. Черек). Наиболее удачные результаты получаются, однако, от посева 23-28 апреля (Дейское).

Вспашка производится обычно плугом «Сакка» № 7 или 8. Первый требует 2-4 пары быков, второй 4-6 пар быков. Изредка попадается № 6, 9 или 10, но только в Аушигере преобладает № 6 «Сакка». В горном Каменномостном предпочитают № 7, требующий на целине 3 пар быков, а по мякоти только 2-х пар. В степных аулах (Ст. Лескен и др.) предпочитают № 8, требующий, однако, не меньше 4 пар по целине и 3-х пар быков по мякоти. Плуг № 8 здесь нужен потому, что пласт в стени крепко связан корневищами «тлахц», преимущественно пырея, и № 8, идущий глубже и шире, успешнее разрывает эти корневища. Буккера—большая редкость, а плуги Гена зарегистрированы только в Малке (№№ 1, 2 и 3) и Куркужинском (№ 2). Старинный кабардинский деревянный плуг «иха-аша» исчез совершенно, и в один год, как только появился в Кабарде первый железный плуг. Это был англо-болгарский плуг, признанный тяжелым, продержавшийся потому очень недолго и тотчас смененный Сакком. Остатки англо-болгарских плугов есть только, кажется, в Каменномостном. Это исчезновение деревянного плуга произошло лет 20-30 лет тому назад. В Залковском и в Ст. Крепости это произошло лет 15 назад, а в Кахуне и Дейском лет 10 назад.

Наиболее обычная глубина вспашки $2^1/_2$-3 вер. при 3-4 парах волов или 2 парах лошадей. Однако, пашут и глубже—до 4 вер. (Аушигер, Вольный, Хамидие, Котляревский, Баксаненок, Кызбуруи I, Куба), употребляя 3 пары лошадей. Немцы и баптисты поселка Зольского пашут и до $4^1/_4$ вер. четырьмя—редко пятью—лошадьми. В Партане и Ст. Крепости отмечено только 2 вер. при 4-х пар. волов или 3 пар. лошадей.

Посев проса производится в разброс руками и заделывается традиционной волокушей, изготовленной из куста терновника. Ширина захвата ее 3-4 арш..

Заделка терновой волокушей настолько традиционна, что если (при недостатке семян) пласт предварительно и разделывают бороной, то после посева заделка идет все-таки волокушей (Мал. Кабарда). Остальные растения на залежи сеются под борону. В Карагаче (Иналово), если вспахано глыбисто, то боронуют и перед посевом.

В некоторых приналкинских селениях, в Нартане, Заюковском, отмечена заделка проса самодельной деревянной тяжелой бороной с 24-44 железными (реже 20-32) зубьями. Бороны с деревянными зубьями исчезли уже 7-8 лет назад (Ст. Урух). Только в Залукокоаже отмечено, что заделка волокушей применяется изредка и заменена бороной. Бороны появились всего 30-40 лет назад.

Семена кукурузы обычно разбрасывают прямо по стерне и запахивают затем плугом на глубину 1½-3 вершка, не бороня. Первая бороньба производиться только после появления всходов. В 1923 г. бывали, случаи что, разбросав с вечера семена и явившись утром их запахать, землероб находил их уже с'еденными мышами.

Отдельные хозяева практикуют и другие способы посева кукурузы. Вместо вспашки мягкой пашни, они ее боронят, затем по взбороненной сеют и заделывают снова бороной (Куба). В Чегеме, Ст. Урухе, Малке, Карагаче и некоторых других селениях зарегистрирован и посев по вспаханному предварительно полю.

Посевы подсолнуха, начинаясь в первых числах апреля, к маю или первым числам мая бывают везде уже закончены. Подсолнух сеется более тщательно по разбороненной уже полосе и заделывается бороной.

В немецких селениях и некоторых русских (Кременчугско-Константиновское) сеют сеялками под борону, а подсолнух сеют по маркеру. К маю здесь уже закончены все посевы и кое-кто приступает даже к вспашке майского пара (хутор Сухотский). Впречем это большая редкость, и в массе немцы и русские приступают к парам самое раннее в июле, а то и в августе, в сентябре. Кое-где и кабардинцы поднимают в это время залежь для озимого посева, однако, если только почва влажная после дождей— Нижн. Курп (июль-август), Верхний Курп (август-сентябрь), Залукокоаже, Аргудан (конец августа), Псыхурей (сентябрь) и т. д. Все это, однако, исключения. Как правило можно сказать, что раньше уборки кукурузы, что бывает в октябре, почти никто не приступает к пахоте под озимый сев, производимый только в октябре и даже в декабре.

Июнь месяц заполняется уходом за посевами, которые нужно закончить до жнитва, а жнитво озимого ячменя в жаркий год

наступает по Малке около 27 июня, а в Малой Кабарде даже 12 июня (1922 г.) нов. ст.

Уход за кукурузой заключается в многократной и жестокой бороньбе ее всходов, а затем в однократной, редко двухкратной ручной полке. Выпуская вторичный ряд корней над поверхностью земли, кукуруза не рискует быть выдернутой при бороньбе, поэтому бороньба кукурузы с целью выдергивания сорных трав применяется чрезвычайно широко. Обычно местами боронят только 2 раза, но при густом посеве, в урожайный год и в урожайном районе, число бороновок значительно больше. Вот как ответили на вопрос о числе бороновок в Дейском (Муртазове): «когда сеяли 7-8 пуд. на ногайскую десятину *), тогда бороновали раз семь».

В предгорном районе боронят 4 раза, в горном Жемтала 6-7 раз, в Аргудане до 10 раз (следов). Во влажном низменном Ст. Череке 5-9 раз. Бороньба повторяется через неделю. Иногда боронят в 2-4 следа. Ручная полка производится мотыгами, когда кукуруза не выше аршина.

Просо, как общее правило, никакому уходу не подвергается не только у кабардинцев, но и у русских и немцев. Только в некоторые годы сильного развития сорной растительности выпалывают особенно высокие сорняки (Залукокоаже, Кызбурун I и др.). Проделывается это тогда, когда всходы достигнут высоты 8 вершков.

Не позже 15-го мая заканчивается сев подсолнуха (под борону), а около 1-го июня, когда он достигает высоты $^1/_4$ арш., его продергивают и заодно полют. Через 2 недели, когда подсолнух выпустит 4 листочка, его пропалывают во второй и последний раз. Полка только ручная, пололькником—в единичных случаях (Малка). У немцев и иногда у русских (пос. Зольский, Кр. Константиновское) ведется обработка междурядным культиватором два раза—при продергивании и после второй полки. Рядовой посев подсолнуха проникает и в кабардинские селения (Малка).

В конце июня уже начинается кое-где уборка озимого ячменя, а затем с середины июля уже повсеместно начинается сезон различных уборок, продолжающийся с перерывами до ноября. Последними идут картофель и затем кукуруза, которая в предгорном районе ранее 1-го октября редко поспевает. При уборке выламывают початки, оставляя стебли стоять. В течение зимы

*) Ногайская десятина—4000 кв. саж.

эти стебли постепенно потребляются на топливо. Туда же идут и стебли подсолнуха, у которого при уборке только срубают шапки. Как только уборка початков закончена, на кукурузу пускают скот. Один сельско-хозяйственный год закончен, и кабардинец начинает думать о посеве озимых на будущий год. Это очень редко бывает в октябре, а чаще только в ноябре. Правда, в прималкинской полосе стараются начать вспашку в сентябре, а залукокоажцы и псыхурейцы даже в конце августа. В этом сказывается влияние станиц. Обычно же время вспашки зависит от того, из-под какого растения поле поступает для озимого посева. Если из-под проса, то пашут в сентябре, если из-под пшеницы, то пашут попозже—в октябре, а если из-под кукурузы, то раньше ноября не приступают. Если почва твердая и сухая, то даже при возможности вспахать поле в августе или сентябре, раньше октября его не пашут (Карагач). Раньше 20 сентября у кабардинцев посев озимых не наблюдается.

Сплошь и рядом сеют перед ноябрьским выпадением снега, а если кто не успел, ждет таяния снега и, не смущаясь, сеет по талой почве в декабре, как это приходилось наблюдать в 1921 г. в конце декабря и в декабре 1922 г.

Глубина вспашки под озимые не велика: 1-2 верш. В старопшеничных районах (Малка и Малая Кабарда)—до 4 вершков.

Обычная техника сева под борону в разброс по вспаханному, но неборонованному полю. По мягкой пашне, например по бахче (Лечинкая), случается, сеют, не вспахав. Сеют под плуг и борону (Малка, Кызбурун II). В сел. Кузбурун II находят даже, что посев наволоком дает лучший урожай. Наилучшая техника культуры озимых зарегистрирована в колонии Гнаденбург. Поле пашется под озимь в мае глубиной на 4 вершка. В плуг впрягается 5 лошадей в ряд. В июне поле боронуется, в июле вновь двоится и боронуется, 10-15 сентября начинается сев (ранний). Сеют дисковой сеялкой или под буккер в 4-5 лемехов. Для озимого ячменя ранним севом считается 1 октября. В начале октября опоздавшие заканчивают сев пшеницы, а в середине октября оканчивают сев ячменя. На хут. Сухотском, где техника полеводства также стоит высоко, ранним севом считается 8 сентября, средним 28 сентября, а поздним 20 октября.

Наилучшие урожаи получаются, действительно, при раннем сентябрьском севе.

Вот урожаи озимой пшеницы по словесному мнению населения наиболее культурных кабардинских и некоторых русских и немецких селений:

СЕЛЕНИЯ	Хороший	Обычный	Урожай 1921 года
Кол. Гнаденбург	180	90	40
Куба (Атажукино III) . .	160	70	40
Залукокоаже (Абуково) . .	160	100	130
Псыхурей (Лафишево) . .	140	70	10
Неурожайное (Абаево) . .	130	60	20
Акбаш (Астемирово) . . .	120	70	10
Ст. Крепость (Кучмазукино)	100	60	—
Кр. Константиновское. . .	170	85	20
Эбен-Эцер.	160	90	25

Мы видим, что из кабардинских селений Залукокоаже, Псыхурей и Акбаш, применяющие ранний сев, резко выделяются своими высокими урожаями, равняясь с лучшими из русских и немецких селений.

Густота высева.

Густота высева, как и заранее можно было предполагать, в кабардинских селениях огромна. Неинтересно поэтому было бы приводить цифру колебаний высева по всем селениям Кабарды. Остановимся главным образом на тех цифрах, которые рисуют нам изменения, внесенные в густоту высева революционными годами. Годы эти отразились почти исключительно на густоте высева кукурузы.

Кабардинцы любят сеять кукурузу очень густо, чтобы

иметь возможность ее сильно и многократно боронить, так как многократная бороньба всходов считается залогом хорошего урожая. В 1922 году, за отсутствием скота и семян, очень многим пришлось не сеять, а садить кукурузу. В Дейском, где сеяли обычно 7-8 пудов на ногайскую десятину, т. е. около $4^1/_2$ пудов на казен. десятину, в 1922 году посеяли 2 пуда на казен. десятину и остались недовольны. Вышло так редко, что пришлось не боронить, а полоть. Куркужинцы (Коново) также заявили, что вместо 6 пудов (ногайск. дес.) они посеяли 2 пуда на казенную десятину и тоже вышло редко. Немцы и некоторые русские (хут. Сухотский) всегда сеют только один пуд и вполне довольны результатами. Баксанцы (русские) в 1922 году посеяли даже по 30 фун. на казенную десятину. Таким образом, тяжелая необходимость перейти на более редкий сев не послужила пока в кабардинских селениях к прогрессу техники и не убедила в рациональности редкого сева кукурузы.

На густоте сева проса последние годы не отразились, потому что семян проса у населения вовсе не было. Только в Стар. Крепости отмечено, что вместо 9 пудов на ногайскую десятину в 1922 г. было высеяно 5-6 пуд. Густота сева проса варьирует в зависимости от качества почвы. На крепких землях (залежи) высевают $5^1/_2$ пуд., а на мягких 4 пуда на каз. дес. (Дейское). Баптисты поселка Зольского довольствуются 1 пуд. 30 ф.—2 пуд. 10 ф. на казенную десятину.

Высев озимой пшеницы варьирует в зависимости от позднего или раннего сева. При раннем севе высевают около 7 пуд., а при позднем до $8^1/_2$ пудов на казенную десятину (Чегем II-й). Цифра эта поднимается на 50 и 100%, т. е. до 15 пуд. в разных кабардинских селениях. Немцы сеют 7 пудов, считая, что более редкий сев вызывает бурьяны (Гнаденбург), впрочем в Эбен-Эцер сеют иногда и 6 пудов. Самая низкая цифра обычного высева отмечена в поселке Зольском до $6^1/_2$ пуд. Из кабардинских аулов ниже всего высев пшеницы в Нижнем Курпе—6 пудов на каз. дес., гуще сеять там нельзя, иначе выгорает.

Озимый ячмень высевают почти одинаково с пшеницей. Иногда немного гуще, иногда немного реже.

Подсолнух высевается в нормах вполне рациональных—30-45 фунтов. Только в немногих аулах цифра эта повышается до 50-60 фунтов (Куба, Залукокоаже) и даже до 2 пудов сеялкой и 3 пудов в разброс (Малка, Кызбурун III).

Колебания обычной густоты высева по районам и группам населения приблизительно следующие в переводе на казенные десятины, в пудах:

	Кукуруза.	Просо.	Озимая пшеница.
Немцы	1—1,5	2—2,5	6— 8
Русские	2—3	2—4	6— 8
Юго-восточ. группа (быв. Анзоров. аулы) .	4,5—5	—	11—15
Прималкинские аулы . . .	1,5—2,7	3—5,5	8—12
Урванские селения (Стар. Черек, Аргудан и др.) .	2,1—4,5	4—10	7,2—10,8
Предгорные (Жемтала и др.)	5,6	3,25—5	6
Малая Кабарда	2,5—4,8	3—5	6—14

Уже из этой, довольно грубой, сводки видна та же порайонная закономерность, которую мы замечаем и в целом ряде других хозяйственных отношений. С одной стороны, цитадель старого кабардинского хозяйства, селения по Урвани—влажный и экономически отсталый район, где сеют густо и семян еще не жалеют; сюда же принадлежит и группа бывших анзоровских аулов—очень влажный и самый урожайный в Кабарде район, экономически передовой, а, с другой стороны, аулы наиболее засушливой полосы по Малке, проходившие школы земледелия по образцу казачьих станиц, лежащих против них по левому берегу Малки. Слабая урожайность почв заставляет здесь увеличивать высев пшеницы, но зато, в отношении кукурузы и проса, это самый экономный кабардинский район. Предгорные и Малая Кабарда в некоторых отношениях (проса) составляют середину между названными двумя крайними

группами. Правда, озимой пшеницы в Малой Кабарде высевают иногда еще больше, чем на Малке, но в тех селениях, где, кроме неплодородия почв, имеется в наличии еще и сильная засушливость, там, в Малой Кабарде, наоборот, густота самая низкая для всей Кабарды (Нижний Курп). Высев кукурузы в высокогорном с. Жемтала наивысший (урожайность кукурузы в горных местах наивысшая).

Указанные закономерности позволяют нам разчленить область на районы по густоте высева; однако, во избежание множественности признаков при районировании, целесообразнее было бы воздержаться от введения еще и признака по густоте сева, тем более, что, как мы только что видели, густота высева в достаточной степени подчиняется той же зависимости от высоты места над уровнем моря.

Урожаи.

Предание о переселении кабардинцев с их родины на Кубани в нынешнюю Кабарду, называя пионером этого переселения некоего Кабарда, говорит, что, когда Кабарда после продолжительных поисков своей «Палестины» достиг кургана Курей на Малке, против нынешней станицы Прохладной, то с высоты кургана ему открылась страна, поразившая его своим обильем и раздольем. Он поселился первоначально на месте Лафишева (Исыхурей) на Малке, а вслед за ним стали переселяться с Кубани и его соплеменники.

Каковы-же реальные показатели плодородия Кабарды? *Ш. Н. Раждаев* в своей книге «Земля и Хозяйство в Терской области» говорит, что «в старые годы Кабарда славилась своим замечательно высоким урожаем. Урожай, например, кукурузы сам 150 и проса сам 50 не считается редкостью». К сожалению, для Кабарды культура и техника уже являются в сельском хозяйстве более сильными факторами урожайности, нежели богатые дары природы. Там, где растет и палка, воткнутая в землю, человек не любит вкладывать много труда в культуру растений, и урожаи Кабарды в настоящее время оказываются ниже, чем на Кубани или в

Ставрополья, заселенных более культурными выходцами из внутренних губерний. В конце XIX в. урожаи Кабарды по озимой пшенице были выше кубанских и ставропольских, но теперь они ниже. Вот средние выводы в «самах» для озимой пшеницы:

	Кабарда.	Кубан. обл.	Ставропольск. губ.
1895—1903 г. г. сам .	7,0	5,4	6,2
1904—1914 г. г. сам .	5,3	7.1	5,3

Возможно, что понижение урожаев в начале нашего столетия вызвано тем, что сыграла свою роль система беспрерывной культуры на одном месте до отказа—пенки плодородия Кабарды были сняты, но возможно и то, что XX в. в Кабарде начался неурожайным десятилетием, как это мы увидим ниже.

Вот цифры в пудах за период 1911—1915 г.г.. К сожалению, для Кабарды была возможность получить цифры за несколько иной период (1909—1914 г.г.), так что таблица несколько теряет в своей показательности.

	ПУДОВ С КАЗЕННОЙ ДЕСЯТИНЫ					
	Дон	Кубань	Ставрополь	Терская обл.	**Кабарда**	50 губ. Европ. России
Оз. пшеница. .	40	66	61	57	**53,6**	70
Ячмень . . .	50	127	62	62	**53,3**	56
Кукуруза . . .	47	110	74	78	**83,6**	84

Цифры эти взяты из данных Центр. Стат. Комитета, известных своей преуменьшенностью против действительности, но в данной таблице поражают своей небывалой высотой цифры Европейской России. Гораздо ближе к действительности цифры, полученные из опроса населения при экономическом обследовании Кабарды 1922 г.. Вот данные по нескольким наиболее характерным группам населения:

УРОЖАЙ	ПУДОВ С КАЗЕННОЙ ДЕСЯТИНЫ			
	КУКУРУЗА		ОЗ. ПШЕНИЦЫ	
	Обычный	Хороший	Обычный	Хороший
Юго-Вост. аулы (Урух, Лескен) .	85	200	45	75
Мал. Кабарда. .	60	80	—	—
Прималк. аулы .	65	100	50	100
Немцы (Гнаденб.)	110	150	90	180
Русские пересел. (Кр. Конст.) . .	110	190	80	170
Горные аулы .	40	50	30	60

Несомненно, что и эти сведения ниже действительных. Продналог, собиравшийся в 1922 г. одновременно с обследованием, разумеется, не мог побудить население показывать точные цифры. Преуменьшение, конечно, имело место. Действительно, сведения, полученныя случайно, вне обследования, через отдельных хозяев, дают еще более высокие цифры урожайности, в частности для кукурузы. Хозяева говорят, что в самом урожайном юго-восточном районе Кабарды, в приличный по урожаю год, с ногайской десятины (4000 кв. с.) свозят 30 фургонов початки. Считая фургон только в 25 пуд. и делая скидку в 25% на кочаны, получаем 337,5 пуд. зерна с казенной десятины. Это вполне соответствует данным об этом же районе, почерпнутым нами от Суркова—быв. владельца работавшей на экспорт кукурузной сушилки в Муртазове (н. Дейское). По найденному нами в архиве Нальчикского округа оффициальному донесению Хату-Анзоровского (н. Ст. Урух) аульного правления в 1899 г. с 546 каз. десятин было получено 13640 четвертей кукурузы, т. е. 25 четвер. с десятины или около 200 пудов, а это был год для кукурузы почти неурожайный.

Цифра в 337 пуд. с десятины не может не вызывать изумления и некоторого недоверия, но сама по себе она не превосхо-

дит границ вероятного. Кубанская опытная станция получает именно такие урожаи кукурузы, а в Америке не выходят из ряда вон и урожаи в 700 пуд. с десятины.

Приведенные выше цифры урожаев на кабардинских землях не рисуют еще нам всех возможностей земледельческой продукции Кабарды, потому что чрезвычайно низкая техника полеводства не позволяет открыть всех рессурсов урожайности. Там, где в кабардинском районе попадается русское селение или немецкая колония, там всегда почти наблюдаем пятно более высокой урожайности, хотя рядом находятся смежные неурожайные кабардинские селения, несмотря на то, что почвенные условия последних не только не хуже, а чаще лучше, чем у переселенцев русских и немцев. Полоса кабардинских аулов по Малке, например, отличается слабой урожайностью по сравнению с предлесной полосой; в засушливом в 1913 г. прималкинские аулы дали в большинстве случаев меньше 2 четвертей с каз. десятины, между тем, как русская Кременчугско-Константиновская волость этого же района в том же году дала 11,7 четвертей с десятины. В том же году урожаи на севере Малой Кабарды были от 0,2 до 1,5 четв. с десятины (без Гнаденбурга), тогда как в кол. Гнаденбург получили все-таки 2 четверти.

Все это показывает, что слабая урожайность Кабарды по сравнению с Кубанью, например, далеко еще не говорит, что Кабарда менее плодородна, т. к. силы ее в этом отношении просто еще не выявлены.

Периодичность урожаев.

Посмотрим теперь, как колеблются урожаи во времени и в пространстве, т. е. каковы, во-первых, изменения урожайности по годам, или какова периодичность урожаев, а, во-вторых, каковы урожаи в разных районах Кабарды, другими словами—попытаемся определить районы урожайности Кабарды.

Обращаясь в первую очередь к ежегодным данным об урожаях, мы наталкиваемся на невысокое качество того статистического материала, с которым и приходится здесь иметь дело.

Материал этот позволяет сделать только самые приблизительные соображения, не более. Урожайная статистика основывалась, как известно, на донесениях сельских и аульных писарей, сообщавших сколько четвертей в селении было ежегодно высеяно и сколько четвертей снято. Из этих двух цифр получалось частное, которым урожай определялся в «самах»: сам-пять, сам-шесть и т. д. Сведения эти публиковались в губернских календарях, издававшихся губернскими статистическими комитетами. Вот такие-то сведения и пришлось нам выписывать из разрозненных книжек «Терского Календаря», рассыпанных ныне по случайным библиотекам.

Такие сведения об урожаях в Кабарде собраны нами, начиная с 1889 г. по 1914 г.. т. е. за 26 лет, из них непрерывные данные начинаются только с 1893 г. С 1914 г. урожайная статистика прерывается, возобновляясь в Кабарде к 1922 г. в форме продкомовских категорий, но не в «самах», а «от и до стольких-то пудов» по районам. Точную среднюю по всей области вывести поэтому затруднительно, особенно, если принять во внимание известное всем стремление населения скрыть истинную площадь посева и истинную урожайность, что достигало особенного расцвета в эпоху продкомов.

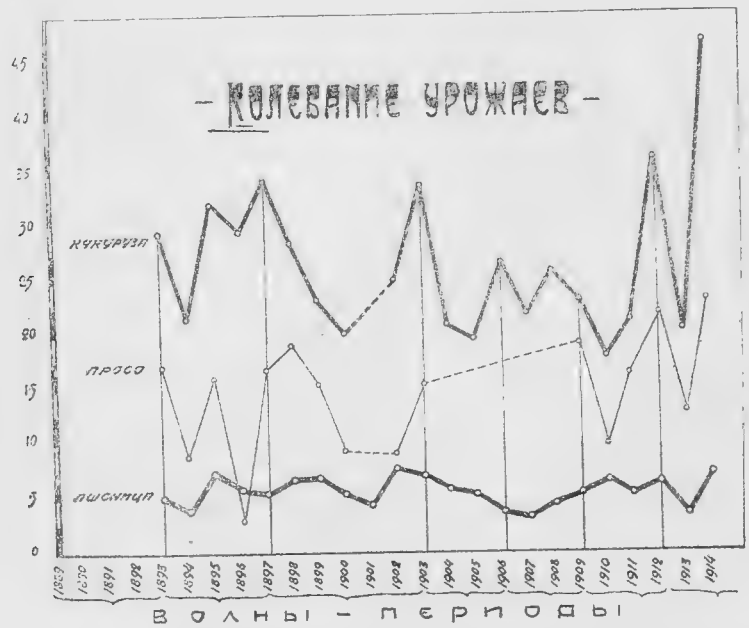
В период после 1914 года мы пытались выяснить хотя бы приблизительный характер колебаний урожаев по показаниям хозяев, однако, кроме упоминаний, что в 1915 г. был плохой урожай и в 1918 г. был неурожай, больше никаких сведений никто не мог дать, ссылаясь на то, что в эти годы в Кабарде шло формирование транспортов и очень много было из'ято лошадей, фургонов и даже рабочих быков, а впоследствии и людей, почему обработка полей шла кое-как и, если и был какой нибудь год особенно урожайный, то это прошло незаметно для населения. В 1920 г. был средний урожай, в 1921 г. полный неурожай, после чего в следующие годы начался под'ем урожайности.

Вот какими сведениями мы располагаем:

ГОДЫ.	Озимая пшеница «сам».	Просо «сам».	Кукуруза «сам».	Среднее по всем культурам (пшеница, ячм., подсолн. и пр.), „сам".
1889	—	—	—	6,00
1890	—	—	—	5,79
1892	—	—	—	7.65
1893	5,0	17,1	29,5	—
1894	3,9	8,5	21,6	4,72
1895	7.2	16.3	32,0	—
1896	5.8	3.0	29.7	12.8
1897	5.5	16.9	34.1	—
1898	6.5	19.1	27,4	9,4
1899	6,9	15,5	23,0	11,0
1900	5.5	9,3	20,1	10,09
1901	4,3	—	—	8,58
1902	7.6	9,0	25,0	11,3
1903	7.0	15,4	33,5	—
1904	5,9	—	21,0	8,35
1905	5.2	—	19,7	—
1906	4.3	—	26,6	8,73
1907	3,3	—	21,9	—
1908	4.5	—	25,9	—
1909	5,5	19,2	23,0	3,5
1910	6,5	9,7	17,3	2,7
1911	5.4	16.7	21.5	—
1912	6.4	27,0	36,3	—
1913	3,7	12,7	20,2	3,5
1914	7,0	26.3	46.7	13,2

Таким образом, непрерывные данные у нас имеются только за 22 года. Если к этому присоединить суб'ективные показания о некоторых революционных годах и о 1892 г., то получается все-таки только около 30 лет.

Если наши данные графически нанести в виде кривой урожаев, то станет совершенно ясно, что колебания урожаев идут волнами. Длина волны около 4 лет с колебаниями между 3 и 5 годами.



В самом деле, если отметим годы, когда кукуруза дала урожай ниже, чем «сам-23», то получим следующие годы:

1894, 1900, 1904-1905, 1907, 1910-1911, 1913.

Присоединим сюда же 1890 и 1918 г.г., по которым у нас нет сведений о кукурузе, но есть общие по всем культурам данные о неурожае, и 1898 год, когда был урожай, хотя и «сам-27», но наинизший за 5-тилетие, тогда получим следующий довольно правильный ряд: 1890, 1894, 1898, 1901, 1904, 1907, 1910, 1913, 1918. Промежутки между этими сроками составляют 3-4 года,

кроме последнего периода 1913-18 г.г., когда, по сказанным выше причинам, нам точно неизвестен год наинизшего урожая. Если таковой был в 1917 г., то последний период равняется 4 годам, а если в 1918 г., то 5 годам.

В каждом таком периоде имеется не меньше одного года большой урожайности—это гребень волны. Ограничивающие каждый период неурожайные годы—это депрессия—низшие точки волны при ее падении вниз. Промежуточные годы составляют среднее между урожаем и неурожаем—иногда ближе к урожаю, иногда ближе к неурожаю.

Подмеченная правильность может быть наблюдаема и в последние годы, за которые нет метеорологических данных, но имеются бытовые наблюдения. Можно составить такой ряд:

1917 г.—Малоурожайный (видимо!).
1918 г.—Неурожайный.
1919 г.—Сведений нет.
1920 г.—Урожайный.
1921 г.—Сильный неурожай.
1922 г.—Выше средний.
1923 г.—Урожайный (для кукурузы, но не для пшеницы)

Сопоставим теперь кривую урожаев кукурузы с кривой урожаев озимой пшеницы. При сличении этих двух кривых можно видеть, что колебания их происходят параллельно друг другу с двумя, впрочем, исключениями. Это, во-первых, неурожайный для проса и кукурузы 1910 год, когда озимые хлеба дали средний урожай, а, во-вторых, период 1904-1911 г.г.. В это засушливое и малоурожайное восьмилетие, захватившее две с половиной волны повышений и понижений, когда урожаи неприхотливой кукурузы два раза дали все-таки некоторое повышение (1906 и 1908 г.г.), в это лихое восьмилетие урожаи озимой пшеницы ни разу не показали под'ема. Они все время катились вниз до 1907 года, после чего стали медленно подниматься.

Изображенные нами периоды не представляют собой, конечно, чего-нибудь абсолютного. Границы их можно передвигать и размещать кому как удобнее. Их роль была только показать существование какой-то периодичности урожаев и неурожаев и приблизительную длительность этих периодов.

Основываясь на краткости этих периодов, пишущий эти строки в 1921 г., когда со всех сторон, особенно из далекой от нас Европы, слышались утверждения, что в России уже начался 25-35 летний период засухи, в противность этому ждал, что с 1922 г. начнется обычный под'ем, который около 1923 г. может показать высокую урожайность. После такого повышения падение урожайной волны должно вновь начаться приблизительно с 1924 г., и около 1925 г. урожай может находиться в наибольшей депрессии. Чрезвычайно интересно, что эти чисто эмпирические соображения совпадают с местными приметами. Осенью 1922 г., когда в буковых лесах предгорий обнаружился небывалый урожай чинаровых (буковых) орешков, почти сплошь покрывавших лесную почву, старики кабардинцы говорили, что это к хорошему году. В степных частях Кабарды наблюдалось тогда же массовое отрождение полевых мышей, истреблявших озими. Попытки властей к борьбе с мышами встречали со стороны населения некоторый отпор: «грешно бороться с тем, что предвещает урожай»,—так говорили старики. Весной 1923 г., по словам кабардинцев, наблюдался такой многочисленный приплод коз и овец, которого не было по словам стариков уже 10 лет. Наблюдалось много двойней, особенно у коз, прекрасно от'евшихся в лесах на чинаровых орешках. Экземпляры коз, даже никогда не приносившие раньше двойней, этой весной дали двойней. Пишущему эти строки известен случай, когда у одного горца, имевшего 20 коз, получилось этой весной 40 козлят. Такой значительный приплод мелкого скота также считается у кабардинцев предвестником урожайного года и, действительно, там, где в этот исключительно богатый грозами и градобитиями год яровые посевы уцелели от града, там был собран хороший урожай кукурузы, несмотря на обилие мышей, триписа, хлебного жука и др. вредителей.

Все вышеизложенное никоим образом не затемняет возможности существования рядом с нашими короткими волнами еще и других более длительных периодов урожайности. Наоборот, приведенные выше таблицы только подтверждают наличие каких-то факторов, под влиянием которых размах колебаний урожайной волны на многие годы делается меньше или, наоборот, больше. За рассматриваемый нами 35-летний срок можно наблюдать по край-

ней мере три смены волн разной амплитуды. Сначала (в конце XIX в.) в течение около 7 лет волны поднимались высоко и только один раз урожайность кукурузы упала ниже сам 23. Затем с 1900 г. в течение 11 лет колебания были так невелики по под'ему, что за весьмилетие 1904-1910 г.г. урожай кукурузы только два раза достиг сам 25-26. Несмотря на всю безотрадность этого периода, когда казалось, что сливки плодородия в Кабарде уже сняты и былых урожаев никогда уже больше не будет, вдруг наступила новая смена волн с огромной амплитудой колебаний, с исключительными за 35 лет урожаями, но и исключительными неурожаями. За это время было два урожая 1912 и 1914 г.г., относительно которых можно сказать, что такого урожая, как в 1914 г. никогда не было еще за всю известную нам кратковременную историю кабардинского земледелия (с 1889 г.), а 1912 год имеет за ту же историю только одного соперника в 90-х годах.

Разобьем на три части весь известный нам по цифрам урожаев период кабардинского земледелия:

ПЕРИОДЫ:	Кукуруза «сам»	Оз. пшеница «сам»	Просо «сам»
1893—1899 г.г. . .	30,6	5,82	13,7
1900—1910 г.г. . .	23,4	5,41	12,5
1911—1914 г.г. . .	31,1	5,63	20,7

Из таблицы ясно, что середина взятого периода, среднее десятилетие, резко отличается от начала и конца периода, при чем последнее четырехлетие 1911-1914 г.г. гораздо урожайнее, чем был конец XIX в. Только озимая пшеница несколько выделяется из этого правила. Смена колебаний ее в этой области также не резка, однако, если средний период сделать уже, то резкость различий выступит ярче:

1895—1903 г.г. . . . . сам 6,25
1904—1908 г.г. . . . . » 4,64
1909—1914 г.г. . . . . » 5,75

Таким образом несомненно, что, кроме наших коротких трехлетних и четырехлетних волн, существуют еще какие-то и другие более длительные отливы и приливы урожаев, исследовать которые мы не можем за ограниченностью открытого нам статистического горизонта. Эти приливы и отливы урожайности до некоторой степени об'ясняют нам и то, почему наши волны бывают либо трехлетними, либо четырехлетними. В малоурожайный период волны бывают короче и неурожаи бывают чаще; в период урожайный неурожаи случаются реже—через 4-5 лет. Если бы мы имели точные сведения об урожаях за годы революции, то это можно было бы показать совершенно конкретно.

Какими видимыми причинами может обусловливаться периодичность урожаев? Урожайность при прочих равных условиях обусловливается величиной притока тепла и влаги.

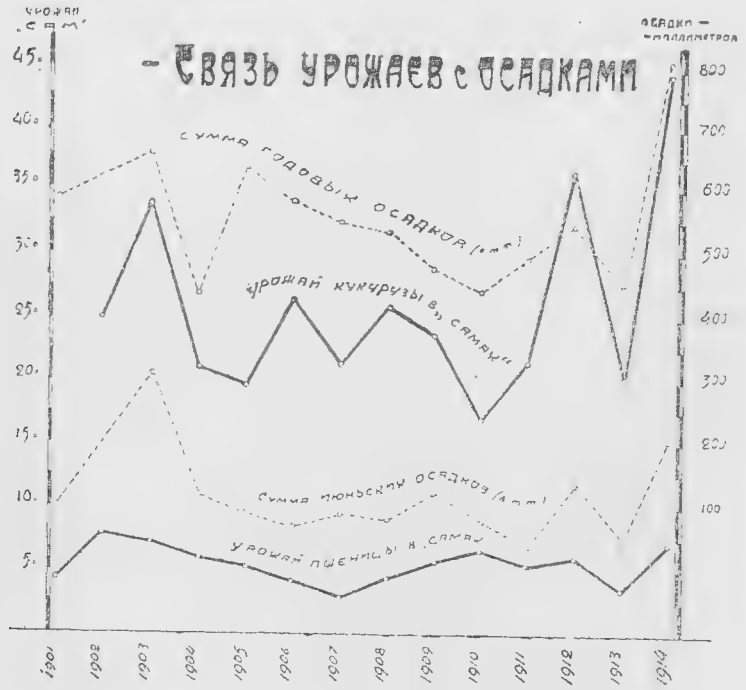
Мы имеем возможность проследить зависимость между высотою урожаев и суммою осадков. Сопоставив движение годовых сумм осадков по данным Кисловодской метеорологической станции за четырнадцатилетний период 1901—1914 г.г. (за больший период и по другим станциям мы не имеем сведений) с колебаниями урожаев озимой пшеницы и кукурузы, мы получим для кукурузы полный параллелизм колебаний за все годы, кроме 1905, 1908 г.г., Для озимой пшеницы параллелизм не полный. (См. графики на следующ. странице).

Что касается 1905 года, когда урожаи разных растений понизились, а количество осадков по Кисловодску увеличилось, дело об'ясняется просто. Осадки Кисловодска в 1904 и 1905 годах резко не соответствуют осадкам Кабарды:

	1904 г.	1905 г.
Кисловодск	441,8	634,6
Нальчик	796,5	428,6

Возможно, что и по 1908 г. осадки в Кисловодске выпали не в таком количестве, как в Нальчике, но, к сожалению, за этот год метеорологических данных по Нальчику не имеется.

Что касается расхождений кривой урожаев пшеницы в некоторые годы с кривой осадков, то по этому поводу следует заме-



тить, что, строго говоря, годовая сумма осадков и не должна полностью совпадать с урожаем. Урожай, как показала замечательная работа *И. А. Шульмана* с овсом в Курской губернии и последующие работы других исследователей, диктуется нам количеством влаги, выпавшей до цветения или до выбрасывания метелки, в особенности в последние 10 дней накануне этой вегетативной фазы, поэтому колебания урожаев следует сопоставлять с колебаниями осадков за вегетативные фазы или, в крайнем случае, что более грубо, с месячными суммами.

Действительно, для кукурузы мы видим, что кривая июньских сумм еще ближе к кривой урожаев, нежели кривая годовых сумм. Точно также мы могли бы определить и тот месяц года, осадки которого определяют урожай озими, но это далеко выходит за рамки районирования области.

Переходим к распределению урожаев по территории области.

Районы урожайности.

Для суждения о районах урожайности Кабарды автор располагал тремя источниками. Во-первых, сведениями за 1913 год о количестве засеянных десятин и количестве четвертей урожая по каждой культуре и по каждому селению, составленными начальником Нальчикского округа по донесениям селений и хранящимися ныне в рукописном виде в Кабардинском архиве. Во-вторых, данными Кабардинского Областного Продкома с классификацией селений по 5 категориям урожайности за 1922 г. И, в-третьих, докладом от 29-го января 1868 г. Кабардинского отдела «Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения», хранящимся во Владикавказском архиве. Доклад этот дает картину районов Кабарды по урожайности и пригодности их к земледелию на основании климатических и хозяйственных условий.

Материалов этих, разумеется, недостаточно было-бы для установления границ районов, если бы при сличении данных, взятых из названных источников, не получалось бы в огромном большинстве случаев желаемого совпадения. Кроме того, 1913 г. был засушливый, а 1922 г. влажный, и тем не менее характеристика большинства селений совпадает, а если и есть исключения, то они только подтверждают правильность районирования, так как в тех случаях, когда малоурожайное в 1922 г. селение оказывается урожайным в 1913 г., выясняется, что это—районы избыточной влажности, страдавшие во влажные годы и поэтому благоприятно выделяющиеся в сухие годы.

Отберем по 1913 г. наиболее урожайные селения и затем наименее урожайные и сопоставим их с данными 1922 г. и 1868 г. В остатке у нас получится группа селений средней урожайности.

В 1913 г. в б. Нальчинском округе без Балкарии было засеяно 107535 десятин, давших урожай в 404117 четвертей, т. е. в среднем 3,7 четверти на казенную десятину. Отберем селения, с одной стороны, с урожайностью более 5 четвертей на десятину и, с другой стороны, с урожайностью менее 3-х четвертей и посмотрим, как размещаются географически эти группы селений.

Вот перечень 17 селений с урожайностью свыше 5 четвертей:

№№ по порядку	НАИМЕНОВАНИЕ СЕЛЕНИЙ	Четвертей в 1913 г.	Категория по 1922 г.
1	Сармаково (Бабуково)	5,3	IX
2	Куркужинское (Коново)	8,4	IX
3	Заюковское (быв. Атажукино I)	6,4	VIII
4	Кызбуруп I (б. Атажукино II) .	5,6	VIII
5	Шалушка.	7,5	VIII
6	Кенже (Кошероково)	18,8	VIII
7	Нальчик.	10,8	IX
8	Александровская колония . . .	13,6	VIII
9	Нартан (Клишбиево)	5,8	VIII
10	Урванское (Мисостово)	6,3	VIII
11	Ст. Черек (Докшоково)	6,7	VIII
12	Аргудан	10,8	X
13	Ст. Лескен (Кайсын-Анзорово) .	2,5	X
14	Ст. Урух (Хату-Анзорово) . . .	14,0	X
15	Урух (Коголкино).	8,8	X
16	Кишпек (Тыжево).	9,0	VIII
17	Ново-Ивановская волость . . .	5,5	VII

Только два последних селения являются случайными географическими спутниками этого перечня. Юрты же остальных 15 селений составляют одну сплошную полосу, тянущуюся параллельно главному хребту почти от Зольского плоскогорья под Пятигорском через Нальчик и до самого юго-восточного угла области (Урух, Ст. Урух, Ст. Лескен). По данным Кабардинского Продкома за

1922 год большинство входящих сюда селений относится к так называемым IX и X категориям, т. е. имеют урожай выше 60 пудов на десятину, и только средняя часть этой полосы вокруг Нальчика была отнесена в 1922 году к VIII категории с урожаем 55-60 пудов.

На карте естественно-исторических районов юго-востока, составленной проф. *И. В. Новопокровским*, эта лента именуется луговой степью, местами—ближе к горам—лесо-степью в отличие от лежащих севернее злаковых степей, а южнее от нее—лесных предгорий. Таким образом, эта полоса селений является самой урожайной полосой Кабарды. Здесь, возле предгорий, нет доступа восточным суховеям открытой степи, здесь больше осадков (от 500 мм. и выше—московская норма), чем в открытой степи, но зато нет и избытка их, как в настоящих предгорьях (свыше 550 и до 800 мм.).

«Комиссия по правам личным и поземельным туземного населения» в докладе своем 1868 г., называя описываемую нами полосу средней (между южной предгорной и северной степной полосами), говорит, что она, с одной стороны, не подвержена ранним холодам и частым дождям предгорий, а, с другой стороны, засухам, свойственным открытым степям низовий Малки, Баксапа, Чегема, Урвани и Черека. Полоса эта, говорит доклад, искони была житницей Кабарды.

Все аулы Кабарды распахивали землю под посев именно в этой полосе, никогда не жалуясь на ее неурожайность.

В почвенном отношении, согласно исследований проф. *А. М. Панкова* (см. т. I), эта полоса начинается чрезвычайно химически богатыми черноземами Зольских пастбищ и заканчивается на юго-востоке области довольно пестрыми супесями и суглинками на песках и хрящах. Наиболее урожайны именно концы этой полосы: северо-западный и юго-восточный. Середина ее у Нальчика менее урожайна. Толщина верхнего гумусового горизонта здесь значительно тоньше и лежит он на невыщелоченных еще лессах и на хряще, дренирующем влагу. В связи с этим урожайность 1913 года в этой средней части описываемой полосы падает ниже 6 четвертей (Нартан—5,8 , Кызбурун I—5,5).

За исключением Ст. Лескена (Кайсын-Анзорова), о котором скажем ниже, в этой таблице достаточно строго выдержана картина, нарисованная нами выше. Северо-западный и юго-восточный концы взятой полосы отнесены в 1922 г. к IX и X категориям.

В центре мы имели, как сказано выше, несколько менее урожайный район—VIII категории, с двумя, впрочем, более урожайными исключениями: это город Нальчик с довольно культурным русским населением и Александровская колония с весьма культурным немецким населением. Ясно, что на фоне кабардинских аулов два эти пункта не могли бы не выделяться даже при абсолютной однородности почвенных и климатических условий.

При полной, таким образом, согласованности данных 1913 и 1922 годов обращает на себя внимание аул Ст. Лескен, отнесенный в 1922 году к самой урожайной категории, а в 1913 году показавший, наоборот, чрезвычайно низкую урожайность. Мы относим его, тем не менее, вполне уверенно к нашей высокоурожайной полосе. Делаем это по следующим основаниям. Во-первых, все смежные с ним аулы бесспорно принадлежат к самой урожайной категории и по 1922 г., и по 1913 г., и по характеристике «Комиссии 1868 года». Во-вторых, неурожайность его в сухой 1913 г. вызвана тем обстоятельством, что юрт Ст. Лескена расположен на двух террасах: одна терраса низменная—степная, другая носит характер плоскогорья, разница высот низшей и высшей точек юрта составляет 240 сажен—четверть версты (!). В зависимости от того сухой или влажный год, посевы удаются либо на первой, либо на второй террасе. Если выбор террасы делается каждый год удачно, то неурожаев может вовсе не быть. Характерно, что Кавказский комитет, отнеся журнальным постановлением своим от 23-го декабря 1869 года все Анзоровы аулы к III категории земель (более удобных для сенокоса, нежели для пахоты), сделал однако, исключение для Кайсын-Анзорова (ныне Ст. Лескена), разделив его юрт на две части. Одну часть он отнес к III-й категории, а другую часть к самой лучшей I категории земель плоскостных, удобных для пахоты и сенокоса. Таким образом ясно, что Ст. Лескенский юрт, если и выделяется из группы соседей, то не в худшую, а в лучшую сторону. Совершенно правильно, следовательно, было отнести его к наиболее урожайной полосе, несмотря на слу-

чайно низкий урожай 1913 года. Наконец, неполные данные 1899 г., имеющиеся в Нальчикском архиве (1900 г. № 14), ставят Ст. Лескен в очень высокую группу по урожайности (18,4 четв. с десят.).

В описанную географическую полосу у нас не вошли, таким образом, селения—Кишпек и Ново-Ивановское. Рассмотрим их позднее после выделения вполне оформленных географических районов. Заметим, однако, здесь, что в 1913 г. Кишпек (Тыжево) попал в урожайную группу по ошибке.

Выделим теперь наименее урожайные районы области. По продкомовской классификации 1922 года таковым районом является Малая Кабарда, в большинстве своем отнесенная к последней—VI категории селений с урожаем ниже 50 пудов на десятину. В 1913 году Малая Кабарда, оставаясь весьма малоурожайной, стояла тем не менее в этом отношении не так одиноко, а приблизительно наравне с районом по Малке и за Малкой (Абуково-Залукокоаже).

Пункты эти вместе с Малой Кабардой принадлежат к той ленте, составляющей северную полосу области, которая по естественно-исторической классификации проф. *И. В. Новопокровского* относится к разнотравно-злаковой степи, безлесной, с солонцеватыми, глинистыми черноземами.

Истощенность земель Малой Кабарды, небывалый упадок ее хозяйства, усиливающаяся безводность, неблагоприятные климатические условия и незащищенность от приходящих с востока суховеев, саранчи и прочих вредителей так очевидны, что повышение урожаев еще не скоро будет иметь здесь место.

Оставив в стороне М. Кабарду, как наименее урожайный район, выпишем теперь все остальные селения, показавшие в 1913 г. меньше 3-х четвертей на десятину. (См. табл. на след. стр.).

Что это за селения, где они расположены? Кроме Чегема II, стоящего особняком, остальные селения представляют собой на карте две различных, но совершенно компактных географических группы. Одна группа предгорных селений (Кармово, Лечинкая, Аушигер), составляющих полосу, расположенную выше описанной нами высокоурожайной полосы. Другая—это группа степных селений, заключенных между Малкой и Баксаном, плюс Залукокоаже, расположенное между Малкой и Золкой. Эта полоса расположена

№№ по порядку	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ	Четвертей на 1 дес. в 1913 г.	Категория в 1922 г.
1	Куба (Атажукино III)	0,2	VIII
2	Залукокоаже (Абуково)	0,3	VII
3	Баксан	0,9	VII
4	Ст. Крепость (Кучмазукино) . .	1,7	VIII
5	Карагач (Пналово)	1,2	VII
6	Баксаненок (Касаево)	1,8	VIII
7	Псыхурей (Лафишево).	1,9	VIII
8	Чегем II (Куденетово II) . . .	2,7	VIII
9	Малка (Ашабово).	2,9	IX
10	Каменномостное (Кармово) . .	2,1	VIII
11	Аушигер (Догужоково)	2,1	VIII
12	Лечинкая (Тахтамышево) . . .	2,5	VIII

значительно ниже высокоурожайной полосы. Предгорная группа лежит на высоте 300-470 сажен над уровнем моря, а степная прималкинская не выше 150 сажен. Предгорная полоса избыточно влажная с годовым количеством осадков свыше 550 m/m, а степная низменная и сухая с годовой суммой не больше 314 m/m (Прохладная) и даже ниже (Моздок).

Рассмотрим каждую из этих двух малоурожайных групп отдельно. Помянутая уже «Комиссия 1868 года» называет нашу степную полосу нижней полосой Кабарды, замечая, что полоса эта не совсем удобна для проса, а земля, не производящая проса, считается, говорит «Комиссия», непригодной для земледелия. В то время здесь были расположены зимовники и хутора скотоводов.

При почвенном обследовании 1922 года здесь были найдены черноземы кавказского типа, однако, не первого сорта, при чем в восточной своей части в сторону Прохладной заметно засоленные.

Сопоставим теперь цифры 1913 г. с 1922 годом. Из таблицы видно, что, кроме Малки (Ашабова), все переименованные в таблице селения были в 1922 году отнесены Продкомом к VII и VIII категориям, т. е. к самым низким после Малой Кабарды, что стоит в полном согласии с 1913 годом. Наоборот, с. Малка, бывшее в засушливый 1913 год неурожайным, во влажный 1922 г. попало в одну из высших (IX) категорий. По описанию 1868 г. Ашабово (Малка) лежит на границе высокоурожайной и малоурожайной полос. Таким же колеблющимся между двумя районами это селение остается, повидимому, и сейчас, что находит свое об'яснение в расположении его юрта, лежащего частью на правом, частью на левом берегу Малки. Оба берега черноземные, но левый богаче, правый беднее. Журналом Кавказского комитета от 23-го декабря 1869 г. левобережная часть Ашабовского юрта была отнесена поэтому к I категории земель, а правобережная к III категории и, вероятно, в зависимости от того, в какой части юрта находятся в данный сухой или влажный год посевы, и все селение попадает в разряд либо урожайных, либо неурожайных.

В виду сего целесообразно было бы Ашабово исключить из степной группы между Малкой и Баксаном, отнеся его к неописанной еще нами промежуточной группе. К этой группе (Чегем, Кызбурун и др.) относилось Ашабово и по данным 1899 г.

Рассматривая выделенную нами территорию между реками Малкой и Баксаном, мы находим на ней три пятна, имевших в 1913 г. урожайность значительно выше обычной для всего этого малоурожайнаго района.

Это два русских и одно кабардинское селения:

№ по порядку.	НАЗВАНИЯ СЕЛЕНИЙ:	Четвертей в 1913 г.	Категория в 1922 г.
1	Алтуд (Тамбиево II)	4.7	VIII
2	Ново-Полтавская волость . . .	4,1	VIII
3	Кременчугско-Константиновское .	11,7	VIII

Нарушают-ли эти исключения однородность степного района? Правда, по категориям 1922 г. эти селения ничем не отличаются от соседних селений, однако, т. к. мы свою группировку начинаем с цифр 1913 г., то прежде, чем включить эти селения в малоурожайный район, необходимо на них остановиться. Отмеченные селения лежат на почвах не лучших, чем вообще в описываемом районе, а на худших, так как отмечены заметным засолонением, а район Ново-Полтавки, кроме того, заболачиванием и признаками деградации чернозема от недавно еще бывших здесь лесов.

Страдая в обычное время некоторым избытком почвенных вод, такие селения, естественно, должны были выиграть в засушливый 1913 год. Нельзя не учитывать также и того обстоятельства, что два из названных селений—русские, т. е. имеют технику полеводства более высокую, нежели у кабардинцев окрестного района. В частности, Кременчугско-Константиновская волость славится своим трудоспособным и культурным в земледельческом отношении населением.

Высказанные соображения позволяют, не нарушая однородности степного района, оставить эти селения в выделенной нами малоурожайной полосе, согласно данных 1922 г. Высокая урожайность русских селений указывает на то, что степная полоса не малоплодородна, но засушлива и при технике, экономящей влагу, может давать приличные урожаи.

Переходим теперь к малоурожайной группе предгорий главного хребта. Район, занимаемый этими селениями (Кармово, Лечинкая, Аушигер), «Комиссией 1868 г.» относится к так называемой верхней полосе Кабарды. Согласно описания, данного названной Комиссией, «верхняя полоса начинается по предгорьям от Джанхотова аула до устья Гунделена и спускается на плоскость до границ Докшокова, Мисостова, Клишбиева, Шалушки и Атажукиных аулов». Таким образом, кроме выделенных выше трех малоурожайных селений, в очерченный географический район входят еще Псыгансу (Джанхотово), Жемтала (В.-Кожоково), показавшие в 1913 г. несколько более высокую урожайность, чем остальные аулы предгорий. Впрочем по 1922 году последние два аула нисколько не выделяются: во всех 5 селениях нет никакой разницы: все пять отнесены к одной VIII-й категории.

Названные селения характеризуются так:

№№ по порядку.	НАЗВАНИЯ СЕЛЕНИЙ:	Четвертей в 1913 г.	Категория в 1922 г.
1	Каменномостное (Кармово). . . .	2,09	VIII
2	Аушигер (Догужоково)	2,10	VIII
3	Лечинкая (Тахтамышево)	2,50	VIII
4	Псыгансу (Джанхотово)	3,7	VIII
5	Жемтала (В. Кожоково)	4,4	VIII

Цифры 1922 года, представляющие предгорные селения однородным районом, рисуют картину вполне правильно. Выскакивание за общие рамки в засушливый 1913 год двух селений (Псыгансу и Жемтала) об'ясняется тем, что описываемый район есть район избыточной влажности, очень выигрывающий поэтому в сухие годы. Это район сравнительно низкой температуры воздуха, где весенние и осенние заморозки обычное явление, обусловливающее выпадение некоторых культур, здесь не вызревающих, как например, пшеницы в Кармове и даже кукурузы в Жемтале. В жаркие сухие годы эти селения в отношении урожайности, разумеется, должны выигрывать. Можно было бы спорить только относительно Аушигера, находящегося на границе высокоурожайного района, а в 1899 г. безусловно к нему относившегося, но выделять его едва ли представляется желательным.

За выделением наиболее урожайных и наименее урожайных местностей у нас остается теперь средняя группа селений с урожайностью от 3 до 5 четвертей.

Список этих селений в таблице на следующей странице.

В этом списке не хватает только Алтуда (Тамбиева II)—4.7 четв. и Ново-Полтавки—4,1 ч., оставшихся в границах ранее выделенного степного района.

При взгляде на карту эта группа средней урожайности действительно является географически средней полосой кабардинской

№№ по порядку	НАЗВАНИЯ СЕЛЕНИЙ:	Четвертей с 1 дес. в 1913 г.	Категория в 1922 г.
1	Чегем I (Куденетово I)	4,1	VIII
2	Кахун (Докшукино)	3,2	IX
3	Н.-Кожоково (Н. Черек)	4,4	VIII
4	Кызбурун III (Тамбиево I) . . .	3,0	VII
5	Кызбурун II (Наурузово)	4,1	VIII

равнины, средней между степной ее частью и высокоурожайной частью перед предгорьями. С юга она граничит с высокоурожайными селениями, а с севера отделяется течением реки Баксана.

В этих границах мы находим, однако, еще три пятна. отличающихся от среднего уровня урожайности этого района, это:

№№ по порядку.	НАЗВАНИЯ СЕЛЕНИЙ:	Четвертей с 1 дес. в 1913 г.	Категория в 1922 г.
1	Чегем II (Куденетово II)	2,7	VII
2	Ново-Ивановская вол.	5,5	VII
3	Кишпек (Тыжево)	9,0	VIII

Первое выделяется в неблагоприятную сторону, а другие два, наоборот, показали в 1913 г. урожайность выше, чем у их соседей. Относительно Ново-Ивановки можно определенно утверждать, что почвенные условие ее нисколько не лучше, чем вообще в очерченном районе, а хуже. Это засоленный и заболоченный угол области. Только излишней влажностью участка да сравнительной культурностью русских земледельцев (ранние пары и пр.) и об'ясняется незначительный излишек урожая на десятину в 1913 году.

Сложнее положение с Чегемом II и Кишпеком. Чегем II ни по каким внешним естественно-историческим условиям не выделяется от окружающей его территории, но через часть юрта Чегема проходит под поверхностью земли верхний кряж, подстилающий почвы хрящем и галькой. В сухой год посевы в этой части юрта не могут, конечно, удаваться. Это обстоятельство заставляет часть селения требовать теперь отвода им под распашку сенокосов. Если при землеустройстве эту часть юрта отнести к неудобным для пахоты землям, то остающаяся часть юрта никоим образом не может считаться хуже других юртов района. По данным 1899 г. Чегем II ничем не отличался от Кызбуруна II например, и очень мало— от Чегема I.

Теперь о Кишпеке. По данным Продкома за 1922 г. он был отнесен к VШ категории, т. е. не выше среднего, но в 1913 г. его высокая урожайность выходит из ряда вон в этом районе. При экономическом обследовании 1922 г. исследователем было отмечено, что на Кишпекском юрте есть хороший участок (по скотопрогону), но и много плохих участков, часто заболачиваемых речушкой, иногда превращающейся в болото, иногда пересыхающей. Таким образом, высокая урожайность Кишпека в 1913 г. основана, повидимому, на ошибке переписчика. Действительно, в материалах 1913 г. значится, что Кишпеком было посеяно 27 четвертей кукрузы, а собрано 5125 четвертей, т. е. сам-190, что совершенно невероятно. В 1899 г. Кишпек не показал себя в отношении урожайности выше среднего. Следовательно, случайная цифра 1913 г. не должна нас смущать при включении Кишпека в описываемый район средней урожайности.

Таким образом, нами выделена высокоурожайная, средняя и три малоурожайных полосы. Одна малоурожайная полоса протянулась по северной границе области, а другая в недгорьях по южной границе Кабарды; между ними помещается средняя и высокоурожайная полосы. Третий малоурожайный район составляет Малую Кабарду. Вместо трех полос 1868 года, у нас получилось 4 полосы, пятая в М. Кабарде, которая не была предусмотрена «Комиссией 1868 года, как не входившая еще тогда в границы Нальчикского округа.

Четыре полосы Б. Кабарды, тянущиеся параллельно друг другу и параллельно главному хребту, можно рассматривать вместе с тем, как четыре террасы, постепенно снижающиеся от высоких предгорий (500 саж. над ур. м.) до северо-кавказской равнины (150 саж.).

Если бы Кабарда имела достаточную метеорологическую сеть, то можно было бы утверждать, что эти террасы в значительной степени соответствуют и районам осадков, годовой максимум которых имеется в лесистых предгорьях, а минимум—в степях по Малке. Отрывочные данные дают некоторое основание полагать, что в предгорьях выпадает 700 и выше миллиметров, в средней и высокоурожайной полосе 600 мм. (Нальчик), а в степи 456 мм. —530 мм. (Прохладная) и ниже (Моздок).

Сведем теперь наши районы в одну таблицу:

НАЗВАНИЕ РАЙОНА:	Засеяно десятин в 1913 г.	Снято четвертей в 1913 г.	В среднем с дес. в 1913 г.	Категория 1922 г.
I. Малая Кабарда	40.633	61.139	1,5	VI
II. Степной Прималкский засушливый район:				
(Куба, Залукокоаже, Ст. Крепость, Карагач, Баксаненок, Псыхурей, Алтуд). . .	13.148	24.416	1,8	VII и VIII
Тоже с русскими волостями (Баксан, Ново-Полтавка, Кременчугско-Константиновское) . . .	26.048	115.142	4.4	
III. Средний район:				
(Чегемы I и II, Кахун, Н. Черек, Кызбурун II и III, Ново-Ивановка, Кишпек и Малка).	17.679	72.971	4.1	VIII и IX

НАЗВАНИЕ РАЙОНА:	Засеяно десятин в 1913 г.	Снято четвертей в 1913 г.	В среднем с дес. чет. 1913 г.	Категория 1922 г.
IV. Высокоурожайный район:				
(Сармаково, Куркужинское, Заюковское, Кызбурун I, Шалушка, Нальчик, Александровская колония, Нартан, Урвань, Ст. Черек, Аргудан, Ст. Урух, Ст. Лескен и Урух)	20.815	146.857	7.0	VIII, IX, X
V. Предгорный малоурожайный:				
(Каменномостное, Аушигер, Лечинкая, Псыгансу, Жемтала). . . . . (Каменномостное в цифры не входит)	2.310	8.005	3.4	VIII
Итого	107.535	404.117	3,7	

Садоводство.

Там, где яблоня, груша, алыча, мушмула, кизил во множестве растут в диком состоянии, обильно плодоносят и дают сладкие фрукты, там немудрено, что население натолкнулось на мысль о разведении садов. В особенности предгорная полоса представляет чрезвычайно благоприятные для этого условия. На плоскости яблоня дает 4-5 пуд. (Кахун, Ст. Крепость), в предгорьях же яблоня в средний год дает 5-6 пудов, а в урожайный до 10 (Жемтала), а в Куркужинском будто бы от 10 до 25 пудов (груши

дают меньше). Риск от вредителей в предгорьях ничтожен. В 1923 г., когда от яблоневой моли яблони погибли во всей Кабарде, в предгорном районе сады уцелели.

Однако, в благоприятных для садоводства естественных условиях заключается вместе с тем и причина, тормозящая его развитие. Там, где население без всяких затрат на культуру легко собирает 2—3 воза диких фруктов (Шалушка), при чем общее количество сбора даже по такому небольшому селению, как Лечинкая, достигает 80 тыс. пудов. там нет особенной охоты трудиться над искусственными садами, пока дикие фрукты охотно раскупаются в станицах Терского округа и в Ставропольской губернии в обмен на муку.

Всего 3-4 года назад (Кахун), а в некоторых селениях лет 5-6 назад (Шалушка) кабардинцы стали применять сушку диких фруктов, а раньше они возили их «на линию» сырыми, другими словами, на четверть воза фруктов везли три четверти воза воды.

Естественно, что в таких районах развитие садоводства идет медленно. В Аргудане, например, где имеется лучший во всей области сад быв. Грозмани, где условия для садов исключительно хороши, население заявляет, что садов оно не заводит, так как почва песчаная и дождей мало. Это в районе, где выпадает осадков больше, чем в Московской губернии. В Старом Череке население довольно равнодушно заявило, что сады посохли и их поели черви. Даже русское население Ново-Ивановки, население весьма промысловое, с сельскохозяйственной инициативой и коммерческим нюхом, предпочитает собирать дикие фрукты, а не разводить свои сады. В русских селениях, при использовании диких фруктов, кроме солнечной сушки, применяют также и огневую в печах (ст. Котляревская, Кременчугско-Константиновское). Не имея надобности в обмене на муку, как кабардинцы горных селений, русские широко используют сушеную дичку и падалицу садов в домашнем обиходе на пироги и компоты (Матвеевское, Николаевское).

Требуется особое сочетание экономических и естественных условий, чтобы садоводство получило толчок к развитию. Прежде всего это замечается там, в предгорной полосе, где леса уже вырублены, а между тем нужда в таком обменном материале, как фрукты, имеется, и естественные условия обещают легкое и доход-

ное садовождение. Это район Куркужин, Кызбурун I, Залукокоаже, переселившегося из предгорий на Зольское плоскогорье, Сармакова и Каменномостного—одним словом, в северозападной половине предгорной полосы Кабарды.

Другой район интереса населения к садоводству находится в лесной зоне—это Жемтала. Несмотря на обилие фруктов в лесах, точно так же, как они обильны и в районе Аргудана, Вольного аула, Шалушки и т. д., высоко лежащая Жемтала вынуждена была в отличие от названных только что селений, обратить на садоводство особенное внимание, как на наиболее безубыточный вид растениводства, не боящийся ни холодов, ни короткого лета, ни крутых склонов этих высоких предгорий, требующих при земледелии несоразмерной с результатами затраты сил. На немногих низких местах кукуруза, а на высоких могар (вместо проса) и сады, вот единственные три культуры в Жемтале. Аргудун, Шалушка и друг. селения предлесного района имеют более значительную посевную площадь, чем Жемтала, и садоводство—не единственный для них якорь спасения. Поэтому оно там и не развивается.

Независимо от экономических побудителей играют роль также и условия почвы, вернее подпочвы. В некоторых частях Кабарды сады не удаются, по крайне мере—пока. К таким районам относятся Малая Кабарда и полоса по Малке. Одно это сопоставление с двумя многопосевными районами наводит на подозрение, что неудача с садами происходит, может-быть, вследствие отсутствия интереса к ним. В Малой Кабарде в надтеречных селениях тоже есть один аргумент против садоразведения: на островах по Тереку прекрасно родит дикая груша, которую население собирает и сушит.

В Ниж. Курпе, Акбаше, Раздольном, Хамидие, Арике, Плановском и даже в Гнаденбурге ссылались на хрящеватую подпочву, вызывающую неустранимую суховершинность, после чего дерево погибает (Гнаденбург) или не плодоносит (Акбаш). Это не касается, однако, слив и вишен, которые имеют здесь хорошую крону, плодоносят и в небольшом количестве имеются в каждом дворе (в Хамидие, Плановском, Арике и друг.).

Приблизительно то же явление и на Малке в Большой Кабарде: сады не достигают плодоношения. Местами указывают, как на причину, на хрящеватую подпочву (Алтуд, Кишпек, Ново-Ни-

колаевское), местами на близость подпочвенных вод (ст. Пришибская), а местами на то и другое вместе (Баксаненок). В с. Черниговском крестьяне жаловались, что даже акация и та растет плохо. В Кременчугско-Константиновском селении, как уже говорилось, с деятельным населением—указывали, что яблони и груши дают и недоброкачественные плоды и малый урожай, но вишня и слива родят хорошо. То же отмечено в ст. Пришибской, в Кишиеке. Черниговском, Кубе, Баксаненке, Псыхурее.

По Малке только одно Матвеевско-Николаевское не жаловалось на природу. Яблони и груши идут у них хорошо. Некоторые хозяева имеют по 100-200 корней и ведут торговлю фруктами. 5—10% хозяев сбывают преимущественно яблоки и груши, а 15—20% хозяев—вишни. И здесь вишня, повидимому, рентабельнее.

Все эти указания, разумеется, требуют еще специальной проверки. На Малке ссылка на хрящ невольно наводит на сравнение с предгорьями, где, собственно говоря, местами и почвы-то не существует—она еще в процессе образования, подпочва—везде галька и хрящ, но сады идут великолепно. Усиливают сомнительность ссылок на неподходящие естественные условия и такие факты, как в Баксаненке, где промыслового садоводства нет, при чем население ссылается на суховершинность, а между тем сад при школе в Баксаненке хороший и суховершинностью не страдает.

Есть еще один район, где сады не развиваются. На этот раз это район, близкий к предгорьям, где дикая яблоня и груша растут прекрасно. Это юговосточная группа селений (б. Анзоровские аулы), также многосевная с экспортным направлением. Сады имеются (яблоня, груша, алыча, слива), но на 5—6 году будто бы засыхают. Население предпочитает собирать лесные фрукты. Часть их сушится для себя, часть продается в сыром виде.

Районы, где так туго развивается яблоня и груша (в частности Малая Кабарда), повидимому, обещают зато в будущем стать виноградными районами. Особенно хорошо развилось дело в Гнаденбурге, где имеется под виноградниками 230 десятин. Хороши мускат и каберне. Красные вина здесь крепче и более стойки, чем белые. Вина умело выдерживаются и некоторые хозяева продают до 350 ведер в год. Несомненно виноделие составляет преобладающую долю денежного прихода колонистов. В Акбаше имеется 15 десятин виноградников. Большое винодельческое

будущее имеет та засушливая часть Малой Кабарды, которая лежит к востоку за Курпом и сейчас почти необитаема из-за полного отсутствия и порчи колодцев, бывших единственными источниками питьевой воды.

В Большой Кабарде, также там, где больше всего жалоб на невыгодность садоводства, лучше всего развивается виноградарство: 20 десятин виноградников имеется в Ново-Николаевском, 2 десятины в Матвеево-Николаевском (у крестьянина Силкина), даже во влажном Урванском округе, ближе к Малке известен великолепно содержащийся виноградник на хуторе бывш. Вертепова. Были виноградники и в Чегеме II. За эти годы они уничтожены.

Конкретизируем теперь размеры распространения садоводства. Подворные карточки 1922 г. дают нам материал для определения % дворов, имеющих сады. Вот эти цифры:

№№ по пор.	Название селения.	% дворов с садами.	Примечания о состоянии садоводства по поселенному бланку 1922 г.
1	Чегем II-й (Куденетово II).	62,5	Развивалось до 1919 г. Крупных садов нет. Продают фрукты только 3—5 хоз.
2	Чегем I-й (Куденетово I).	55,6	Развито очень слабо. Замечателен только сад и питомник Малеева.
3	Шалушка.	60,4	Больших садов нет. Развивается. Сбывают плоды около 15 дворов.
4	Старый-Черек (Докшоково).	52,8	Имеют по несколько корней каждый.
5	Кызбурун II (Науузово).	42,5	Хороших садов 10. Пять хозяев продают фрукты. Дело развивается. Преимущественно яблони.
6	Жемтала (В. Кожоково).	40,8	Старше 20 лет садов нет. Особенно стало развиваться с 1915 г. Имеется 2376 деревьев, осенние

№№ по пор.	Название селения.	% дворов с садами.	Примечания о состоянии садоводства по поселенному бланку 1922 г.
			и зимние крупные сорта яблок. Сбыт в Нальчике и Прохладной. Около 25 хозяев возят в Ставропольскую губернию. В 1923 г. весной интенсивно покупались деревья в железнодорожном питомнике при ст. Нальчик.
7	Кызбурун I-й (Атажукино II) . . .	40,0	Дело развивается. Яблони, груши, сливы, вишни. Рост деревьев великолепный. Есть хорошие сорта яблони и груш, выписанные из Великокняжеской. Продают 5—6 дворов.
8	Баташево (Плановское)	35,0 (?)	Садоводства почти нет. Преобладает кое-где вишня. Хлопочут о проведении арыка из Терека, чтобы заняться садоводством.
9	Старый-Лескен (К. Анзорово). . . .	36,6	Не развивается.
10	Кахун (Докшукино).	34,8	Имеется по несколько деревьев; внимания на них не обращается.
11	Нартан (Нальчик-Клишбиевское). .	31,2	По несколько деревьев. 50 хозяев продают фрукты.
12	Заюковское (Атажукино I-е). . . .	29,5	Яблони, груши, сливы, вишни. Пока для сбыта мало производят, но дело развивается.

№№ по пор.	Название селения.	% дворов с садами.	Примечания о состоянии садоводства по поселенному бланку 1922 г.
12	Кенже (Кошероково).	28,0	Шесть дворов продают фрукты. В общем упадок, интереса нет. Предпочитают собирать и продавать дикую мушмулу, груши и т. п. По переписи 1920 г. числилось 3515 корней, теперь 590 кор.
14	Аргудан.	26,3	Очень слабо.
15	Вольный аул . . .	26,0	Увеличивается.
16	Ст. Крепость (Кучмазукино)	22,4	Преимущественно яблони, есть волошские орехи. Треть хозяев продает фрукты.
17	Каменномостное (Кармово). . .	19,3	Преобладает слива. Коммерческий сад только один.
18	Сармаково (Бабуково).	0, (100)	Сливовые деревья имеются в каждом дворе. Садоводство развивается, 5 хозяев сбывают.
19	Дейское (Муртазово).	15,0	
20	Стар. Урух (Хату-Анзорово). . . .	11,1	Слабо.
21	Алтуд (Тамбиево II)	11,0	
22	Лечинкая (Тахтамыш.)	10,0	
23	Ниж. Черек (Н. Кожоково).	6,6	

№№ по пор.	Название селения.	% дворов с садами.	Примечания о состоянии садоводства по поселенному бланку 1922 г.
24	Карагач (Ишалово)	3.2	
25	Залукокоаже (Абуково)	3.1 (100)	100 процентов хозяев имеют сады, некоторые по 100 корней. Преобладают зимние сорта груш и яблонь. Очень хорошие. Аул переселился только 15 лет и дело еще развивается.
26	Кишпек (Тыжево) .	3.1	
27	Урвань (Мисостово).	3.1	
28	Куркужин (Коново).	? (100	Сады имеется у каждого. В Н. Куркужине имеется около 75 промышлен. садов, в В. Куркужине около 80 садов. Есть сады по 2 дес., дело растет. Деревья брали в Пятигорске и из Кубанской области. Слива преобладает в Ниж. Куркужине, а груши и яблони ранних сортов в Верхем Куркужине. Сады содержатся хорошо, но окопки и обрубки не делают. В этом году некоторые хозяева возили менять фрукты в Ставропольск. и Терск. губ.
29	Остальные селения .		

Рыночность садоводства эта таблица, разумеется, не характеризует. Для определения рыночности нужно было бы привести цифры числа корней на 1 сад; цифры эти хотя в подворных бланках имеются, однако, они мало достоверны, на эту сторону не было обращено должного внимания при обследовании.

Не безинтересные сведения о состоянии садоводства имеются в отчете начальника Нальчикского округа за 1899 год:

СЕЛЕНИЯ	Собрано пуд.	Продано пуд.	На сумму рублей
Ст. Крепость (Кучмазукино)	600	300	250
Куркужин (Коново) . . .	830	630	630
Сармаково (Бабуково) . .	45	5	3
Чегем I-й (Куденетово 1) .	200	—	—
Ст. Урух (Хату-Анзорово).	60	—	—
Исыгансу (Джанхотово) . .	460	350	200
Итого	2195	1295	883

Данные эти едва ли полны, но из этой таблички мы прежде всего усматриваем, что и 24 года назад в Джанхотове было садоводство с рыночным уклоном, тогда как в поселенном бланке 1922 г. говорится, что садоводство только что начало развиваться. Зато Жемталы в таблице 1899 года нет. В Жемтале сады стали развиваться, действительно, только лет 20 назад, но, повидимому, развитие там садоводства обгоняет уже старые гнезда этого промысла.

Вообще есть основание думать, что развитие садоводства в Кабарде началось только после 1899 года. Некоторые цифры для первого десятилетия нашего века приведены на стр. 111.

Площадь под садами на 1923 год не приведена в известность.

Возвращаемся к нашей несовершенной таблице с % дворов, имеющих сады. Если мы посмотрим на картограмму № 1 с распределением по области посевной площади, приходящейся на едока,

	Площадь садов в десятин.	Собрано пудов фруктов	Продано пудов	На сумму рублей
1900	68	—	1325	854
1901	136	5742	2475	2701
1904	142	13395	5555	2324
1913 (садов)	221	4778	1671	3344
(виноград.)	303	23870 *)	—	—

то обратим внимание на следующее обстоятельство. За очень немногими исключениями садоводство развито в селениях малопосевных, засевающих меньше 0,7 дес. на едока. В селениях, имеющих больше 15% дворов с садами, исключений из этого правила очень немного, а именно: одно Плановское (Баташево), где под именем садов зарегистрированы отдельные деревья, и другое Ст. Лескен (Кайсын-Анзорово), относительно которого мы из поселенных бланков знаем, что промышленного садоводства там не существует. Следовательно, можно уверенно установить, что многопосевность как бы препятствует развитию садоводства. Если мы, с другой стороны, возьмем по картограмме многопосевную область, где посева на едока свыше 1 десятины, то не найдем в ней ни одного селения с садами, кроме Кызбуруна II и Плановского, а между тем таких многопосевных числится 17 селений.

Введя в таблицу, составленную по подворным карточкам, поправки из поселенных бланков, мы получаем следующие географические районы садоводства.

I. Северо-западный безлесный предгорный район.

Куркужин (100% дворов с садами), Сармаково (100%), Кызбурун II (42,5%), Кызбурун I-й (40%), Заюковское (29,5%), Каменномостное (19,3%) и отдельно от этой группы лежащее Залукокоаже (100%).

*) Выделано вина и сусла 9060 ведер. Продано 11.398 ведер на 10830 рублей.

Из них Каменномостное, Сармаково и Куркужин можно выделить в отдельный сливовый подрайон.

II. Лесной предгорный район.

Жемтала (40.8), Ст. Лескен (36,6), Ст. Урух (11,1), Лечинкая (10.0).

III. Предлесный район.

Чегем I-й (55.6), Чегем II-й (62,52), Шалушка (60,4), Кенже (28.0), Нальчик, Партан (31,2), Вольный аул (26), Урвань (3,1), Старый Черек (52,8), Н. Черек (6,6), Кахун (34,8), Аргудан (26.3). Район мало рыночной.

Из остальных селений только Старая Крепость заслуживает некоторого внимания (22,4%), как центр будущего степного района садоводства.

Огородничество.

Чтобы закончить растениводство, остановимся еще на огородничестве. Подобно культуре пшеницы огороды считаются некоторыми в Кабарде нововведением, и очень недавним—после революции. На самом деле это не совсем верно. В частности, культура лука и чеснока в Кабарде еще сто лет назад была распространенным явлением. Если заглянем в цифры железнодорожных перевозок, то, к удивлению нашему, не найдем там перевозок скота и продуктов, зато найдем отправки лука. Вот выписка из железнодорожного отчета за 1914 год.

Отправлено лука:

Со станции	Прохладная	212 пудов
„ „	Котляревская . . .	977 „
„ „	Муртазово	1834 „

Цифры небольшие, но указывающие на существование культуры лука с рыночным направлением. Обследование 1922 года в 16 селениях нашло вполне определенный и очень давно установившийся сбыт лука. На вопрос, сколько хозяев (дворов) систематически занимаются огородничеством для сбыта, получились следующие ответы:

№№ по порядку	СЕЛЕНИЯ	Число дворов	Что сбывают
1	Каменомостное (Кармово)	50% всех дворов	Лук и чеснок, а в последнее время и капусту
2	Ст. Крепость (Кучмазукино)	10—15 дворов	Лук.
3	Кызбуруи II (Наурузово)	10—15 »	»
4	Кызбуруи III (Тамбиево I)	не указ.	»
5	Куркужин (Коново) . . .	»	»
6	Н. Черек (Ниж. Кожоково)	10—20 дворов	»
7	Аргудан	не указ.	Специально снабжает Прохладную луком.
8	Кенже (Кошероково) . .	40 дворов	Лук.
9	Жемтала (Верхне-Кожоково)	10 »	»
10	Чегем II-й (Куденетово) .	30 »	»
11	Шалушка	20 »	»
12	Урвань (Мисостово) . . .	20 »	»
13	Лечинкая (Тахтамышево)	50 »	»
14	Вольный аул	20 »	»
15	Сармаково (Бабуково) . .	Сбыт	лука упал.
16	Залукокоаже (Абуково). .	5—8	Лук.

Кабаринский лук можно видеть на базарах довольно отдаленных районов, т. к. казаки этой культурой занимаются далеко не всюду. Так например, на базарах Пятигорска, Георгиевска обычны характерные кабардинские плетневые арбы с пучками аккуратно связанного лука.

Кроме лука, остальные отрасли огородничества развиты слабо и носят потребительский характер. Обследование дает возможность отметить общее количество дворов по селениям, вообще занимающихся огородничеством:

№№ по порядку.	СЕЛЕНИЯ:	% дворов с огородами.
1	Алтуд (Тамбиево II-е) . . .	91,1
2	Урвань (Мисостово)	89,7
3	Шалушка	87,5
4	Вольный аул	87,0
5	Клишек (Тыжево)	82,0
6	Жемтала (В. Кожоково) . . .	77,8
7	Чегем I-й (Куденетово II) .	77,8
8	Ст. Крепость (Кучмазукино).	76,8
9	Нартан (Нальчикское-Клишбиевское)	71,0
10	Лечинкая (Тахтамышево) . .	70,3
11	Аргудан	68,0
12	Чегем II-й (Куденетово II) .	67,5
13	Ст. Черек (Докшоково) . . .	64,0
14	Заюковское (Атажукино I) .	63,3
15	Кызбурун I (Атажукино II) .	60,0
16	Кызбурун II (Паурзово) . .	57,7
17	Н. Черек (Нижне-Кожоково)	57,7
18	Кенже (Кошероково)	56,0
19	Кахун (Докшукино)	53,4
20	Аушигер (Догужоково) . . .	48,0

№№ по порядку.	СЕЛЕНИЯ.	% дворов с огородами.
21	Каменномостное (Кармово) .	41,3
22	Дейское (Муртазово)	40,0
23	Ст. Лескен (К. Анзорово) .	39,0
24	Ст. Урух (Х. Анзорово) . .	36,1
25	Шихисманловское	25,4
26	Плановское (Баташево) . .	15,0
27	Неурожайное (Абаево) . . .	2,6
28	Кизлярское (Бекович) . . .	2,0
29	Залукокоаже (Абуково) . . .	0,6
	В остальных кабардинских селениях огороды не зарегистрированы.	

Сведения по огородничеству и культуре лука нами приведены ввиде справки. В числе признаков для районирования мы огородничеством не имели ввиду воспользоваться.

III. ЖИВОТНОВОДСТВО.

Количественное значение, которое играют в хозяйстве три главных вида сельско-хозяйственного скота—крупный рогатый скот, лошади и овцы, меняется по мере того, как на данной территории уплотняется население, появляется и развивается посевная площадь. Историю постепенной перемены ролей этих отраслей животноводства, или антогонизм между этими отраслями, кабардинцы очень удачно выражают, говоря, что овцу выбивала со стени лошадь, а лошадь выбивается быками с плугом. В горах, где не пашут, там крупный рогатый скот тоже вытесняет лошадь: но вытесняет не посевом, а сыроварением (Кармовский район).

Действительно. если мы проследим с 1868 года, какой процент в общем стаде составляли отдельно лошади, овцы и крупный рогатый скот, то убедимся, что общая тенденция эволюции скотоводства схвачена была народной мудростью верно.

Годы.	Абсолютное количество трех отраслей вместе.	Процент в стаде.			
		Лошадей.	Кр. рогатого скота.	Овец.	Итого.
1868	1.031.311	3,8	13,7	82,5	100
1889	411.406	5.8	28.4	65,8	100
1916	150.708	13.2	42,5	44.3	100
1917	384.295	13,0	35,0	52,0	100
1922	299.160	8.0	32.4	59,6	100

Процесс вытеснения одного рода скота другим шел в разных районах Кабарды с различной интенсивностью, но мы это сможем отметить попутно ниже.

Рабочий скот.

С вытеснением табунной лошади новым ее конкурентом в отношении использования кормовой площади—рабочим скотом—не наступает еще равновесия в соотношении лошадей и крупного скота. С расширением запашки наступает обратный процесс вытеснения вола лошадью, но на этот раз лошадью рабочей. При дальности полей, при необходимости много и скоро вспахать, лошадь оказывается выгоднее вола, к тому же при наличии рабочих лошадей не приходится еще содержать отдельно верховых. Характерное мнение в пользу лошади было высказано в русском селении Кременчугско-Константиновском: волы не пригодны для извоза, безопаснее ездить быстрее. Годы неурожаев и голода ускорили этот процесс вытеснения вола, потому что, ликвидируя все, что можно, население оставляло более ценный инвентарь—лошадь.

Годы.	Лошадей (рабочих).		Волов.		Всего.	
	Голов.	%	Голов.	%	Голов.	%
1917	22311	51	21288	49	43799	100
1922	21920	54	17590	46	38880	100

Происшедшее за время революции изменение все-таки незначительное. Это об'ясняется тем, что едва население решило перейти окончательно на лошадиную силу, как наступивший кризис заставил вновь задуматься—не выгоднее ли был неприхотливый дешевый вол, который, даже потеряв свою работоспособность, сохраняет ценность, как мясное животное. Лошадь для работы обязательно требует зерна, вол обходится и без него. В некоторых селениях только около 1916 года обозначился определенный переход на лошадь, как после неурожая 1921 года, из экономии корма, пришлось опять вернуться к волу (Нартан, Акбаш, Верх. Курп, Дейское и др.). Станица Пришибская перешла на лошадей

лет 20 назад, теперь же возвращается к волам. Стали обзаводиться быками и те русские селения, которые всегда пользовались лошадьми. Пахали даже и на коровах (Ново-Полтавка, Ново-Ивановка). Это характерное раздумье хорошо формулировал в Дейском (Муртазове) один кабардинец: «зимой, говорил он, каждый клянется, что перейдет на быков, а придет с весной зеленая трава, и он покупает лошадь».

Таким образом и лошадь и вол имеют каждый много своих преимуществ, вследствие чего соотношение между ними почти уравновешивается, как это мы видим из последней таблички. Правда, равновесие это имеет место только в средних по области цифрах. По районам заметно сильное уклонение в сторону вола или в сторону лошади.

Представляется возможным наметить такие районы по этому признаку:

I. Воловий район.

(На 100 лошадей приходится от 150 до 400 волов).

Лечинкая (387,5 волов), Урвань (317,6), Каменномостное Куркужин, Сармаково, Заюковское, Кызбурун I, Жемтала, Аушигер, Исыгапсу, Ст. Черек, Кахун (166,6).

Все эти селения малопосевные—посева меньше 0,3 дес. на едока, кроме Кахуна (0,5) и Урвани (0,7 дес.).

II. Переходный район.

(На 100 лошадей приходится 100—150 волов).

Псыхурей (117,6), Н. Черек (136,5) и Урух (126,8).

Первые два многопосевные селения (1,1—1,4 дес.).

III. Безволовий район (преобладание лошадей).

(На 100 лошадей меньше 100 волов).

а) Вся Малая Кабарда (от 12 до 23,2 вола)—многопосевный район (посева свыше 1 дес., до 2,4 на едока).

б) Весь степной север Кабарды (кроме Псыхурея) между Баксаном и Малкой, а также Залукокоаже, Кызбурун III и Кишпек—многопосевный район (посева от 0,71 до 2,2 дес.).

в) Юговосточная многопосевная группа (б. Анзоровы аулы) 64—68 на 100 лош. Посева 0,98 дес. на едока.

г) Предлесная группа (Аргудан, Кенже, Шалушка, Нартан и Вольный аул и оба Чегема I и II) по посевности средняя.

Крупный рогатый скот.

Кабарда была и остается скотоводческой страной. По данным переписи 1916 года на 100 душ населения в Кабарде числилось 119,6 голов крупного рогатого скота (в Балкарии значительно больше—219,9 голов), тогда как в самых богатых скотом областях Сибири и Туркестана числилось 100—110 голов.

Как видно из нижеприведенной таблицы, за первые годы революции многоскотность Кабарды сильно уменьшилась, но мы умышленно берем и здесь и в дальнейшем цифры 1913 и 1916 г.г.—последних нормальных годов,—дабы выяснить характерные черты обычного кабардинского скотоводства. В последующие годы эти характерные черты были стерты до неузнаваемости, и хотя сейчас скотоводство восстановляется, но будет ли оно носить тот же характер—предсказать трудно:

Вот изменения по годам.

	Голов скота:	На 100 душ. насел. голов.
1868 г.	141.341	263
1889 г.	116.697	166
1913 г.	158.149	146
1916 г.	191.419	122
1922 г.	96.980	74

Данные переписи позволяют нам выделить с грубой схематичностью некоторые скотоводческие районы Кабарды.

Прежде всего важно выяснить, каково направление скотоводства? Мясное или молочное? Если молочное, то имеет ли оно рыночное или только потребительское направление? Современная русская статистика об этом судит по % коров в стаде, по % молодняка (старше года)

к числу коров и по некоторым другим относительным цифрам, почти всегда рельефно и безошибочно определяющим строение исследуемого хозяйства.

У кочевников, где основой скотоводства является умножение стад, следовательно, выращивание молодняка, коровы составляют только около 30% всего стада,—наоборот, молодняк (старше года) составляет по отношению к числу коров внушительную величину в 60 и более голов молодняка на 100 коров. Чем больше распахано пастбищ и чем меньше кормов, тем меньше молодняка. Его уже выращивают только в меру ремонта стада, и вышеуказанный % падает до 7—12%, как это имеет место в центральных русских губерниях. Здесь молодняка выращивается так мало, что его даже иногда не хватает для ремонта стада. Процент коров в силу этого повышается. Если содержание коров начинает выходить за пределы потребительской нужды и молоко выносится на рынок, то процент коров в стаде доходит до 68—78%, как это имеет место в подмосковных районах.

Оперируя с этими величинами, мы можем разбить Кабарду на несколько районов. Остановимся, прежде всего, на количестве молодняка.

Молодняка старше года на 100 коров:

№№ по порядку	МАЛАЯ КАБАРДА.	1916 г.	1922 г.
1	Кизлярское (б. Бекович) . .	11,1 *)	28
2	Хамидие (Хапцево)	»	50
3	Терекское (Булатово) . . .	»	13
4	Неурожайное (Абаево) . . .	»	32
5	Арик (Бороково)	»	57
6	Дейское (б. Муртазово) . .	»	55
7	Плановское (Баташево) . .	»	24
8	Акбаш (Астемирово)	»	41
9	Ниж. Курп. (Ахлово) . . .	»	29
10	Верх. Курп. (Исламово) . .	»	56

*) Одна цифра для всей М. Кабарды.

Молодняка старше года на 100 коров.

№№ по порядку	БОЛЬШАЯ КАБАРДА.	1916 г.	1922 г.
1	Куба б. (Атажукино III) . .	?	30
2	Исыхурей (Лафишево) . . .	66,8	33
3	Карагач (Иналово)	51,0	29
4	Баксаненок (Касаево) . . .	79,2	44
5	Кишпек (Тыжево)	42,0	36
6	Алтуд (Тамбиево II)	80,9	65
7	Ст. Крепость (Кучмазукино) .	22,0	63
8	Жемтала (В. Кожоково) . .	27,1	60
9	Кахун (Докшукино)	62,0	63
10	Залукокоаже (б. Абуково). .	76,0	64
11	Сармаково (Бабуково) . . .	80,8	45
12	Малка (В. Ашабово) . . .	71,2	59
13	(Н. Ашабово) . .	—	28
14	Куркужинское (В. Коново) .	—	83
15	(Н. Коново) .	93,0	33
16	Кызбурун I (Атажукино II).	87,0	24
17	Заюковское (Атажукино I) .	98,0	78
18	Кызбурун II (Наурузово). .	74,0	20
19	Кызбурун III (Тамбиево I) .	85,0	52
20	Чегем I (Куденетово I) . .	108,0	79
21	Чегем II (Куденетово II) .	94,0	72
22	Шалушка	44.0	65
23	Урвань (Мисостово)	63,0	117
24	Аушигер (Догужоково) . . .	73,0	28

№№ по порядку	БОЛЬШАЯ КАБАРДА.	1916 г.	1922 г.
25	Ст. Черек (Докшоково) . . .	95.6	67
26	Аргудан	53.0	49
27	Ст. Лескен (К. Анзорово) .	68,0	50
28	Вольный аул	22.2	60
29	Нартан (Нальчикское-Клишбиевское)	?	72
30	Каменномостное (Кармово)	57.0	36
31	Лечинкая (Тахтамышево) .	46.0	34
32	Кенже (Кошероково)	59.6	13
33	Жемтала (В. Кожоково) . .	51,0	30
34	Псыгансу (Джанхотово) . .	58,0	50
35	Ст. Урух (Х. Анзорово) . .	34.0	53
36	Урух (Коголкино)	34.0	44
	Среднее . .	47,7	51,2

Сравнивая 1916 и 1922 годы, прежде всего отмечаем некоторое общее повышение количества молодняка, недостаточно объяснимое—возможно, что эта разница отражает неоднородность методов исследования, а возможно, что в 1922 г. уже началось «обрастание» стада круп. рог. скота молодняком.

Но в общем цифры 1922 года обезличивают отдельные районы Кабарды. Районы, разводившие скот, сократили свой молодняк. Районы, совсем не разводившие скота, начали теперь выращивать молодняк, и в результате картина по количеству молодняка получилась довольно ровная.

Однако, обследованием, так же как и всероссийской с.-хоз. переписью 1922 г., уловлено одно чрезвычайно характерное явле-

ние: Малая Кабарда, имевшая в 1916 г. всего 11,1 голов молодняка на 100 коров, повысила это количество до 40%. Потерпев крах с земледелием, основывавшемся до революции на экспорте, и потеряв силы, нужные для распашки своих пространств, Малая Кабарда, в целях использования этих пространств, занялась размножением стад. Из личного опроса на месте это подтверждалось. «Через три года у нас опять будет скот», так говорили малокабардинцы.

В виду такого еще не устоявшегося характера данных, целесообразнее для районирования воспользоваться цифрами 1916 года, когда резче выступала физиономия отдельных районов. Разобьем все селения по 1916 году на эти группы.

Средняя по области для молодняка составляла 47.7, т. е. около 50 на 100 коров, поэтому отделим среднюю группу селений с числом молодняка от 45 до 55 голов. В результате получится высшая группа—(свыше 55 голов) и низшая группа—ниже 45 голов на 100 коров.

Для ремонта своего стада, при позднеспелом скоте, на 100 коров не требуется больше 30—40 голов молодняка старше года, поэтому при норме выше 30—45 голов, мы имеем выращивание не только для поддержания своего стада на одном уровне, но и для умножения стада или для продажи, поэтому наша низшая группа будет довольно точно соответствовать формации хозяйства, не выращивающего молодняка. Разбив все селения на эти 3 группы, мы получим следующий результат.

I. Районы наибольшего разведения скота.

(Молодняка свыше 55 голов на 100 коров).

а) Степной район:

Залукокоаже.
Псыхурей.
Баксаненок
Алтуд.
Сармаково.
Куркужинское.
Малка.
Заюковское.
Кызбурун I.
Кызбурун II.
Кенже.
Псыгансу.

б) Северо-Западный предгорный район:

Каменномостное.

в) Переходный район:

Чегемы I и II.	Урвань.
Кызбуруи III.	Аушигер.
Кахун.	Ст. Черек.
	Ст. Лескен.

II. Районы среднего разведения скота.

Карагач.	Шемтал.
Аргудан.	Лечинкай.

III. Районы не разводящие скота сверх ремонта своего стада.

(45 и меньше голов на 100 коров).

а) Малая Кабарда. Шалушка.

б) Переходный район:

	Ст. Крепость.
	Кишпек.
Н. Черек.	Ст. Урух.
Вольный аул.	Урух.

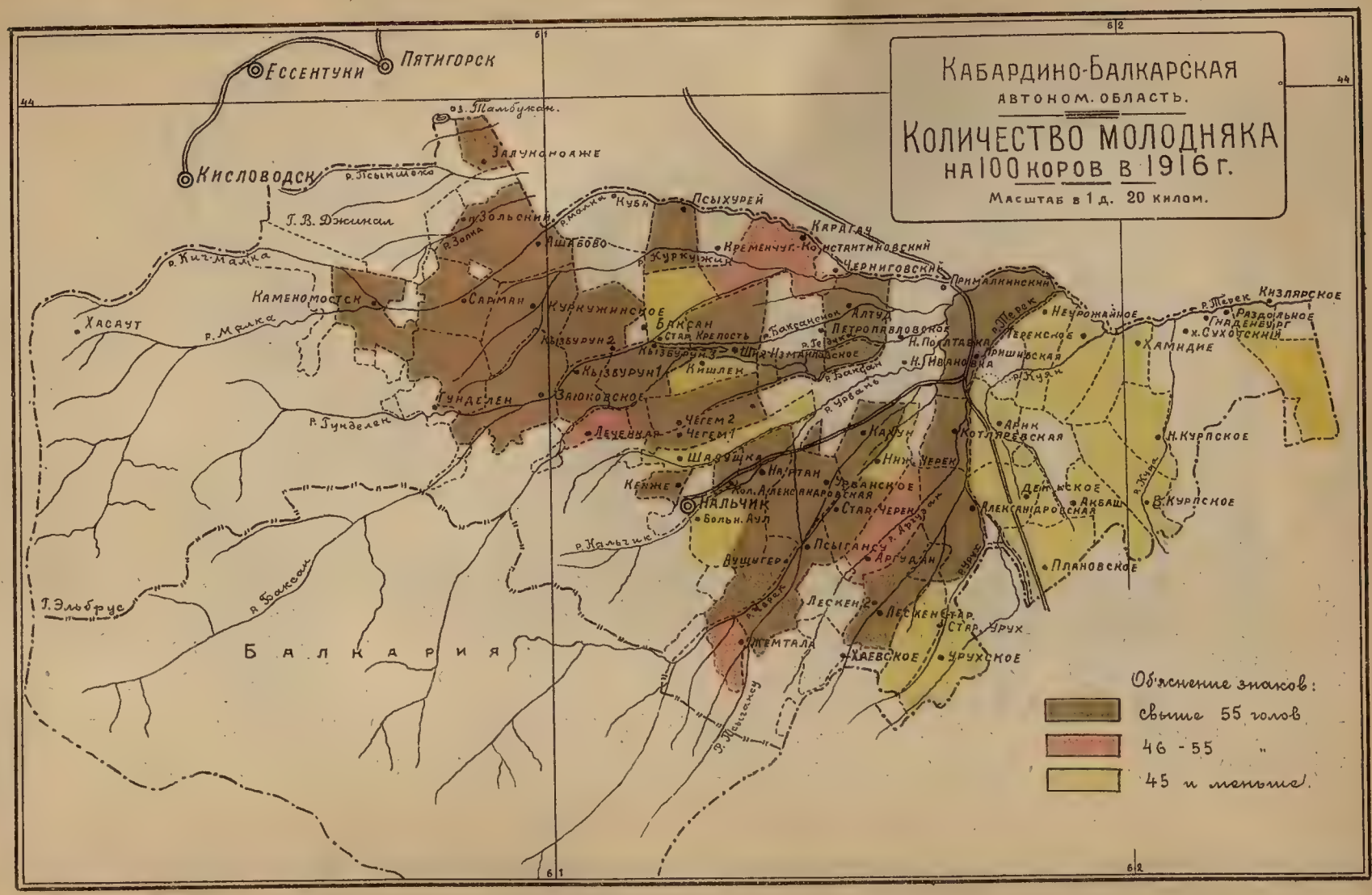
Таким образом приходится признать, что подавляющая часть Кабарды имеет значительную долю молодняка. В нормальных условиях, когда в хозяйстве установилось известное равновесие, стадо не может прирастать бесконечно, и потому выращивание молодняка надо считать выращиванием мясного скота, и районы наибольшего выращивания, охватывающие большую часть Кабарды, надо считать районами мясного скотоводства.

Обратимся теперь к рассмотрению другой части крупнорогатого стада, к части молочной.

Коровы составляют в Кабарде в среднем немногим больше одной трети стада. В годы военных невзгод, вследствие истребления молодняка и реквизиции волов, относительное число коров несколько повысилось:

1916 г. . . . . 32,7 % всего стада.
1917 г. . . . . 39,3 » » »
1922 г. . . . . 35,0 » » »

Если мы выключим волов, то и тогда количество коров не превысит для 1916 года 37% всего стада. Процент этот является


Кабардино-Балкарская
автоном. область.
Количество молодняка
на 100 коров в 1916 г.
Масштаб в 1 д. 20 килом.
Ессентуки
Пятигорск
Кисловодск
оз. Тамбукан.
Залукоажье
р. Псыншоко
г. В. Джинал
р. Зольский
р. Малка
Кубань
Псыхурей
Карагач
Константиновский
Кременчуг.
Ашабово
р. Куркужин
Черниговский
Приманлинский
р. Кич-Малка
Каменомостск
Сарман
Куркужинское
Хасаут
р. Малка
Бакан
Стар. Крепость
р. Баксанёнок
Алтуд
Петропавловское
Кызбурун 2
Кызбурун 3
Шах-Измаиловское
Кызбурун 1
Кишлек
Н. Полтавка
Н. Ивановка
Тунделен
Заюковское
р. Тунделен
р. Урвань
Чегем 2
Чегем 1
Лечинкар
Шарошка
Кахун
Нижн. Черек
Нальтан
Кенже
Кол. Александровская
Урванское
Нальчик
Больш. Аул
Ст. Черек
р. Кальчик
Псыгансу
Аргудан
Аушигер
р. Баксан
г. Эльбрус
Б а л к а р и я
Лескен 2
Лескен Стар.
Ст. Урух
Жемтала
Хаевское
Урухское
р. Жемтала
р. Терек
Нечрожайное
Черекское
Приширская
Хамидие
Дрик
Котляревская
Н. Курпское
Александровская
Дейское
Акбаш
В. Курпское
Плановское
р. Сунжа
Кизлярское
Раздольное
Гнаденбург
х. Сухотский
Объяснение знаков:
Свыше 55 голов
46 - 55 "
45 и меньше.

характерным для скотоводческих народов, где значительную долю стада составляет молодняк. В центральной России доля коров значительно выше: 45—65%. Таким образом и с этой точки зрения строение кабардинского стада носит мясной, а не молочный характер.

Однако, в отдельных районах Кабарды это равновесие уже нарушено за дальностью горных пастбищ и за распашкой степей; молодняка выращивать негде, и значительную часть стада составляют коровы, процент которых тем более значительный, что в районах интенсивной распашки и волы также выпадают из состава стада, заменяясь рабочей лошадью.

По переписи 1916 года средний % коров по области—32,7. Селений, в которых процент коров в стаде составлял в этот год 32,7 и выше—немного; вот их перечень:

Н. Урух (Коголкино)	49,8
Ст. Урух (Хату-Анзорово)	49,1
Чегем I	39,9
Ст. Крепость (Кучмазукино)	38,7
Н. Черек (Н. Кожоково)	38,3
Вольный аул с Нартаном	37,9
Карагач (Иналово)	37,6
Баксаненок (Касаево)	36,9
Кишпек (Тыжево)	35,5
Псыхурей (Лафишево)	34,2
(Куба Атажукино III)	34,2
Малая Кабарда	33,9
Кахун	33,4
Кызбурун III (Тамбиево I)	33,2
Ст. Лескен (Кайсын-Анзорово)	33,1
Алтуд	33,0
Шалушка	32,7

Если мы посмотрим на картограмму, где нанесены районы по количеству молодняка, то окажется, что все селения, в которых на 100 коров приходится меньше 45 голов молодняка старше года, вошли и в последний список селений с максимальным процентом коров в стаде.

Это обстоятельство еще более должно укреплять нас в мысли, что мы имеем здесь дело с районом, где молочное направление начинает побеждать мясное.

Первые шесть селений нашего списка, совпадающие с районом наименьшего количества молодняка (кроме Чегема I-го) относятся именно к этой категории. Правда, в полном смысле слова молочное стада должно было иметь все-таки более высокий процент коров. Характерным примером может служить Александровская колония, снабжающая город Нальчик молоком. В 1913 году коровы составляли в ее стаде—92,2 % и в Нальчикском стаде—50,3 %. При переписи 1916 года Александровская колония, к сожалению, вошла в общую группу с Вольным и Нартаном. В цифрах 1913 г. группа Нальчик, Александровская и Вольный аул представляли собой действительно компактный район молочного направления.

Однако, высокий процент коров не говорит еще нам ничего о рыночности молочного хозяйства. Даже при 100% коров все молоко может потребляться внутри хозяйства, и такое молочное хозяйство будет носить название молочно-потребительского. Рыночность характеризуется избытками молока, а избытки можно выяснить, сопоставляя число коров с числом едоков.

К сожалению, по Кабарде мы наталкиваемся на такие цифры, понять которые с точки зрения масштаба коренных районов Республики довольно затруднительно. При 15—17 коровах на 100 душ населения в России уже существует сбыт молока на рынок. Здесь же мы имеем 30—40 коров на 100 душ населения в таких селениях, которые никогда и ни в какой форме молока на рынок не отчуждали. Высокая цифра коров об'ясняется высоким потреблением молочных продуктов в Кабарде, малой удойливостью, продолжительной сухостойностью кабардинской коровы и колоссальным процентом яловости (прежде 25—35%, теперь 60—65%). Четыре месяца с ноября по март сухостой представляет обязательное явление, но часто растягивается и до 7 месяцев. Таким образом корова доится только 5 месяцев и дает в это время микроскопическое количество молока. К этому еще надо прибавить то, что телята воспитываются под коровой.

Каков все-таки предел, позволяющий в Кабарде судить о наличии молочных излишков? Александровская колония, развившая большой сбыт молока в свежем виде, имеет 34 коровы на 100 душ,

Малая Кабарда, ничего не сбывающая, имеет 55 коров (обе цифры за 1913 г.), следовательно, и эта цифра не есть еще предел, при котором собственные потребности кабардинской семьи удовлетворены. Можно указать только на Кармово (Каменномостное), имевшее в 1913 году 110 коров на 100 душ населения и сбывавшее молоко на сыроваренные заводы. В момент обследования этих заводов не существовало, и по экономическому обследованию 1922 г. Кармове на 100 душ приходилось только 29 коров. Проверим теперь с этой точки зрения выделенный нами район, уклоняющийся от мясного направления к молочному.

По 1916 году.	% коров в стаде	Коров на 100 душ насел.
Н. Урух	49,8	50
Ст. Урух	49,1	58
Чегем I-й	39,9	46
Ст. Крепость	38,7	44
Н. Черек	38,3	55
Вольный аул и Нартан	37,9	48
Карагач	37,6	40
Баксаненок	36,9	50
Кишпек	35,5	36
Исыхурей	34,3	40
Куба	34,2	40
Малая Кабарда	33,9	39,6
Кахун	33,4	35
Кызбурун III	33,2	50
Ст. Лескен	33,1	36
Алтуд	33,0	51
Шалушка	32,7	51

Из поселенных бланков видно, что перечисленные селения почти все имеют возможность сбывать молочные продукты, хотя и не круглый год, а только летом и к тому же только при наличии в семье не менее 4—6 коров. Кишпек продает на базарах сыр и изредка топленое масло. Куба продает топленое и свежее масло. То же отмечено в Нижнем-Череке, Шалушке и Нартане. Для последнего определенно указывается даже Нальчикский базар, как постоянное место сбыта.

Все это не дает, однако, полного основания определенно считать весь этот район—районом рыночно-молочным. Осторожнее было бы назвать его пока только молочно-потребительским.

Относительное значение скотоводства и земледелия рельефнее всего учитывается при сопоставлении числа коров и посевной площади. Учтя количество коров на 100 десятин посева, мы безошибочно определим районы, в коих главная часть дохода получается от скотоводства, а не от земледелия. Данные 1916 года позволяют нам предложить следующую группировку:

500 и выше коров на 100 десятин.

Каменомостное (Кармово) *).

От 300 до 500 коров на 100 десятин.

Сармаково (Бабуково), Лечинкая (Тахтамышево), Жемтала (В. Кожоково).

От 150 до 300 коров на 100 десятин.

Заюковское (Атажукино 1-е), Куркужинское (Коново), Чегем 1-й (Куденетово), Урвань (Мисостово), Кенже (Кошероково), Псыгансу (Джанхотово), Ст. Лескен (Кайсын-Анзорово).

Ниже 150 коров на 100 дес.

Малая Кабарда, Прималкинские аулы и все прочие селения.

Чисто эмпирически можно считать, что 150 коров есть приблизительная граница скотоводческой и земледельческой зоны. Мы считаем нужным повторить, что это все же районы скотоводства во-

*) В 1913 г. 2054 коровы на 100 десятин.

обще, но не районы молочного хозяйства. Подмосковные рыночно-молочные волости имеют 85—150 коров на 100 десятин; по аналогии следовало бы из наших цифр сделать вывод, что одно Каменномостное (Кармово) способно залить молоком весь Кавказ. В действительности этого нет. Первые три группы (от 150 и выше), по всей вероятности, имеют молочные избытки летом, хотя их и не используют обязательно путем сбыта; все же то, что ниже 150 голов на 100 десятин посева, несомненно носит характер исключительно потребительский, а по значению скотоводства и занимаемой им роли в хозяйстве эти селения можно, пожалуй, считать ничем не выделяющимися в сторону скотоводства от центральных русских губерний.

В большинстве селений число коров на 100 дес. посева в период 1913—1916 г.г. увеличилось, т. е. скотоводческий элемент в Кабарде усилился и только в некоторых, как раз в скотоводческих селениях. он уменьшился; например:

СЕЛЕНИЯ	1913 г.	1916 г.	1922 г.
Каменномостное (Кармово) .	2054	571	195
Куркужинское (Коново) . . .	211	120	81
Заюковское (Атажукино I-е) .	258	204	134

Причины этому ясны. Хозяйство сделалось потребительским и всякие излишки в скоте или в посевной площади были ликвидированы. Скотоводческие селения ликвидировали скот, но зато увеличили посевную площадь, т. к. до войны они хлеб прикупали, а после войны, перейдя на натуральное потребительское положение, должны были увеличить посев. Кармово, вместо 185 дес., стало засевать 300 дес., зато сократило число коров на 60%. Фактически, конечно, сокращение было не так значительно, но перепись 1916 г. прошла в горах под знаком большого недоброжелательства.

После вековой войны горцы только 60 лет отдыхали от военных разгромов, и перепись во время войны заставила их насторожиться и дать преуменьшенные указания.

Наоборот, в селениях зерновых районов, где мало было скота, а корова служила потребностям семьи, уменьшение коров было незаметно, но посевная площадь сильно сократилась в своих рыночных придатках, поэтому относительная цифра коров на 100 дес. посева в этих районах увеличилась.

Какие же конкретные проявления рыночности кабардинского скотоводства мы можем учесть? Материалов, освещающих этот вопрос в современной обстановке, не существует. Ближайшей задачей поэтому должно быть производство соответствующего обследования. Самый тонкий в этом отношении показатель—погрузка жел. дор. станций—нам ничего не дает. За 1914 год, например, из всех станций, принимающих грузы из Кабарды, только Прохладная отметила погрузку 3316 пудов крупного рогатого скота живьем. Едва-ли, конечно, это исчерпывает продукцию Кабарды.

Скот обычно шел гоном на Пятигорск, Георгиевск, Прохладную. Прохладная отправляла его дальше, а Пятигорск и Георгиевск, вероятно, потребляли его на месте. Кавказские Минеральные Воды, повидимому, поглощали всю продукцию Кабарды и ее даже не хватало. В прежнее время зимой пригонялся скот на Воды и из Ставрополья, а теперь Ставрополье гонит его и летом даже, так как оскудевшая Кабарда неспособна уже напитать население группы Минеральных Вод.

Есть еще один источник, дающий некоторое представление о мясных излишках Кабарды—это регистрация аульными правлениями сделок на продажу скота. Попавшие в регистрацию данные заведомо не полны, но все же мы имеем такие величины: за 1899 г. по Б. Кабарде продано круп. рогатого скота на 233897 р., в 1913 г. по всей Кабарде на 372.234 руб., 12.362 штуки (около 8% поголовья).

Это указывает, что в мирное время Кабарда, повидимому с одной стороны, сама потребляла очень много мяса, а, с другой стороны, сбывая ничтожный % на рынок, совершенно мало использовала свои пространства, на которых она могла бы содержать значительно больше скота.

Повторяем, что эта важнейшая сторона местной экономики ждет еще своего исследователя.

Коневодство.

Более или менее достоверные сведения о количестве лошадей Кабарды мы имеем только за последние 35 лет. О том, что было раньше, существуют только предположения. Предполагается, что не только по относительному, но и по абсолютному количеству лошадей Кабарда в старину была значительно богаче. По преданиям, в эпоху борьбы с крымскими ханами (XVIII-й век и раньше) Кабарда выставляла 20 тыс. всадников на добрых конях, вследствие чего предполагают, что она имела не меньше 60 тыс. лошадей. Едва ли это верно, если относилось только к одной Кабарде, так как в Большой Кабарде было только 10 тыс. дворов крестьянских и 1½ тыс. узденских. Это могло давать не свыше 6 тыс. доброконных всадников из Большой Кабарды.

Более близкое к истине исчисление делает в 1867 году «Кабардинская Поземельная Комиссия», говоря, что в Большой Кабарде при весеннем отгоне на пастбища составлялось 16 табунов и в Малой Кабарде—один (Балкарова). Считая в среднем на табун 2000 голов, так как численность табуна колебалась между одной и тремя тысячами голов, получаем приблизительно 36000 табунных лошадей—следовательно, общее число лошадей могло тогда доходить до 40—50 тыс. голов. С течением времени цифра эта не уменьшалась (по крайней мере до 90-х годов), но, повидимому, росла, потому что навстречу процессу сокращения табунного коневодства скоро начался процесс распашки степей, выдвигавший на сцену лошадь рабочую. Абсолютный количественный рост конского состава продолжался до начала войны, хотя относительное количество лошадей (на 100 душ населения) уменьшалось. После войны кабардинская лошадь быстро пошла на убыль.

Годы		На 100 душ насел. гол.
1889 . . .	48212 (без Малой Кабарды)	59
1899 . . .	49845 (с Балкарией)	47
1909 . . .	73359 (с Мал. Каб. и Балкарией) . .	50

Годы			На 100 душ насел. гол.
1913 . . .	58625	(без Баксарии	50
1914 . . .	56814	» »	44
1916 . . .	53191	» »	38
1917 . . .	50751	» »	30
1920 . . .	33919	» »	22
1922 *) . . .	29100	» »	18

Для полного состава мы располагаем сведениями за 1899 г. по отчету начальника округа:

В 1899 г.	Малолеток			Рабочего возраста			Всего
	Сосунов	Молодняка до 4 лет	4-хлеток	Жеребцов	Меринов	Кобыл	
Крестьян.	7869	9469	4403	977	6305	16338	45361
Заводск. .	878	888	448	169	230	1871	4484
Итого .	8747	10357	4851	1146	6535	19209	49845

Состав табуна в процентах следующий:

Годы	Сосунов	Молодняка	4-хлет.	Жеребцов	Меринов	Кобыл	Итого
1899	17,5	20,9	11,2	2,3	13,00	36,5	100
1913	10,2	17,4	9,8	1,6	23,4	36,2	100

Состав весьма устойчив и, исходя из этих цифр, число кобыл 1922 г. можно предполагать в 8500—10500 голов.

*) Только в кабардинских селениях 23.930

Возрастный состав в военное время и революционные годы был таков:

Годы	Сосунов	Молодняка	Рабоч. возр.	Итого
1916	14,5	13,5	72.0	100%
1917	15,3	15,8	68,9	100%
1922	5,0	6,4	88,6	100%

Кабарда, как видим, за время революции и войны чрезвычайно обеднела конским молодняком. В 1899 году он составлял, исключая четырехлеток, 38,4%, теперь-же—только 11,4%. Разумеется, что должен был измениться и половой состав, но нужных цифр для учета этого изменения мы не имеем. Наглаз обращает на себя внимание исчезновение в Кабарде кобыл и жеребцов. Мерины составляют подавляющую массу всех лошадей. Особенно это бросается в глаза на кабардинских скачках, где из 35-50 лошадей с трудом можно набрать 10-12 жеребцов и кобыл. Это об'ясняется угоном из Кабарды и разграблением в период гражданской войны племенных косяков, состоявших исключительно из маток и молодняка *).

Очень интересен состав лошадей по назначению, т. е. по количеству верховых и рабочих, но новых данных для этого почти нет, если не считать переписи 1917 г. Это самый свежий материал. Из числа взрослых лошадей было:

Верховых	12402	32,7%
Рабочих	22511	67,3 „
Итого	34913	100%

По отношению ко всему количеству (с молодняком) лошадей Кабарды взрослые верховые лошади составляли 24,5%. Почти вся

*) В 1922 г. безлошадные хозяйства в Кабарде составляли 42,3%. В 1899 году их было только 35%.

масса верховых лошадей сосредоточена была в Большой Кабарде (11866). В Малой Кабарде верховых зарегистрировано было только 536 голов. Это понятно, так как Малая Кабарда перешла уже в земледелии на лошадиную тягу, и содержать особых верховых коней обессиленному крестьянину Малой Кабарды нет расчета. Наоборот, в Большой Кабарде продолжается еще «засилье» волов, и потому верховая лошадь для разъездов необходима.

По расчетам *П. Н. Раждаева*, на 100 рабочих лошадей приходилось в 1917 г. верховых лошадей:

В северо-западной половине Большой Кабарды между р. р. Малкой и Череком .	90
В юго-восточной половине Большой Кабарды между р. р. Череком и Тереком .	62
В Малой Кабарде	7

Переходим теперь к распределению лошадей по территории Кабарды и к районам плотности конского поголовья. При состоянии нашего статистического материала бесплодно было бы определять эту плотность по отношению к территории. Больший интерес представляет определение количества лошадей по отношению к населению, в частности, число лошадей в среднем на один двор.

Обследование 1922 г. нашло такую картину: в среднем по Кабарде на один двор оказалось 1,1 голов. Приняв селения с количеством лошадей от 1,0 до 1,2 голов на один двор за среднеобеспеченные, мы получим следующие три группы селений.

От 1,3 голов и выше на двор.

а) Малая Кабарда: Хамидие, Дейское, Плановское, Акбаш.

б) Степные и прималкинские: Куба, Баксанепок, Алтуд, Залукокоаже.

в) Кызбурун II, Чегем I, Шалушка, Аргудан, Ст. Урух, Ст. Лескен, Вольный аул, Нартан.

От 1 до 1,2 голов на двор.

а) Малая Кабарда: Кизлярское, Арик, Нпж. Курп.

б) Степные и прималкинские: Карагач, Кишпек, Ст. Крепость.

в) Кызбурун I, Кызбурун III, Чегем II-й,

г) Предгорные: Жемтала, Кенже, Псыгансу.

Меньше 1 головы на двор.

Остальные селения Кабарды.

Сравнивая это распределение лошадей по селениям с картограммой посевов на 1 душу, мы обращаем внимание на то, что районы, наивысшие по обеспечению посевом, оказались самыми лошадными. Следовательно, коневодство, как самостоятельная отрасль, совершенно не отразилось на этой группировке. Группировка прошла под влиянием количества рабочих лошадей.

Легче промысловый элемент коневодства уловить по проценту молодняка старше года. Там, где этот процент высок, там несомненно молодняк выращивается не только для собственного ремонта, но и на продажу. Приведем поселенные данные:

№№ по пор.	Название селений	Общее число лошадей		В том числе молоди. от 1 до 3 л.		% молодняка ко всему числу лошадей.		
		1913 г.	1920 г.	1913 г.	1920 г.	1913 г.	1920 г.	1922 г.
1	Аушигер (б. Догуж.)	339	184	112	15	28,0	8,0	—
2	Малка (Ашабово) .	3363	959	945	2	2,8	0,2	—
3	Заюковское (Атажукино I-е) . .	2235	299	420	41	1,8	13,7	—
4	Кахун (Докшукино)	795	371	163	19	2,0	5,0	3,1
5	Чегем I-й (Кудеистово I) . . .	662	1052	120	36	18,0	3,4	7,4
6	Жемтала (В. Кожоково). . . .	589	301	72	—	12,3	—	—
7	Карагач (Пналово)	1294	616	364	26	29,2	4,2	9
8	Сармаково (Бабуково)	1817	407	380	35	2	8,5	1,8
9	Терекское (Булатово)	625	460	160	13	25,4	2,8	—
10	Ст. Лескен (К.-Анзорово). . . .	1925	1023	295	44	15,3	4,3	2,1

№№ по пор.	Название селений	Общее число лошадей		В том числе молодн. от 1 до 3 л.		% молодняка ко всему числу лошадей		
		1913 г.	1920 г.	1913 г.	1920 г.	1913 г.	1920 г.	1922 г.
11	Урух (Коголокино)	2171	632	465	16	21,4	2,5	14,0
12	Нартан (Клишбиев.)	1474	984	338	55	22,9	5,7	10,7
13	Аргудан	1523	996	211	27	13,7	2,7	11,1
14	Каменномостное (Кармово) . . .	1567	104	381	4	3,8	24,8	6,4
15	Чегем II (Кудетово II) . . .	533	641	83	30	15,5	4,6	—
16	Кызбурун II (Наурузово)	1126	1280	380	32	2,5	2,5	3,3
17	Н. Черек (Н. Кожоково)	463	594	70	52	15,1	8,7	7,3
18	Залукокоаже (Абуково)	478	390	45	50	9,4	12,8	23,5
19	Кенже (Конероково)	187	189	15	1	8,0	0,5	—
20	Хамидие (Ханцево)	930	501	165	57	15,5	11,3	5,8
21	Шалушка	1076	755	102	21	9,4	2,7	19,2
22	Вольный аул . . .	—	279	—	21	—	7,8	18,1
23	Баксаненок . . .	2065	762	263	11	12,7	1,4	8,5
24	Кызбурун III (Тамбиево I) . . .	687	1037	94	16	13,6	15,0	1,2
25	Алтуд (Тамбиево II)	1642	561	500	22	30,4	3,9	15,6
26	Дейское (Муртазово)	613	659	153	18	24,9	2,7	5,3
27	Акбаш (Астемирово)	1163	585	200	34	17,1	5,8	5,1
28	Псыхурей (Лафишево)	895	244	70	1	7,7	4,0	17,5
29	Арик (Бороково) .	1037	653	250	19	24,1	2,9	4,8

№№ по пор.	Название селений	Общее число лошадей		В том числе молодн. от 1 до 3 л.		% молодняка ко всему числу лошадей		
		1913 г.	1920 г.	1913 г.	1920 г.	1913 г.	1920 г.	1922 г.
30	Псыгансу (Джанхотово)	1204	699	230	270	19,1	38,6	4,4
31	В. Курп (Исламово)	569	829	47	11	8,2	1,3	6,5
32	Н. Курпское (Ахлово)	1300	583	142	13	10,9	2,2	2,2
33	Плановское (Баташево)	1051	713	23	20	2,1	2,8	5,9
34	Кызбурун I (Атажукино II) . . .	1240	579	258	51	20,8	8,8	16,2
35	Кизлярское (Бековичи)	869	706	123	11	14,1	1,5	2,0
36	Зольский	—	209	—	41	—	19,6	—
37	Баксан	380	209	—	12	—	5,7	—
38	Кишпек (Тыжево) .	360	581	90	36	25,0	6,2	16,1
39	Лечинкая (Тахтамыш.)	281	108	35	6	12,4	5,5	—
40	Урванское (Мисостово)	528	228	118	23	22,3	1,0	5,8
41	Раздольное (Ганжумово)	213	217	10	15	4,6	6,9	—
42	Н. Ивановка . .	468	469	38	28	8,1	5,9	—
43	Н. Полтавка . . .	4014	280	235	9	5,8	3,2	—
44	Пришибская . . .	—	841	—	78	—	9,7	—
45	Пос. Пришибский	—	87	—	4	—	4,6	—
46	Котляревская . .	—	704	—	41	—	5,8	—
47	Кр.-Константин. .	1930	—	64	—	3,3	—	—
48	Александровская. .	—	837	—	12	—	1,4	—

№№ по порядку	Название селений	Общее число лошадей		В том числе молоди. от 1 до 3 л.		% молодняка ко всему числу лошадей		
		1913 г.	1920 г.	1913 г.	1920 г.	1913 г.	1920 г.	1922 г.
49	Куркужин (Коново)	2312	336	460	13	19,8	3,8	8,3
50	Неурожайное (Абаево)	683	455	56	—	8,1	—	5,8
51	Ст. Урух (Х.-Анзорово)	792	223	198	4	25,0	1,3	6,3
52	Ст. Крепость (Кучмазукино) . . .	1080	677	240	12	22,2	1,7	8,9
53	Ст. Черек (Докшоково)	1020	321	240	5	23,5	1,5	19,0

Изучение вышеозначенной таблицы убеждает нас, что в данный момент о ясно обособленных районах конеразведения говорить совершенно не приходится. Коневодство и теперь и раньше, повидимому, развивалось гнездами. Действительно, воспитание верхового коня, и особенно удачный подбор, требуют своеобразного таланта. И раньше и теперь повторяются фамилии отдельных коневодов, но отнюдь не районы.

Исследователь Кабарды 1889 года, перечисляя в характеристике занятий населения отдельные промыслы, наравне с кабардинскими ювелирами-серебряниками, выделывающими украшения для поясов, седел, кинжалов, отдельно называет также и всех коневодов. Оказывается, что число их и тогда было незначительно. В Большой Кабарде в материалах 1889 года мы находим ссылку на коневодов только в 7 селениях. Правда, крупные коневладельцы, из привилегированных сословий, вроде Лафишевых, в подсчет не вошли (против названия селения Лафишева не содержится никаких упоминаний о коневодах и вообще о коневодстве); здесь имелись в виду, очевидно, только специалисты из среды рядовых сельчан.

Вот эти 7 селений Большой Кабарды:

1) Шалушка—7 коневодов зарабатывают по 110-150 руб. каждый в год.

2) Нартан и Вольный аул—8 семейств коневодов, зарабатывают по 100-200 руб.

3) Урвань (Мисостово)—3 семейства коневодов, зарабатывают по 200-400 руб.

4) Докшукино (Кахун)—6 коневодов, зарабат. по 100-500 р.

5) Нижн. Кожоково (П. Черек)—4 коневода, зарабатывают по 100-300 руб.

6) Докшоково (Ст. Черек)—10 коневодов, зарабатыв. по 150 р.

7) К. Анзорово (Ст. Лескен)—10 коневодов, зарабатывают по 200-400 руб.

Интересно, что, спустя 35 лет, в 1922-1923 г.г. лошади, приводившиеся на скачки в Нальчик, в большинстве своем были из этих же аулов.

Это и есть те гнезда, совершенно не связанные в районы, где хранятся и поддерживаются навыки и любовь к разведению верхового коня.

С усилением упряжной с.-х. роли лошади и сокращением пастбища коневодство из табунного стало перестраиваться на подворное. Однако, старый календарный распорядок хозяйства от этого мало изменился. Весной, как и раньше, в каждом селении формируется табун для отгона на летние пастбища и каждый старается послать с табуном каждую лошадь, без которой он может обойтись, после же окончания полевых весенних работ, каждый старается хотя на две недели отправить на пастбище подкормиться и рабочих лошадей из плуга. К концу октября табуны в большинстве возвращаются в селения и линь немногие, более значительные, остаются на зимовку на горных пастбищах. По возвращении на плоскость более крупные косяки пасутся на арендованных отавах, здесь же для них обычно устраивается и зимовка.

Годовой круг деятельности при подворном коневодстве, имеющем что отправить на летние пастбища, отличается от косячного коневодства тем, что с октября лошади мелких хозяев пасутся на юрте, а не на арендованных отавах и живут во дворе, а не в отдельных зимовках, как нижеописанные косяки, которые должны зимовать там, где накошено для них сено.

До ноября, а в степи и до декабря, лошади и скот пасутся на подножном корму, после чего переходят на сенное кормление. Корм задает-

ся три раза в день и в четвертый раз дается на ночь. В случае работы дается и кукуруза фунтов 12-15, считая с кочанами. Лошади прекрасно выгрызают из початка зерна, а если очень голодны, то с'едают и самый стержень-кочерыжки. Поение почти исключительно в реках зимой и летом. Самым обычным зимним помещением для лошадей служит баз, т. е. навес в три стены из необмазанного, а иногда и обмазанного глиной плетня под соломенной крышей. В аулах по Малке, близких к русским станицам, стали заводить и более теплые конюшни. С марта месяца лошади вновь выгоняются на пастбища на юрте при ауле, пока не сформируется летний табун для отгона на Золку, что бывает около 1-го мая.

Кобылицы и жеребцы пускаются в случку на четвертое лето их жизни. Отдельные коневоды, обращающие на это внимание, стараются, чтобы жеребцы моложе четырех лет не случались. Селение пользуется обыкновенно жеребцом состоятельного коневода. Платы за это никакой по традиции не взымается, тем более, что и случка бывает вольная. Эта традиция бесплатной случки парализует возможность введения института одобренных жеребцов. Даже казенных жеребцов приходится здесь давать бесплатно. Однако, жеребцы, не давая никакого дохода, представляли в последние годы для мелкого хозяина значительную обузу, и множество их было кастрировано. Отчасти поэтому, отчасти вследствие бескормицы, нежеребость кобыл достигла к 1922 г. в Кабарде 75-80%. Прежде процент нежеребости был не более 20.

В настоящее время за отсутствием жеребцов заботы о качестве их почти нет; только в некоторых селениях (Кахун) и теперь еще следят за тем, чтобы плохой жеребчик не попадал в аульный табун.

Жеребятся кобылы с марта, а в более высоких и холодных местах (Сармаково, Каменномостное) в начале мая.

Крестьянству приходится пускать лошадей с $2^1/_2$-3 лет уже в работу. Прежде это не допускалось раньше 4-6 лет. В скотоводческих районах, где нужды меньше, в упряжь пускают 4-х лет, а под седло стараются пускать не моложе пяти лет (Куркужинское).

Экстерьер кабардинской лошади.

Экстерьер кабардинской лошади в настоящий переходный момент представляет, повидимому, текучее явление. Утрата лучших

представителей породы, недостаточная забота о подборе жеребцов при их общем недостатке и приобретение их коневодами где угодно, все это настолько меняет физиономию породы, что некоторые любители и знатоки кабардинской лошади находят, что «кабардинки» старого типа уже немыслимо встретить, что лошадей этого типа будто бы легче найти в Тульской губернии, где жило много охотников (для охоты с борзыми кабардинская лошадь незаменима), нежели в Кабарде. Лучшие представители породы, действительно, были угнаны в революционное время, частью погибли, частью осели в Ингушетии и Карачае и находятся за пределами Кабарды. Вместо взятых в Кабарде лошадей, отступавшая армия бросала ей лошадей, взятых до того в астраханских, калмыцких и киргизских степях и в задонских заводах. Так революция нивеллировала и экстерьер конских пород.

Достоинства кабардинской лошади общеизвестны, но ее экстерьер с точки зрения общепринятой «красоты» нравится не всем. Чистопородная кабардинская лошадь не высока. Обязательные для

Типичная кабардинская матка.

кавалерии 2 вершка она вытягивает с трудом и достигает этого роста только при значительной заботе о ней в период роста костяка. Сейчас, когда лошади вообще так измельчали от бескормицы голодных лет и от отсутствия хороших производителей, двухвершковые кабардинские лошади стали редки.

Мною был записан рост лошадей, принимавших участие в скачках в Нальчике в 1922 г. В процентном отношении лошади распределялись по росту следующим образом:

1 арш. 15 верш. (трехлетки)	4%
2 » без вершков (половина из них трехлетки)	36 »
От 2 » до 2 ар. 1 вер.	28 »
до 2 » 1½ верш.	8 »
.. 2 » 2 верш.	20 »
.. 2 » 2½ в. (почти все несомненно метисы)	4 »
Итого	100%

Природная масть кабардинской лошади несомненно гнедая и отчасти караковая. Из 139 лошадей, скакавших в 1922—1923 г.г. в Кабарде под названием кабардинских,—87 лошадей, или 62%, были гнедые. Не гнедые в большинстве случаев были подозрительны в смысле чистоты их кабардинской крови. Вот распределение скакавших лошадей по мастям:

Гнедых	87
Караковых	10
Вороных	12
Рыжих	16
Серых	13
Чалых	1
Итого	139

Караковые лошади в Кабарде встречаются чаще, чем их попало в наш список. Может-быть, это потому так, что караковая масть более свойственна горским лошадям, скорее вьючным, чем верховым и, следовательно, не попадающим на скачки.

Что касается остальных мастей, то они, пожалуй, не стандартны для кабардинской лошади. Вороные лошади бывают хороши, но они не вполне типичны, в них чувствуется какая-то, но

сторонняя кровь. Очень часто эти вороные экземпляры оказываются приведенными с Кубани под названием черкесских лошадей, несомненно улучшенных.

Рыжая масть, ошибочно отмеченная некоторыми писателями, как характерная для кабардинской лошади наравне с гнедой, безусловно приносная. Рыжие лошади с белыми выше щетки ногами при подробных расспросах владельцев почти всегда оказываются донскими или от донских жеребцов, приобретавшихся раньше некоторыми коневодами для получения ремонтного рыночного материала.

Серые экземпляры редки, но неизменно попадаются в Кабарде. Это, обыкновенно чрезвычайно выносливые на большие дистанции скакуны *), иногда оказывались киргизского происхождения. В 1905—1908 г.г. на Горячеводскую и Георгиевскую ярмарку для продажи в ремонт пригонялись киргизские лошади и многие из них (не попавшие в ремонт) оставались в Кабарде. Среди них много было серой и чалой масти.

„Бекир"—2-х летний жеребчик кабардинской породы.

*) Темно-серая масть считается в Кабарде признаком силы и выносливости, но светло-серые и белые лошади подвергаются насмешкам в сказках и легендах.

Голова кабардинской лошади средняя, сухая, не тяжелая и небольшая. Большая голова—доказательство примеси крови крестьянской лошади, вероятно, из Ставропольской губернии, где массивная голова калмыцкой лошади могла оказать это влияние. Профиль полугорбоносый, глаза большие, открытые и живые.

Шея умеренной длины, никогда не досчатая, мощная мускулистая, хотя и не такая могучая, как у киргизской лошади, но длиннее последней, с легким кадыком. Уши подвижные. Нежный пух внутри уха считается признаком породы. Жесткий волос—наоборот. Холка умеренная, без заметных переходов в спину и шею. Линия спины идеальная. Седлистых спин у кабардинских лошадей не бывает. Спина не длинная, но крепкая и мускулистая. Почка почти всегда заполненная, прекрасно связанная с крестцом. Круп короток, но относительно широк. Свислость круна у настоящей кабардинской лошади обязательное явление и не считается в Кабарде пороком красоты или признаком слабости.

Ребро несколько плосковатое. Подпруга хорошо развитая. Ноги сухие на косо поставленных бабках, но не тонки, с замет-

„Автономия"—чисто-кабардинская кобыла.

ными сухожилиями и широким и прочным коленом. Постановка передних ног, как и спина, идеальны. Недостаток в постановке ног всегда и неизбежно связан с каким-нибудь пороком ног. Больных ног у настоящей кабардинской лошади почти не встречается.

Твердость копыта, воспитанного на твердой целине и камнях горных пастбищ, замечательна. Форма копыт прекрасная, с наклонностью к стаканчику. Наклонность к плоскому копыту выдает прилитие посторонней крови. Переднее копыто по зацепу имеет 45°. Хвост и грива мощные, уступая, однако, как-будто бы, по мощности киргизской породе.

Прилитие посторонних кровей.

Имея в основе своей восточный тип, кабардинская лошадь постоянно улучшалась притоком турецких и персидских жеребцов, представляющих разновидность арабской лошади. С приходом русской власти разорвалась связь Кабарды с Турцией, затем разорились или ушли в Турцию состоятельные любители лошади, и приток арабской крови прекратился, хотя еще в 90-х годах, т. е. немного больше четверти века назад, в табунах Лафишево было несколько арабских жеребцов. Правда, Лафишевские табуны, хотя и считались самыми многочисленными в Кабарде, но не были самыми лучшими. Были «арабы» и на заводе Абезыванова. Освежение кабардинской породы извне прекратилось, но вывоз ежегодно самых лучших экземпляров из Кабарды шел полным ходом, особенно усиливаясь в годы войны. В результате происходило систематическое оскудение породы.

Экономические и политические условия с течением времени все больше ухудшали кабардинскую лошадь. Отнятие в 1790-х годах прикумских степей и вообще степей к северу от Малки, отведенных под крепости и новые поселения казаков, отказы правительства впоследствии даже от сдачи отнятых прималкинских пастбищ в аренду, рост крупного рогатого скотоводства, принесшие тесноту на Зольских пастбищах и на юртах,—все это создало неблагоприятные кормовые условия, особенно весной, когда горными пастбищами еще нельзя было пользоваться, а между тем кобыле и жеребенку нужно как раз в это время хорошее питание. Недоста-

точное кормление в период образования костяка, как известно, ничем не может впоследствии быть искуплено, и рост кабардинской лошади, понятно, стал от этого уменьшаться. Уменьшение его ниже нормы, допустимой при ремонтировании кавалерии, грозило, разумеется, полным уничтожением коневодства, как доходного промысла. Коневодам-промышленникам, следовательно, приходилось прибегнуть к искусственным мерам для поднятия роста, и вот на сцене появляется английская скаковая лошадь и ее производные.

Прилитие английской крови, действительно, сильно поднимало рост потомства, и эффект, нужный коневорцу, этим достигался. При вдумчивом и опытном руководстве такой метизацией, вероятно, можно достигать благоприятных результатов, однако, при обследовании совершенно не приходилось видеть удачных результатов метизации кабардинской и английской пород.

Рослый крупный английский жеребец, посаженный на мелкую кобылицу, давал потомству сильную тенденцию к росту вверх, но при недостаточной массе костяка, унаследованной от матери, и при обычном необильном питании молодняка, эта тяга вверх не могла сопровождаться соответственным и пропорциональным развитием также вширь, вследствие чего получается чрезмерно высоконогая, сжатая с боков фигура.

Тем не менее, среди ветеринарных врачей и особенно среди военных существует мнение, что кабардинскую породу должно улучшать прилитием крови английской скаковой лошади. Говорят, что в довоенные годы были примеры удачной метизации. Указывают на лошадей ныне несуществующего завода Абезыванова, прибегавшего к метизации.

Нельзя отрицать, что это были вполне удовлетворительные строевые кони, но едва ли в них можно было усмотреть какие-либо признаки кабардинской породы. В этом случае может, пожалуй, итти речь о выведении новой породы, но не о разведении кабардинской породы. Действительно, Абезыванов имел по преимуществу чистокровный завод и придерживался конюшенного воспитания, а не табунного.

Во всяком случае, заманчивая мысль получать быстрый и легкий эффект в смысле прибавки роста не путем достаточного

кормления и настойчивого, длительного, рационального воспитания молодняка, а посредством прилития крови другой—английской—породы, обязанной своими свойствами ничему другому, как вековому внимательному уходу и обильному кормлению, эта мысль едва-ли может быть плодотворна в деле улучшения аборигенной породы. Английская поговорка, что «порода входит через рот» должна быть учтена при оценке проектов заменить рациональное кормление привозом лошадей другой породы.

На ноябрьском 1922 года с'езде кабардинских коневодов в г. Нальчике при Областном Земельном Управлении коневоды-промышленники, которые не прочь были ввести в свои табуны английскую кровь, вместе с тем указывали, что суровые климатические условия горных и даже степных пастбищ, обстановка зимнего содержания лошадей в Кабарде и опасность от волков (с которыми так легко справляются косячные кабардинские жеребцы, но от которых не способны охранить себя и косяк английские жеребцы),—все это не допускает мысли применения изнеженных конюшенных жеребцов в обычных условиях местного коневодства. Метисные жеребята гибнут на пастбищах, «как индюшата», утверждают некоторые коневоды. Порода есть продукт всей совокупности природных и бытовых условий, и перенос в эти условия иной породы, воспитавшейся в совершенно иных условиях, едва ли будет рентабелен.

Опыты метизации несомненно не безинтересны и их следовало бы продолжать, но для массового разведения в Кабарде пригодна лошадь кабардинская же. При переходе на исключительно конюшенное воспитание уместна была бы, может-быть, и любая другая порода.

Старая истина, что культурная порода, введенная в малокультурные условия, не поднимает культурный уровень этого хозяйства, а сама опускается до его уровня, служит лишним аргументом в пользу того, что при массовом улучшении коневодства Кабарды введенная туда английская порода несомненно скоро выродилась бы и исчезла. Отдельные же хозяева за свой страх и риск эти опыты могут ставить.

На том же с'езде старые и опытные коневоды указывали, что чистокровные жеребцы безусловно не дают хороших результатов. Нужны, по их словам, полукровные жеребцы. Мнение это совер-

шенно совпадает с мнением известного русского коннозаводчика *В. П. Воейкова.* высказанным им около 80 лет назад в своих записках. Черкесскую лошадь, писал он тогда, нужно улучшать не кровными, а только полукровными жеребцами.

Интересны небольшие цифры, характеризующие отношение рядового кабардинца к английским жеребцам. В случную кампанию 1923 г. Областным Зем. Управлением было поставлено на 7 случных пунктах 16 жеребцов чистокровных, высококровных и полукровных. Несмотря на то, что пункты (кроме двух) находились в аулах, и что 76% населения Кабарды составляют кабардинцы, из числа 508 покрытых этими жеребцами кобыл, кабардинцам принадлежал 51% всего числа покрытых кобыл, а 49% русским. Было предположение об'яснить это нежеланием кабардинцев нести расход на гербовую марку к случной квитанции, ввиду исторической традиции в Кабарде предоставлять жеребцов для случки бесплатно.

Однако, такое об'яснение едва ли имеет под собой серьезную почву. Кабардинцы с охотой приводили своих кобыл к одному из тех же жеребцов—к англо-арабу, не останавливаясь перед расходом на гербовый сбор, и если получали от администрации конзавода почему-либо отказ с предложением дать другого жеребца, то уезжали обратно, отказываясь от чистокровных и высококровных производителей.

Теоретически рассуждая, наиболее подходящим контингентом производителей для кабардинских маток были бы жеребцы туркменских пород, родственные кабардинской породе по слагающим обе породы элементам. Однако, в Кабарде у многих сложилось почему то вполне определенное, категорическое предубеждение против туркменских пород. На помянутом с'езде 1922 г. и из других источников приходилось слышать, что достаточно будто бы продолжительный опыт метизации с туркменскими жеребцами был проделан в табунах Лафишева. Получавшееся потомство, по мнению кабардинцев, было тяжело под верхом и совершенно теряло свойственную кабардинским лошадям выносливость в езде. Если отбросить вполне вероятную неприспособленность этого потомства к перенесению невзгод суровой жизни на горных пастбищах, то остальные выводы настолько не согласуются с установившимся мнением о туркменских породах, что следовало бы предполагать

здесь наличность каких-нибудь частных причин. Может-быть, там были не чистопородные «туркмены», а полукровки с английской скаковой, может-быть, вообще были скверные производители или, наоборот, слишком рослые и т. д. Во всяком случае поставить вновь опыт с одной из туркменских пород не мешало бы.

Мы уже указывали, что в пределах Кабардино-Балкарской области имеется еще и горское отродье кабардинской лошади—это балкарская лошадь, ширококостая, малорослая, но могучая и прекрасная под вьюк. Нам думается, что горская лошадь нуждается только в улучшении в себе для того, чтобы разлить в массе достоинства, присущие лучшим ее представителям.

Косячное коневодство.

За последние годы косячное коневодство почти совершенно исчезло.

В настоящее время собственно в Кабарде осталось не более 30 косяков с числом от 15 до 250 маток в каждом.

В старину косячное коневодство, выросшее на почве бесплатного труда крепостных и на праве беспредельного пользования просторами кабардинских общественных пастбищ и сенокосов, было излюбленным занятием привилегированных сословий. Были косяки, насчитывавшие тысячи голов. В настоящее время все косячное коневодство является аульным, т. е. косяки составляются из лошадей, принадлежащих многим хозяевам по несколько штук каждому. Более или менее крупные косяки рядовых кабардинцев, насчитывающие несколько десятков маток (как например, косяк Танашева из быв. Коголкино), почти исчезли.

Общее число косячных маток сейчас неизвестно, но по поверхостным наблюдениям над проходившими на Зольские пастбища косяками можно думать, что их сохранилось от 3 ло 5 тысяч голов. Горские балкарские косяки в это число не входят. Число их пока неизвестно даже приблизительно, так как даже примерные подсчеты, производившиеся в Кабарде, совершенно не коснулись глухих ущелий Балкарии. Не затронула последних и Всероссийская с.-х. перепись 1922 года.

Основою для косячного коневодства служат Зольские и горные пастбища. Здесь пасутся ныне общественные аульные табуны,

составляемые почти в каждом селении ежегодно в апреле перед выходом на Золку из всех нерабочих лошадей. Малая Кабарда, имеющая почти только рабочих лошадей, Золкой и горными пастбищами давно уже перестала пользоваться, по крайне мере, в массе населения.

Как только окончится жеребение кобыл, в апреле, а в большинстве селений между 1 и 15 мая, составляется из общественных косяков обыкновенно один или несколько табунов, при чем на 1000 голов требуется не больше 4 табунщиков. Во главе становится обычно владелец наибольшего косяка, и табун трогается из аулов на Зольские пастбища. На Золке табуны находят очень высокие по своему качеству пастбища. Единственным минусом этого плоскогория можно посчитать довольно скудное орошение разветвлениями речки Золки и ее притоком Джиналкой. Споры из-за доступа к маловодным водопоям,—самое больное место коневодного хозяйства на Золке.

Многие скотоводческие селения находятся у самого Зольского плоскогорья, другие же, как например, юго-восточный угол Кабарды—находится от Золки в 80—85 верстах, и табуну требуется 4 дня, чтобы дойти, например, до Золки от Уруха. Малая Кабарда, находящаяся за Тереком, отстоит еще дальше; например, из Акбаша требуется табуну 4—5 дней, чтобы дойти до Золки. Малокабардинским табунам приходится, кроме того, преодолевать переправу через Терек у станицы Змейской. Если Терек бурен, то пользуются мостом у станицы Котляревской, и там не меньше неприятностей доставляют коневодам придирки лиц, от коих зависит пропуск табунов.

На Золке на пространстве около 26 тыс. десятин почти нет никаких поселений, *) и если проходившие раньше отары овец не потравили трав, то в течение 30—60 дней лошади достаточно отъедаются, после чего, между 1 июня и 15 июля, табуны трогаются выше в горы через Каменномостное (б. Кармово) по скотопрогонам по правую и левую сторону реки Малки. Постепенно поднимаясь, они почти достигают подножья Эльбруса. Здесь на горных паст-

*) В последние годы на Золке образован ряд новых поселков.
Ред.

бищах травы еще лучше, еще богаче белками, еще нежнее и ароматичнее, а местами так питательны, что склонные к гиперболам горцы сравнивают их даже с овсом. Под'ем, например, до высот Кинжала длится 40 дней, и обратный спуск вниз—от 20 до 22 дней.

В зависимости от традиций данного селения и от состояния кормов в данном году общий срок пребывания в горах колеблется между 40 и 75 днями. Большинство аулов к половине августа, а некоторые к 1—10 сентября возвращаются обратно на Золку. Здесь задерживаются недолго. Корма обыкновенно уже не бывает, и табуны остаются только 3—4 дня для отдыха. Однако, некоторые задерживаются иногда и на целый месяц.

К 1-му октября все косяки уже на плоскости, на юртовых землях. Однолошадники и вообще мелкие хозяева пасут своих лошадей осенью у себя на юртах, а владельцам более или менее значительных косяков приходится для этого специально снимать осенние отавы на юртах чужих аулов, но преимущественно у казаков. Из северозападных аулов пользуются для этого юртами станиц Зольской, Марьинской, Ново-Павловской (ныне Терского округа), а из юго-восточной группы (Урух и др.)—юртами станиц Змейской, Архонки, Ардонской (ныне Северо-Осетинской Автономной Области) и т. д.

Пастьба по осенним отавам происходит вплоть до декабря, когда косяки переводятся на сенное содержание, приблизительно на 3 месяца до 1 марта, а при поздней или сухой весне и до 1 апреля, если хватает сена.

Зимняя стоянка крупных косяков бывает на тех же участках, на которых заготовлялось и сено. С этой целью на арендованных коневладельцами покосах устраиваются зимовники, состоящие из плетневых базов. Для жеребцов устраиваются более теплые помещения. Такие зимовники часто встречаются по берегам Кич-Малки и Экипцоко. Некоторые табуновладельцы на самое холодное время зимы, на декабрь—январь, переводили жеребых кобыл из зимовников в предгорьях на Черную речку возле Нальчика, чтобы они не скинули от морозов.

К числу невзгод коневодства относится и опасность, грозящая лошадям от волков. Защитой от них служат жеребцы. Воспитанные на свободе, они опасны и для людей и для волков. Иногда

даже сам хозяин не рискует приблизиться к жеребцу, признающему только своего табунщика. Не смеют приблизиться и отдельные волки.

Из внутренних тормазов косячного коневодства самый важный сейчас—это отсутствие жеребцов. И раньше их недоставало. В силу этого нередко и в довоенное время в косяки попадали жеребцы малопригодные, а сейчас нередки случаи, когда косяк из хороших маток обслуживается простым крестьянским жеребцом. Все-таки и такие жеребцы могут обслужить не больше 20% всего состава. От 75 до 80% маток остается холостыми.

Если скромно считать, что в жеребцах нуждается только 2 тысячи косячных маток, то и тогда одно только табунное коневодство Кабарды нуждается в настоящее время не менее как в 80—200 жеребцах, которые не только способны были бы оплодотворить кобыл, но и служили бы улучшению породы в том или ином направлении.

Другим важным вопросом для косячного коневодства является регулирование порядка сдачи им сенокосных участков. Такие участки есть, и вопрос только в том, чтобы получение этих участков коневодами и кооперативами коневодов сделать настолько регулярным, чтобы хозяева не находились хронически в неведении—удастся им получить в данном году сенокос или нет.

Скачки. Резвость.

С мая 1922 года восстановились в Кабарде обычные скачки. Ежегодно бывает в Нальчике 2 скаковых дня, на Баксане один и в Малой Кабарде один. В среднем на скачках участвовало по 30—50 лошадей, пускавшихся 5—6 заездами. Первые весенние скачки приурочиваются всегда к Курбан-Байраму.

Владельцы 4—6 летних лошадей кабардинской породы всегда настаивают на большой дистанции—около 6 верст: только на этой дистанции они могут показать выносливость своих лошадей. Как уступка этому течению и введены четырехверстные дистанции. В старину особенное значение для отбора выносливой боевой лошади имели практиковавшиеся в Кабарде пробеги на 70—80 верст через всю Кабарду. И сейчас возник проэкт пробега верст на 50 из Малой Кабарды в Нальчик.

Скачки 1922 г. и даже 1923 г. для выявления резвости кабардинской лошади были мало показательны. На скачки приводились лошади после голодовки, не видевшие год или два кукурузного зерна. Для первого заезда в 1923 г. были приведены хилые на вид недомерки, двухлетки, вз'ерошенные и взятые, повидимому, из бороны или плуга. В заезде на 1½ версты был поставлен рекорд 1923 г.—2 минуты 11 секунд. В скачке на 4½ версты по неровной степи с неглубокими рытвинами в Дейском (М. Кабарда) поставлен рекорд 1923 г.—6 мин. 36 секунд (серый мерин «Абрек» 8 лет Ахметхана Богатырева).

К сожалению, скачки в Кабарде до сих пор остаются мероприятием, оторванным от системы других мероприятий по улучшению коневодства, и отмеченные на скачках экземпляры не служат к поднятию породы. Помянутый только что «Абрек», отличившийся и на скачках 1922 г., был тогда еще жеребцом, а на скачки 1923 г. явился уже мерином. Затем отличие на скачках служит к поднятию цены на животное, поэтому при наличии разных закупочных комиссий, такие животные быстро исчезают из Кабарды. Необходимо было бы скаковые призы выдавать в форме премий за сохранение, т. е. в рассрочку на 2—3 года с тем, что ежегодная выдача причитающейся части приза жеребцам выплачивается только по пред'явлении удостоверения от сельских исполкомов и участкового агронома или ветврача о покрытии этим жеребцом известного числа местных кобыл, а кобылам приз выдается по пред'явлении удостоверений о покрытии ее одобренным жеребцом, т. е. одним из получивших призы на скачках. Таким путем скачки, этот исконный обычай Кабарды, войдут неразрывным звеном в систему современных мероприятий по улучшению коневодства.

Сбыт лошадей.

Кабардинское коневодство издавна носило рыночный характер. Кабардинские кони экспортировались далеко за пределы Кавказа—в частности в Константинополь и в Россию. Еще запорожцы гордились черкесской лошадью и черкесским седлом. Последние, по словам историка, были хороши «в рассуждении отменной легкости и ловкости деревянных арчаков и прочности кожаных табеньков, служащих вместо чепрака». В последней четверти XVIII века в Став-

рольской крепости была особая конюшня для лошадей, отправляемых ко двору. Выкачивание всех лучших экземпляров кабардинской лошади продолжалось во все времена непрерывно, до последней войны включительно; катастрофических размеров оно достигло в период гражданской войны, когда угоняли лошадей массами. В небольших размерах оно продолжается и теперь.

Точно учесть рыночную продукцию коневодства мы не можем. Из отчета Нальчикского округа (без Малой Кабарды и Балкарии) за 1899 г. можно видеть, что за отчетный год была зарегистрирована продажа 3062 лошадей на сумму 176.405 р. В том числе было продано:

Строевых лошадей	1082 (из них 401 заводских.)
Рабочих	1980
Итого . . .	3062

За 1913 г. зарегистрирована продажа 4611 лошадей, на сумму 379.075 руб.

Из них: Строевых . . .	1115	на сумму	138.120 руб.
Рабочих . . .	3496	»	183.625 руб.

Таким образом, за 14 лет, с 1899 до 1913 г., к началу мировой войны валовая доходность промысла не упала, но возросла, если только это возрастание не относится к большей тщательности учета сделок.

Некоторый интерес представляет распределение продажи лошадей по отдельным селениям. В среднем на одно селение в 1913 г. было продано лошадей на 10.109 руб., из них на 5510 рублей строевых и на 4599 рублей рабочих (не считая Малой Кабарды, сведения о которой нами получены суммарно).

Выше этой суммы продано было в следующих селениях:

Строевых:	Рабочих:
1) Атажукино I (Заюковское)	1) Атажукино II (Кызбурун)
2) Атажукино II (Кызбурун I)	2) Кучмазукино (Ст. Крепость)
3) Касаево (Баксаненок)	3) Касаево (Баксаненок)
4) Аргудан	4) Иналово (Карагач)
5) Бабуково (Сармаково)	5) Аргудан
6) Коново (Куркужинское)	6) Наурузово (Кызбурун II)
7) Ашабово (Малка)	7) Бубуково (Сармаково)

Строевых:	Рабочих:
8) Коголкино (Урух)	8) Наурузово (Кызбурун II)
9) Джанхотово (Псыгансу)	9) Хасаут
	10) Джанхотово (Псыгансу)
	11) Кармово (Каменномостное)

Распределение мест продажи не всегда, конечно, соответствует местам происхождения лошадей. Очень возможно, что сосредоточение продажи в прималковских селениях—Псыхурей, Баксаненок, Карагач—просто вызвано близостью казачьих станиц, откуда являлись ремонтеры-покупатели. В частности, это особенно относится к Псыхурею, где жил владелец самого большого в Кабарде Лафишевского табуна; он же был, вероятно, и контрагентом по перепродаже русским ремонтерам кабардинских лошадей из более глухих отдаленных аулов. Владельцы крупных табунов были обычно в то же время и поставщиками для казачьих и кавалерийских частей, предварительно скупая по Кабарде очень дешево 4—5 летних лошадей, достигших роста 1—2 вершков.

Овцеводство.

Кабарда, пользуясь терминологией *А. Н. Челинцева*, должна быть названа страною «многоовечей». Даже в 1922 году, когда после пережитых невзгод почти все овцеводство пошло под нож, в ней на 100 голов крупного рогатого скота (без волов) приходилось 225 овец и коз.

В 1916 году их должно было быть значительно больше; однако, регистраторы переписи учитывали, повидимому, только овец, находившихся во дворах, забывая многочисленные отары, находившиеся в момент переписи на Зольских пастбищах, и потому в 1916 г. на 100 голов крупного скота было насчитано только 130 овец. Цифра явно преуменьшенная.

Сопоставляя нашу цифру 1922 года (тоже, разумеется, преуменьшенную) с данными 1916 года по Европейской части СССР, мы увидим, что для центральных губерний нормальным количеством овец было 8—77 штук, а на востоке 185—275 штук на 100 голов крупн. рог. скота. Таким образом, на ряду с восточны-

ми степными районами, Кабарда бесспорно принадлежит к «многоовечим» областям.

Тонкорунной овцы в Кабарде нет. За очень незначительными исключениями Кабарда населена грубошерстой курдючной овцой «карачаевского отродья», характерного черной мастью и белым хвостиком с курдюком, со средним весом туши около 50—65 ф. Баранья туша весит 60—80 фунтов. Из других пород изредка попадается белая «тушинская» овца.

Кабардинцы в шутку называют свинью «русским барашком». В этом каламбуре кроется серьезное определение экономической роли овцы в кабардинском хозяйстве. Если свинья обслуживает натурально-мясное довольствие русской крестьянской семьи, то служебная роль овцы в Кабарде еще шире и еще значительнее. Это животное овчинно-шерстно-мясо-сальное, другими словами, оно обслуживает решительно все нужды населения в продуктах животноводства, кроме потребности в молоке. Овцы в Кабарде не доятся, зато овца дает сукно для бурки, одежды и летней шляпы, овчину для шубы и папахи, мясо и курдючный жир, на котором жарят пищу, готовят печенья из муки и т. д.

Изменения численности овец в Кабарде по годам были следующие:

Год	Всего овец	На 100 душ населения
1867—68	850.000	1572
1889	271.153	500
1913	282.216	276
1914	272.991	257
1917	198.516	177
1922	178.250	137 без русск. селен.

Если откинуть сомнительные цифры 60-х годов, то из таблицы явствует, что до начала войны овцеводство, если и не рос-

ло заметно, то и не падало по абсолютному своему значению; но значение его относительно роста населения падало от года к году.

По данным переписи 1917 года разделение овец по полу и возрасту было таково:

Баранов . . .	16,4%
Маток	58,3 »
Валухов . . .	5,3 »
Ягнят	20.0 »

Процент маток не чрезмерно высокий. На юго-востоке он бывает и выше—от 65 до 90%. Это характеризовало бы, пожалуй, переход от экстенсивного ведения дела к более интенсивному с повышенной плодовитостью маток, если бы мы не имели здесь дела с нехарактерным годом, когда истребление овец пошло уже полным ходом. В связи со сказанным осторожнее воздержаться от каких-либо выводов по данным 1917 года.

Интересно и существенно проследить, как размещается овечье поголовье по территории Кабарды—где оно гуще сосредоточено и где реже. Понятие об этом дает количество овец и коз на 1 двор, на 100 душ населения и на 100 голов крупного рогатого скота. В виду особого значения овцеводства приведем поселенные данные (см. табл. на след. стр.).

Таблица эта подтверждает высказанное нами выше мнение о значительной преуменьшенности данных переписи 1916 г. вследствие недоучета овец, находившихся на пастбищах. Это видно из того, что в огромном большинстве случаев абсолютные цифры 1916 г. ниже таковых же 1922 г., в то время как для Малой Кабарды, обычно не угонявшей или почти не угонявшей овец на горные пастбища, цифры 1916 г. оказываются выше цифр обследования 1922 г. В Каменномостном показано 9388 голов овец, между тем в 1916 г. их было там около 20 тысяч голов и т. д. Цифры выборочного обследования 1922 г. в общей сводке по области дали для овец очень близкую к истине цифру.

При происшедшем за истекшие 33 года значительном сокращении численности овец оказывается, тем не менее, ряд селений, увеличивших количество овец. Вот эти 11 селений.

Увеличили овцеводство в период 1889—1916 г.г.: 1) Сармаково (Бабуково), 2) Заюковское (Атажукино I), 3) Кызбурун I

Название селений	Число голов овец и коз			На 100 голов крупного скота овец и коз		Овец и коз в 1922 г.	
	1889	1916	1922	1916	1922	На 1 двор	На 100 душ
Малка (Ашабово) . .	11085	8823	—	118	—	—	247
Сармаково (Бабуково) . .	6910	12111	14010	205	288	19,2	259
Каменномост. (Кармово) . . .	9754	9388	12690	175	270	17,6	296
Залукокоаже (Абуково) . . .	—	4527	2170	319	263	13,6	175
Ст. Крепость (Кучмазукино) .	7429	1957	1490	52	50	2,6	40
Псыхурей (Лафишево) . .	11010	3831	1020	197	75	3,8	58
Куба (Атажук. III) .	9896	7391	3390	201	136	6,6	114
Заюковское (Атажук. I) . .	8999	11955	27670	164	453	3,9	441
Кызбурун (Атажукино II)	5000	5912	4250	123	154	8,6	116
Кызбурун III (Тамбиево I) . .	4334	5516	3420	97	147	4,8	67
Кызбурун I (Наурузово) . .	7589	11086	6030	215	180	7,6	116
Куркужин. (Коново) . . .	15964	19507	12220	268	328	19,9	272
Кишпек (Тыжево) . . .	4211	1300	2230	73	149	6,7	109
Баксаненок (Касаево) . . .	16860	6998	3570	112	180	6,4	115
Карагач (Иналово) . . .	19126	6960	2980	219	196	4,9	96
Чегем I (Куденетово I) .	8410	5464	10250	98	228	18,6	267
Чегем II (Куденетово II)	6005	4407	2890	117	124	7,3	91
Лечинкая (Тахтамышево) .	762	4366	960	273	92	4,8	72

Название селений	Число голов овец и коз			На 100 голов крупного скота коз и овец		Овец и коз в 1922 г.	
	1889	1916	1922	1916	1922	На 1 двор	На 100 душ
Ст. Черек (Докшоков.) . .	6022	4350	620	101	20	1.3	19
Кахун (Докшукино) . .	8861	3191	3480	106	153	8,1	146
Урвань (Мисостово) . .	3415	3417	3070	92	156	11,4	139
Алтуд (Тамбиево II) .	11600	5796	4280	154	188	9,5	143
Аушигер (Догужоково) . .	2680	1730	3340	58	278	9,5	150
Нартан II . .	4060	10799	3130	143	194	5,9	180
Вольный . .			1530			10.2	153
Кенже (Кошероково) .	2676	2962	1623	92	111	6,4	122
Шалушка . .	3320	8433	7540	154	200	15,7	234
Жемтала (В. Кожоково) .	873	1242	2110	58	57	7,8	113
Урух (Коголкино) . .	4894	1161	3240	149	181	6,1	109
Ст. Урух (Хату-Анзор.) .	7162	1009	3740	134	229	10,5	176
Ст. Лескен (Кайсын-Анзор).	9748	6668	6820	181	180	6,8	108
Псыгансу (Джанхотово) .	10298	6641	3380	40	83	4,8	79
Аргудан . .	4224	2372	3330	46	125	4,5	76
Н. Черек (Н. Кожоково) .	3906	2824	3820	54	153	8,4	137
М. Кабарда:							
5 северных сел.	—	11171	4480	70	140	2,2	43
5 южных сел. .	—	7906	7890	52	120	3,7	61

(Атажукино II). 4) Кызбуруи III (Тамбиево I), 5) Кызбуруи II (Наурузово), 6) Куркужин (Коново), 7) Лечинкая (Тахтамышево), 8) Нартан, 9) Кенже (Кошероково), 10) Шалушка и 11) Жемтала (В. Кожоково).

Если сравнить 1889 г. с 1922 г., то список селений несколько меняется. Увеличили овцеводство в период 1889—1922 годов: Сармаково, Заюковское, Лечинкая, Нартан, Шалушка, Жемтала, Каменномостное, Чегем I и Аушигер.

Отберем теперь селения, имевшие в 1922 г. (1916 г. совершенно не заслуживает доверия) на 100 голов крупного рогатого скота больше 200 голов овец. Цифра эта взята, как довольно обычная в хозяйстве мера соотношения: две овцы на одну голову крупного скота. Мы увидим, что список отобранных таким образом селений в значительной части совпадает с только что приведенным списком. Некоторые исключения об'ясняются либо случайным выпадением (например, Абуково в 1886 г. не входило в Нальчикский округ), либо несомненной ошибкой в данных переписей.

Многоовечие селения.

Свыше 200 овец на 100 гол. круп. скота.

Название селения	Овец и коз на 100 голов крупного скота.	Овец и коз на 100 душ населения.
1) Малка	?	247
2) Сармаково	288	259
3) Залукокоаже	263	175
4) Каменномостное . .	270	296
5) Заюковское	453	141
6) Куркужинское . .	328	272
7) Чегем I	228	267
8) Аушигер	278	150
9) Ст. Урух	229	176

Малоовечие селения.

Менее 150 овец на 100 г. крупн. рогат. скота.

Название селений	Овец и коз на 100 голов крупного скота.	Овец и коз на 100 душ населения.
1) Малая Кабарда		
Северная часть	140	42
Южная часть	120	61
2) Предлесные и лесные селения . .		
Лечинкая	92	72
Кенже	111	122
Псыгансу	83	79
Жемтала	57	113
Аргудан	125	76
Чегем II	124	91
Ст. Черек	20	19
Степные и прималкинские		
Куба	136	114
Псыхурей	75	58
Ст. Крепость	50	40
Кишпек	149	109
Малка	96	94

Селения, не вошедшие в обе эти группы, составляют переходную группу.

Многоовечая группа, действительно, совпадает со значительной частью списка селений, количественно прогрессирующих в овцеводстве.

Мало того, многоовечие и малоовечие районы находятся в соответствии с районами многопосевными и малопосевными. В многопосевных районах овца вытеснена (М. Кабарда, Малка), ее там мало; наоборот, малопосевные районы овцой богаты: (Каменномостное, Сармаково и др.).

Исключение составляет группа лесных предгорных и предлесных селений: Жемтала, Лечинкая, Кенже и др. Эти селения и малопосевные, и малоовечие. От северо-западного предгорного же, но многоовечего района (Каменномостное, Сармаково и др.) эта лесная группа отличается наличностью леса и лесных промыслов и, пожалуй, недостатком хороших пастбищ. Кроме того, может-быть, здесь играет некоторую роль дистанционный признак: северо-западная многоовечая группа вся расположена близ Зольских пастбищ и смежно с горными пастбищами. Наоборот, малоовечая предгорная группа занимает первое после Малой Кабарды место по дальности расстояния от Зольских и горных пастбищ. На следующей странице дается таблица расстояний до пастбищ многоовечей и малоовечей групп.

Трудно, однако, настаивать на безусловном значении дистанционного признака, имея ряд указаний на довольно слабую роль этого фактора в ряду других более сильных факторов. Куба, Псыхурей и Кызбурун II, отстоя тоже довольно близко от пастбищ (12, 15 и 20 верст), тем не менее овец не разводят в большом количестве. Эти три селения многопосевные, и плуг здесь давно уже выбил овцу. Точно также Аушигер и Ст. Урух отстоят от пастбищ далеко и в то же время сравнительно богаты овцой.

Чтобы закончить вопрос об условиях размещения массы овец по территории Кабарды, укажем еще на одно обстоятельство. Просматривая цифры абсолютного количества овец в 1889 году, мы обратили внимание на то, что значительная масса овец сосредоточивалась тогда в другой части области—в средней ее части, особенно по Малке. Выделялось тогда Иналово, н. Карагач, с 19 тысячами овец (теперь только 2980). В материалах 1889 г. в примечаниях к цифрам Иналово говорится даже, что Иналово населено овцеводами и хлебопашцами, вырабатывающими от 3 до 6 тысяч рублей на семью. В настоящее время Карагач занимает одно из самых последних мест в области по обеспечению овцами, точно

Название селений	Овец на 100 голов крупн. рог. скота	Верст от пастб.
Многоовечий предгорный район.		
Заюковское	453	20
Куркужинское	328	10
Сармаково	288	0
Каменномостное	270	0
Залукокоаже	263	0
Аушигер	278	63
Ст. Урух	229	80
Малоовечий предгорный район.		
Ст. Черек	20	63
Жемтала	57	87
Псыгансу	83	70
Лечинкая	92	40
Кенже	111	54
Аргудан и т. д.	125	70

также как и все прималкинские и степные аулы. Между тем общее количество овец по области очень мало уменьшилось. Что это значит? Это значит, что овцеводство за этот период не уничтожилось, но переместилось в другие районы. Овца ушла, теснимая плугом, из степных районов расширяющейся запашки в предгорья—в районы, еще не распаханные, богатые каменистыми абсолютными пастбищами.

На прилагаемой картограмме нанесены районы овцеводства.

Каковы же признаки рыночности этой отрасли хозяйства и где располагаются районы рыночного овцеводства?

Кабардинское овцеводство несомненно имеет рыночный характер. Правда, по железнодорожным погрузкам этого не учесть. Овцы обычно скупались непосредственно на пастбищах, на переправах на Малке и большими партиями угонялись не только на Минеральные Воды, но даже в Баку и Тифлис. В каком точно количестве это происходило—сказать трудно. Отдаленное представление об этом могут, пожалуй, дать не раз цитированные нами официальные отчеты Нальчикского Округа.

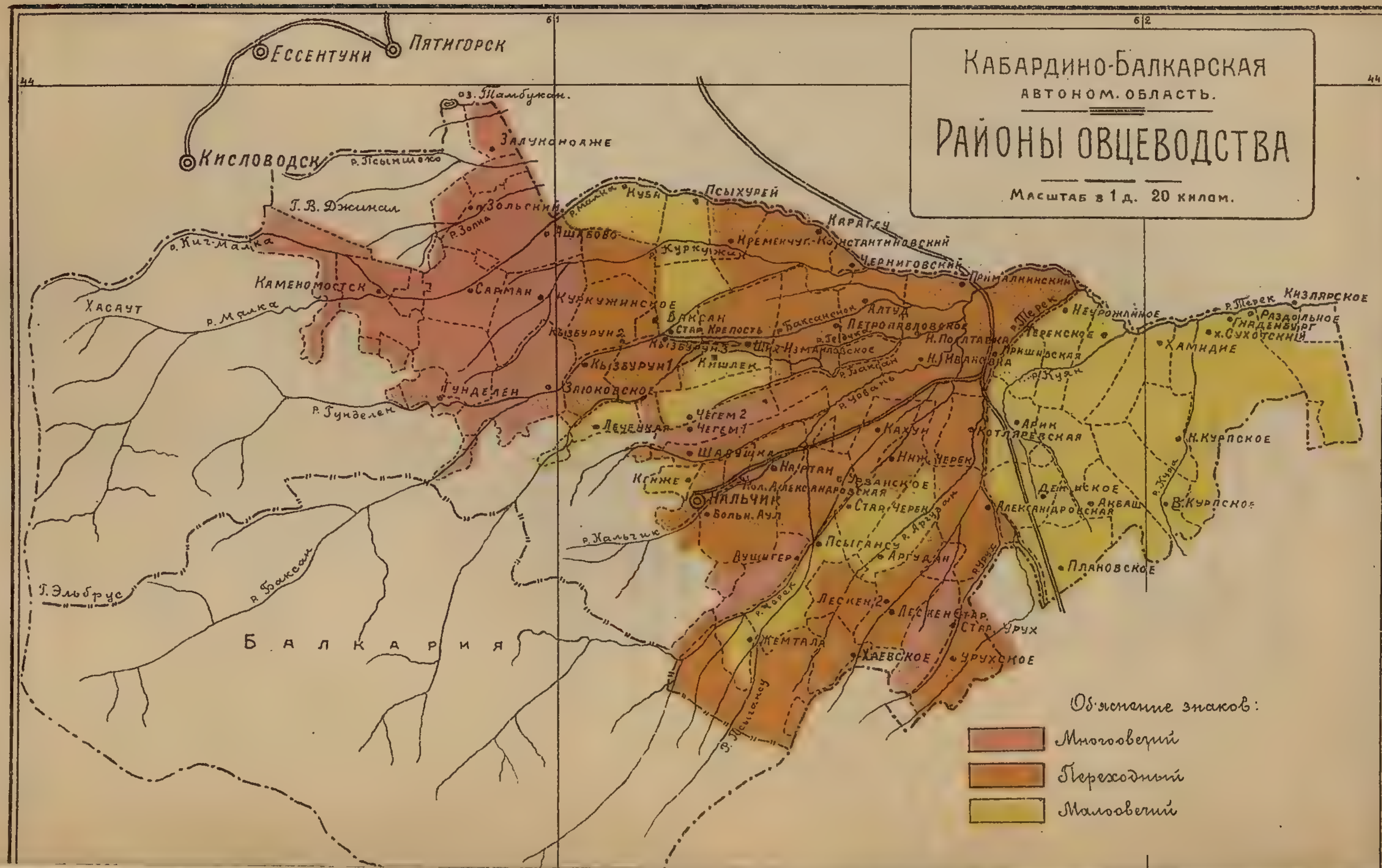
В 1913 году было продано мелкого скота 27.055 штук на сумму 179.615 руб. (без Балкарии). Цифры эти, вероятно, сильно преуменьшены против действительности. Кроме того, разумеется, что продажей овец не ограничивается весь доход от овцеводства. Продаются обычно только яловые овцы 3-5 лет, до достижения же этого возраста овца приносит неизменный доход шерстью и ягнятами, а после убоя—овчиной и курдючным салом. Шерсть перерабатывается на сукно, на бурки и шляпы, имеющие некоторый сбыт и занимающие своим изготовлением довольно много рабочих рук.

Вот приблизительный подсчет доходности местной овцы:

Шерсти (от 1 ф. в малоовечьем районе до 6 ф. в Кармове) в среднем $3^1/_2$ фун. по 50 коп.	1 р. 75 к.
Один ягненок весом 20 ф. по 15 к. . . .	3 р. — к.
Шерсть ягненка $^1/_8$ ф.	— 25 к.
Шкурка ягненка	— 80 к.
$^1/_5$ от стоимости туши овцы	1 р. 50 к.
Итого годовой приход . .	7 р. 30 к. зол.

Расход на овцу: соли 10 фун.—7 коп., воз сена на зиму (35 пуд.)—2 руб., уход—28 коп. Итого 2 р. 35 коп. Чистый доход 4 р. 95 коп.

Разумеется, что доходность овцы сильно варьирует не только по районам, но и внутри селений в зависимости от размера предприятия. В многоовечем предгорном районе, например, жители указывали, что овцеводство у них сокращается в силу дороговизны



Кабардино-Балкарская
автоном. область.
Районы овцеводства
Масштаб в 1 д. 20 килом.
Объяснение знаков:
Многоовечий
Переходный
Малоовечий
Кисловодск
Ессентуки
Пятигорск
оз. Тамбукан.
Залукоконаже
р. Псыншоко
Г. В. Джинал
Зольский
р. Зольна
Ашабово
Кuба
Псыхурей
Каратеу
Кременчуг.-Константиновский
Черниговский
Прималкинский
р. Терек
Кизлярское
Раздольное
Гнаденбург
х. Сухотский
Хамидие
Неурожайное
Терекское
Прохладная
Котляревская
Арик
Н. Курпское
В. Курпское
Деткое
Аквашевская
Александровская
Плановское
Курkужин
Куркужинское
Баксан
Стар. Крепость
Баксаненок
Алтуд
Петропавловское
Н. Полтавка
Н. Ивановка
Шит. Измайловское
Кызбурун 1
Кызбурун 2
Кызбурун 3
Кишпек
Злюковское
Сарман
Каменомостск
р. Кич-Малка
Хасаут
р. Малка
Гунделен
р. Гунделен
Чегем 2
Чегем 1
Лечинкая
Шалушка
Кахун
Ниж. Черек
Нартан
Кол. Александровская
Урванское
Стар. Черек
Кенже
Нальчик
Больш. Аул
р. Нальчик
Псыгансу
Аргудан
Вушигер
Лескен 2
Лескен
Стар. Урух
Жемтала
Хаевское
Урухское
Г. Эльбрус
р. Баксан
Балкария

ухода при малом количестве овец, а большие отары содержать негде—пастбищ не хватает. Таким образом, расходы на овец в малоовечем районе велики, а доходы малы, так как овца там менее продуктивна, да и средний вес туши меньше. В многоовечем же районе овца и крупнее и шерстнее.

В общем все же нужно думать, что общая доходность кабардинского овцеводства достигала одного миллиона рублей золотом.

Могут ли приведенные нами выше цифры плотности овечьего поголовья служить каким-нибудь показателем районов рыночности? Если бы мы знали, какое количество овец нужно иметь на двор или на 100 душ, чтобы удовлетворить все запросы семьи в одежде и пище, тогда, по количеству овец на 100 душ, мы могли бы сказать, имеет ли население сверх собственных потребностей излишки овец и продуктов овцеводства для отчуждения их на рынок. К сожалению, бюджет населения нам неизвестен. Предположительно, с большой вероятностью, мы можем сказать, что малоовечий район удовлетворяет, вероятно, потребительские нужды населения, а многоовечий дает избытки и для рынка, хотя, вероятно, шире удовлетворяет и свои потребности в продуктах овцеводства.

В отношении техники овцеводства особенно характерно летнее пастбищное полукочевое содержание овец. В этом приеме сконцентрировался многовековой опыт кабардинского овцеводства, на почве этого приема сложился ряд обычаев и хозяйственных отношений, но мы ему не посвящаем в своей работе должного внимания, т. к. вопросу горных пастбищ посвящается специальная работа в «Трудах по обследованию Кабарды».

IV. ИНТЕГРАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ.

Нами был рассмотрен целый ряд районообразующих признаков. Произведя учет количественного выражения этих признаков в разных селениях, мы получили картины районов по величине засева на едока, по размеру применения волов и лошадей, по степени внедрения новых культур и по степени важности этих культур, по сравнительному значению скотоводства и земледелия и т. д. Однако, эти специальные районы по одному признаку являются только материалом для выделения хозяйственных районов по совокупности всех признаков вместе взятых—районов интегрирующих вместе эти признаки.

Сохраняя все те признаки, которыми мы пользовались в предыдущем изложении специальных районов, мы получили бы слишком значительное число очень мелких интегральных районов, поэтому для интегрального районирования нужно выбрать самое ограниченное число наиболее существенных признаков. Признаки-предпосылки (естественно-исторические и экономические) можно было бы для интегрирования вовсе отбросить, так как факторы, лежащие в основе этих признаков, неизбежно повторяются в дальнейших производных признаках, с которыми они находятся либо в прямом, либо в обратном отношениях. Из этой группы признаков необходимо оставить главным образом те, которые характеризуют род продукта, идущего на рынок, так как это по преимуществу и определяет тип хозяйства.

В отобранных таким образом признаках нужно сократить число интервалов. На картограмме обеспечения едока посевом, например, мы пользовались пятью интервалами. Достаточно оставить только три интервала: 1) ниже 0,2 дес., 2) от 0,2 до 0,7 дес. и 3) свыше 0,7 дес. В противном случае число интегральных районов будет высоко до пестроты, лишающей картину районов интересующей нас схематической четкости.

Мы останавливаемся на следующих необходимых признаках, число которых считаем достаточным (см. табл. на след. стр.).

Признаки	Интервалы.	Условные знаки.
I. Промысловость. .	1. Выше 10% дворов с промыслами.	$а^1$
	2. Ниже 10% двор. с промысл.	$а^2$
II. Количество посева на едока.	1. Селения многопосевные, свыше 0,7 дес. на душу. . .	$в^1$
	2. Селения средне-посевные, от 0,2 до 0,7 дес. на душу. .	$в^2$
	3. Селения малопосевные, ниже 0,2 дес. на душу	$в^3$
III. Сложение и степень внедрения новых культур в полеводстве (кроме проса и кукурузы)	1. Пшеница и др. свыше 30%.	$с^1$
	2. Подсолнух » » 30%.	$с^2$
	3. Пшеница-ячмень и др. свыше 30%	$с^3$
	4 Картофель и др. свыше 20%.	$с^4$
IV. Садоводство. . .	1. Выше 20% дворов с садами.	$д^1$
	2. Ниже 20% дворов с садами.	$д^2$
V. Размеры применения волов. . . .	1. На 100 лошадей свыше 150 волов.	$е^1$
	2. На 100 лошадей ниже 150 волов.	$е^2$
VI. Значение крупного рогатого скотоводства.	1. На 100 дес. посева коров 150 и больше.	$к^1$
	2. На 100 дес. посева коров меньше 150 голов	$к^2$
VII. Направление скотоводства. . .	1. Мясное-рыночное: на 100 коров свыше 55 голов молодняка старше года. . . .	$т^1$
VIII. Роль овцеводства.	1. Селения многоовечие. Больше 200 овец на 100 голов рогатого скота.	$о^1$

Воспользуемся теперь довольно практичным способом разметки селений по признакам и интервалам, употребленным, между прочим, *Н. П. Никитиным* при районировании им Московской губернии *). Для этой цели служат условные знаки а, в, с и т. д., помещенные нами в только что приведенной таблице. Размечая этими условными знаками все селения на основании данных предыдущих глав, мы получаем некоторые группы селений, в которых все 8 признаков совпадают, в других совпадают не менее 5—6 важнейших признаков, а остальные 2—3, если и разнятся в силе своего выражения, то настолько немного, что могут быть присоединены к смежным районам. Например, Н. Черек отличает от Ст. Черека по трем признакам—посеву, проценту инородных культур и роли волов, но посев на душу, бывший в Н. Череке в 1913 г. значительным (1,1 д.), совершенно сравнялся к 1922 г. с группой Кахуна (0,29), Ст. Черека и др.; процент инородных культур, равнявшийся нулю, дошел к 1923 г. до 28,4%, отличаясь от взятого нами интервала (30%)—только на 1,6%—разница слишком малая, чтобы по такому формальному соображению отказаться от соединения Н. Черека со Ст. Череком в один район. Остается одно отличие—волы продолжают играть в Н. Череке большую роль, чем в остальных селениях района—различие, которое сгладится, может-быть, очень скоро.

Точно такие же допущения при разнесении по районам пришлось сделать в отношении Ашабова, Кахуна и Кызбуруна I. Сочетания хозяйственных признаков даны в табл. на стр. 169.

Во избежание излишней пестроты, три района, находящиеся в предлесной полосе, мы соединили в один IV-й район, разбив на три подрайона: IV, IVа и IVб. Два степных, один многопосевный, другой среднепосевный, мы соединили также в один район из двух подрайонов V и Va. Всего получилось, таким образом, шесть районов. Предгорная полоса Кабарды оказалась разрезанной на три части: сев.-зап. безлесная (I район), центральная многолесная (II) и ю.-вост., также лесистая (III район). Степь вошла в V и VI районы. IV район—переходный между предгорьями и степью

*) *Н. П. Никитин.*—С.-хоз. районы Московской губ. (Труды Высш. сем. по с.-х. экономии и политике при Петровской с.-х. академии). М. 1921 г

Название селений.	Разметка	Район	Примечание
1. Сармаково (Бабуково).	$a^2в^3д^1е^1т^1о^1к^1с^4$	I	
2. Каменномост.(Кармово)	$a^2в^3д^1е^1т^1о^1к^1с^1$	I	
3. Куркужин (Коново) .	$a^2в^3д^1е^1т^1о^1к^1с^1с^2$	I	
4. Заюковское (Атажукино I).	$a^1в^3д^1е^1т^1о^1к^1с^2$	I	
5. Малка (Ашабово) . .	$a^2в^3д^2е^1т^1о^1к^2с^2$	I	Тяготеет к степному району.
6. Лечинкая (Тахтамышево)	$a_1в^3с^1д^2е^1к^1$	II	
7. Кенже (Кошероково) .	$a^1в^3с^1д^2е^1к^1т^1$	II	
8. Жемтала (Верхн. Кожоково)	$a^1в^3д^1е^1к^1$	II	
9. Ст. Лескен (К. Анзорово)	$a^1в^1с^1д^2е^2к^1т^1$	III	
10. Ст. Урух (Хату-Анзорово)	$a^1в^1с^1д^2е^2к^2о^1$	III	
11. Урух (Коголкино) . .	$a^1в^2с^1д^2е^2к^2$	III	
12. Аргудан	$a^1в^2с^1д^1е^2к^2$	IV	
13. Нартан (Клишбиевское)	$a^1в^2с^1д^1е^2к^2$	IV	
14. Шалушка	$a^1в^2с^1д^1е^2к^2$	IV	
15. Псыгансу (Джанхотово)	$a^1в^2к^1т^1д^1е^1$	IVа	
16. Урвань (Мисостово) .	$a^1в^2к^1т^1д^2е^1$	IVа	
17. Чегем I (Куденетово) .	$a^1в^2к^1т^1д^1е^2о^1$	IVа	
18. Аушигер (Догужоково).	$a^1в^3с^1д^2е^1к^2т^1о^1$	IVб	
19. Ст. Черек (Докшоково)	$a^1в^3с^1д^2е^1к^2т^1$	IVб	
20. Н. Черек (Н. Кожоково)	$a^1в^1д^2е^2к^2$	IVб	
21. Кахун (Докшукино) .	$a^2в^2с^1д^2е^1к^2т^1$	IVб	

22. Исыхурей (Лафшиево)	$a^2в^1с^2д^2е^2к^2т^1$	V	
23. Карагач (Ишалово) . .	$a^2в^1с^2д^2е^2к^2$	V	
24. Баксаненок (Касаево) .	$a^2в^1с^2д^2е^2к^2т^1$	V	
25. Ст. Крепость (Кучмазукино)	$a^2в^1с^2д^1е^2к^2$	V	
26. Кызбурун II (Науруzово)	$a^2в^1с^2д^1е^2к^2т^1$	V	
27. Чегем II (Куденетово)	$a^1в^1т^1д^1е^2к^2т^1$	V	Тяготеет к типу III района.
28. Залукокоаже (Абуково)	$a^2в^2с^2д^1е^2к^2т^1о^1$	Va	
29. Куба (Атажукино 3-е) .	$a^2в^2с^2д^2е^2к^2$	Va	
30. Кишпек (Тыжево) . .	$a^2в^2с^1д^2е^2к^2$	Va	
31. Алтуд (Тамбиево II) .	$a^2в^2с^1д^2с^2к^2т^1$	Va	
32. Кызбурун III (Тамб. I)	$a^2в^2с^2д^2с^2к^2т^1$	Va	
33. Кызбурун I (Атажук. II)	$a^2в^3с^2д^1е^1к^2т^1$	Va	Тяготеет и к I району.
34. Малая Кабарда (10 селений)	$a^2в^1с^3д^2е^2к^2$	VI	

На прилагаемой картограмме нанесены указанные интегральные районы.

Теперь мы перейдем к краткому описанию отдельных районов.

Характеристика районов.

I. Северо-западный предгорный безлесный.

Малопосевный, многоскотный, многоовечий, с резким и решительным перевесом скотоводства над земледелием, садовый (слива), воловий, картофельный.

25 тысяч жителей, 60 тысяч десятин. Пять селений: Каменномостное, Сармаково, Куркужинское, Заюковское и Малка.

Тип хозяйства в районе представляет ряд переходов между двумя крайними членами этого ряда: между высокогорным Камен-

Кабардино-Балкарская
автоном. область.
Хозяйственные (интегральные)
районы.
Масштаб в 1 д. 20 килом.
Условные знаки:
I Предгорный безлесный.
II Предгорный многолесный.
III Предгорный юго-восточный.
IV Предлесный
IV а "
IV б "
V Степной многопосевный
V а Степной среднепосевный
VI Малая Кабарда
Обществ. Кабардинский лес.
Горные пастбища.
Ессентуки
Пятигорск
Кисловодск
оз. Тамбукан.
Залуконоаже
р. Псыншоко
Г. В. Джинал
р. Зольский
р. Золка
р. Кич-Малка
Каменомостск
Хасаут
р. Малка
Сарман
Куркужинское
Ашабово
Кубк
Псыхурей
Карагач
Кременчуг.-Константиновский
Черниговский
Прималкинский
Баксан
Стар. Крепость
Кызбурун 2
Кызбурун 3
Кызбурун 1
Кишлек
Шиз Измайловское
Петропавловское
Н. Полтавка
Н. Ивановка
Прищибская
Терекское
Неурожайное
Хамидие
Кизлярское
Раздольное
Гнаденбург
х. Сухотский
р. Терек
р. Куян
Гунделен
Заюковское
р. Гунделен
Чегем 2
Чегем 1
Леченкая
Шадушка
Кейже
Нальчик
Больн. Аул
Нартан
Кол. Александровская
Урванское
Стар. Черек
Кахун
Ниж. Черек
Котляревская
Арик
Н. Курпское
В. Курпское
Дежинское
Акбаш
Александровская
Плановское
р. Нальчик
Аушигер
Псыгансу
Аргудан
Лескен 2
Лескен Стар.
Стар. Урух
Жемтала
Хаевское
Урухское
р. Урух
р. Черек
р. Псыгансу
Балкария
44
61
62

номостным и почти степной Малкой, присоединенной нами сюда по смежности. Если первое в полеводстве представляет собой типичное картофельное хозяйство, а Малка и Заюковское испытывают влияние подсолнечных районов, то оба эти влияния равно сказываются в Куркужинском, культивирующем картофель и подсолнечник. Несмотря на присоединение Малки, колебания между отдельными селениями в силе выражения отдельных признаков невелики. Размер посева на душу во всех селениях в 1913 г. колебался от 0,2 до 0,3 дес. на едока, кроме одного Каменномостного, где был 0,15 (1922 г.) и даже 0,5 (1913 г.). Кроме Малки-Ашабова, остальные четыре селения имеют от 20 до 100% дворов с садами, при чем Каменномостное, Сармаково и Куркужин представляют собой специально сливяной район.

Что выделяет этот район из всей предгорный полосы—это его абсолютная безлесность, лишающая население соответственных предгорьям промыслов, но зато очищающая огромную территорию горных и Зольских пастбищ, которые непосредственно граничат со всеми аулами района.

Скотоводство здесь явно и сильно преобладает. На 100 дес. посева приходится от 150 до 400 коров, а в Каменномостном, до уничтожения сыроваренных заводов, приходилось даже 2054 коровы на 100 десятин посева. Из отраслей скотоводства сильно выражено мясное направление. Процент молодняка старше года по отношению к коровам составляет от 57 (Каменномостное) до 93 (Куркужинское). В Каменномостном вместе с тем есть предпосылки и для молочно-рыночного направления: хотя процент коров в стаде и не велик, структура стада мясная, но количество скота абсолютно так велико, что все-таки коров приходится 110 голов на 100 душ населения. Цифра небывалая для РСФСР, да и для Кабарды.

Нужно думать, что все будущее этого района в сыроварении и маслоделии, а отчасти и в молочно-племенном направлении, на высокогорных участках. До войны здесь функционировало 5 сыроваренных заводов—Бландовых, Губарева и др., в 30 верстах находится Кисловодск, питающийся маслом привозным из Сибири и сыром из Центральной России. Несомненно, что Минеральные Воды поглотили бы всю масляную продукцию этого района и значительную долю сыроваренной. Вслед за проявлением интереса к удой-

ливости скота можно было бы повести и улучшение молочного скота. Сейчас до восстановления заводов эта работа не имела бы никакого успеха.

Другая отрасль, имеющая будущее, это садоводство. В обмен на его продукты население этого малопосевного района получает из казачьих станиц муку. Производство опытов с коммерческой сушкой чернослива необходимо.

Необходимо также дать более легкий выход на рынок картофелю. Либо сушка и др. переработка его, либо организация кооперативного сбыта, что освободило бы ту часть труда, которая затрачивается населением сейчас на поездки с картофелем на базары и по станциям Терского округа, и позволила бы расширить посевы, оставляя излишек осеннего труда для скотоводства.

II. Многолесный центральный предгорный район.

Малоскотный, малоовечий, с намечающимся перевесом хозяйства в сторону земледелия, хотя и малопосевный, с потребительским масштабом полеводства, с лесными промыслами, питающими денежный бюджет хозяйства, воловий, садоводственный.

Около 12 тысяч десятин, не считая около 60 тысяч десятин общественного лесного массива. 45 тысяч жителей: т р и селения—Лечинкая, Кепже и Жемтала.

Точно также, как и предыдущий, описываемый район составляет часть узкой ленты, протянувшейся между степью и горами, это—последние уступы гор, сливающихся с равниной, и неширокие долины—языки лесостепи, входящие в горы. Уступы гор вышеописанной северо-западной трети этой полосы от Каменномостной и до Лечинкой (20 верст не доходя до Нальчика) также безлесны и голы, как и окрестности Кисловодка. Леса там уже давно начисто вырублены. Наоборот, описываемая центральная и юго-восточная часть предгорной полосы через Нальчик и до границ Осетии густо поросла вековыми чинарами—буками (Fagus orientalis). Всего десять лет назад дремучий чинаровый лес спускался местами по балкам с гор на степь, переходя здесь в дуб. В дубняке и орешнике этой лесостепи не редкость было встретить оленя, не говоря

уже о кабанах; на каждом шагу взлетали выводки фазанов, а иногда попадался и медведь, пробравшийся сюда лесом с ближайших гор.

Степь здесь носит характер луговой флоры. Желтая ползучая люцерна и белый клевер преобладают. Хвойно-пряный аромат чабора (богородичной травки) стоит над лугами. Солодковый корень валериана и другие лекарственные растения встречаются здесь во множестве.

Лет 60 назад лес простирался еще дальше на север в степь, достигая линии Владикавказской жел. дор., пролегающей сейчас по голой степи.

Селения нашего района приютились таким образом у лесного массива приблизительно в 100 тысяч десятин, считая в том числе и юртовые леса. Лес этот представляет собой прекрасные насаждения бука хорошего роста с тонкими прямыми и правильными стволами, дающими первосортный поделочный материал. Буковая клепка на боченках для сибирского экспортного масла—вот специальность этого района, к сожалению, недостаточно еще развитая, благодаря дефектам в технике машинного изготовления.

В составе бука имеется подмесь около 10% граба (Carpinus Betulus). Кроме бука и граба, мы в изобилии встречаем здесь дуб, карагач, липу, горный клен, ясень и ольху. Самой ранней весной опушки леса желтеют от цветущего кизиля, а еще позже склоны гор покрываются белыми пятнами пышно цветущих здесь яблони, груши и алычи. В некоторых селениях сбор и сушка очень сахаристых диких груш, а также яблок, сбор шишек (мушмула) и чинаровых орешков, богатых маслом, доставляет населению немаловажный доход. Лечинкая, например, вывозит на линию в станицы до 80 тысяч пудов фруктов для обмена на муку.

Целые стада диких кабанов прекрасно откармливаются здесь на грушах и орехах. Охота на зверей, в частности на лисицу и куницу, развита особенно в Жемтале.

Лес входит в денежный бюджет Кабардинской семьи этого района чрезвычайно серьезным элементом, который совершенно деформирует обычную в Кабарде роль полеводства и даже скотоводства.

Для топографии района характерны следующие цифры высот разных пунктов юртов (над уровнем Черного моря).

Название селений	Низшая точка	Высшая точка
Лечинкая	395 метр.	960 метр.
Кенже	468 »	703 »
Жемтала	745 »	866 »

Разница, как видим, очень велика. Это указывает на крутизну склонов, к которым должен приспособлять свое полеводство хозяин. Такой характер угодий едва ли сильно благоприятствует посевным культурам, что видно также из низкого процента годной для пахоты земли и сравнительно высокого процента покоса, леса, кустарника и неудобных земель.

Название селений	Пахоты	Покоса	Выгона	Кустарника и леса	Неудобной	ВСЕГО
Лечинкая	16,5	26,5	19,9	23,2	13,9	100%
Кенже	29,0	29,6	11,0	16,9	13,5	100%
Жемтала	27,5	57,3	—	9,99	5,21	100%
Среднее для Кабарды (юрты)	51,6	15,8	12,8	8,9	10,9	100%

Эта естественная обстановка сказалась и на низком размере засева на душу (см. табл. на след. стр.).

Колебания по району между отдельными селениями самые несущественные, а отличия от остальной Кабарды огромные. Ясно, что население кормится здесь не от земледелия.

Высота места, близость к снеговым массивам и краткость вегетационного периода затрудняют вызревание кукурузы и проса. Это повлияло на неожиданное развитие культуры пшеницы в Ле-

Название селений	Десятин посева на душу	
	1913 г.	1922 г.
Лечинкая	0,2	0.16
Кенже	0,1	0,15
Жемтала	0.1	0,18
Среднее по Кабарде	0,73	0,31

чинкой и культуры магара в Жемтале, где его зерно заменяет людям просо, а солома—лошадям сено. В Жемтале считают, что пшеница у них не должна вызревать, вследствие чего ее там не сеют. Этим Жемтала отличается от остальных селений района.

Компенсацией недостатка земледелия служит садоводство, Жемтала считается золотым дном для садоводства. Население это сознает: интерес к садам очень велик, увеличивается площадь садов, строятся специальные каменные подвалы для хранения фруктов, с большим интересом слушают о сушке их.

Скотоводство превалирует здесь над земледелием, как и в предыдущем районе предгорий, однако, оно играет здесь ничтожную роль, хотя горный характер, казалось бы, должен был способствовать развитию скотоводства. Интересно, что такое же слабое развитие скотоводства было здесь и 35 лет назад, в 1889 году:

На 1 двор в 1889 г.

	Лошадей.	Крупного рог. скота.	Овец.
Лесистые предгорья. . .	2,3	7,9	20,2
Остальная часть Большой Кабарды.	5,2	11,5	26,9

Однако, в составе стада овце принадлежала видная роль, несколько большая даже, чем во всей Кабарде.

Как мы видим из предыдущих глав, в настоящее время роли переменились, и предгорья стали более малоовечими, чем степь. Истекшие три десятка лет ударили, главным образом, по овце.

Строение стада крупного рогатого скота в лесистых предгорьях, как мы видели, молочно-потребительское с колоссальным количеством волов.

	На 100 лошадей волов.	На 100 десятин посева рабочего скота.
Лесистые предгорья .	151,9	165.6
Мал. и Бол. Кабарда .	82,6	93.5

Ясно, что волы здесь держатся не только для пахоты, но и для чего-то другого. Это—извоз лесных материалов.

В области скотоводства Кенже несколько отличается от остальных двух селений своего района. В 1916 г. там почему-то было зарегистрировано так много молодняка, что от селения получалось впечатление несомненно мясного направления. Правда, в 1922 по количеству молодняка Кенже занимает самое последнее место, так что можно считать, что по признакам развития скотоводства выделенный нами район не показывает резких колебаний по отдельным селениям.

Итак, ни земледелие, ни скотоводство не являются в лесистых предгорьях источником денежного дохода. Значение сельского хозяйства здесь натурально-потребительское, что, однако, нисколько не отражается на приросте населения. Мы видели, что он в предгорьях выше, чем где-либо в Кабарде. Население живет не сельским хозяйством, а лесом. Он-то со своими промыслами и натурализирует сельское хозяйство, как это показали *Н. П. Макаров* *) и другие.

Какие же перспективы могли бы открыться перед сельским хозяйством района в будущем? Один из участников обследования 1922 года *С. И. Мещи* указывал, между прочим, что предгорная полоса Кабарды по совокупности описанных нами черт напоминает предгорную полосу некоторых частей Швейцарии, где доминирующими чертами хозяйства являются садоводство и сыроварение.

Климатические условия благоприятствуют там садоводству также как и в наших предгорьях, но толчек к промышленному развитию его был дан там, с одной стороны, устройством консервных заво-

*) Макаров—Крестьянское хозяйство и его эволюция. Москва 1919.

лов для фруктов, а с другой—падением интереса к полеводству, страдавшему от градобития.

Сыроварение утвердилось там в результате сползания его с гор, на которых оно концентрировалось в первую эру своего существования в Швейцарии. Холода нагорной полосы позволяли пользоваться горными пастбищами только несколько месяцев в году, большую же часть года горные сыроваренные заводы бездействовали. Перенос их в предгорья позволил вести производство круглый год.

На примере предыдущего I района мы видели, что и в Кабарде есть полное основание использовать предгорья для сыроварения. Для этого нужно все-таки в предгорьях проделать упорную и продолжительную работу над местным скотом. Местная корова имеет лактационный период всего шесть-семь месяцев. При таком уровне скотоводческого хозяйства говорить о развитии сыроварения во II районе теперь было бы преждевременно. Смогут-ли лесо-предгорные аулы увеличить количество скота, хватит-ли для этого пастбищ? Этот вопрос, нужно сказать, ни местными агрономами, ни обследователями не был достаточно освещен. Во всяком случае, дело с пастбищами обстоит здесь не очень хорошо. Общественные кабардинские пастбища отстоят от района сравнительно далеко: от 40 до 87 верст до ближайшего пункта Золки. Юртовые пастбища, по мнению самого населения, недостаточны. В экспликации Жемталы выгон даже вовсе не числится. За время революции он зарос кустарником и лесом. Высокие места отводятся под пашню, сократить которую нельзя, так как она доведена до минимума, а низкие места каменисты и песчаны, и травы на них рано выгорают. Оголодавший скот ломает изгороди и лезет на посевы. После этого понятно и возникновение здесь культуры магара.

Таким образом, вопрос о мероприятиях по скотоводству требует от местных агрономов еще вдумчивого изучения кормового вопроса лесных предгорий. Садоводство же уже и сейчас находится в таком состоянии, что население весьма отзывчиво реагировало бы на здорово поставленные мероприятия. На основании опыта полагаем, что запрос со стороны населения на инструкторскую помощь может возникнуть лишь в связи с устройством сушилок и консервных заводов.

Следующее, что могло бы поднять доходность населения—это рационализация лесных промыслов, кооперативные лесопилки, кооперативный сбыт лесных материалов, наконец, клепочный завод—все это должно получить свое развитие в данном районе и способно значительно поднять благосостояние населения. Наличность изрядных запасов «белого угля» дает возможность технику лесоразработки поставить достаточно высоко.

III. Юго-Восточный район предгорий.

Многопосевный, пшеничный (с излишками), безволовий, лесистый, промысловый, умеренно богатый скотом и овцами, с перевесом в сторону земледелия.

Площадь около 25 тысяч десятин: около 11 тысяч жителей. Четыре селения: Лескен II, Старый Лескен, Старый Урух и Урух. Первые два селения будут нами рассматриваться нераздельно под названием Ст. Лескен.

Последнее селение—Урух—по предварительной разметке должно было бы быть отнесено к IV району, от которого оно, однако, географически отрезано. По территориальной смежности мы присоединили его к III району, с селениями которого Урух достаточно близок. Во всех четырех аулах пшеница занимает от 42 до 48% посевной площади. Урух отличается меньшим засевом на душу, и это отличие остается почти единственным. Остальные различия не существенны. Преобладание скотоводческого направления в Ст. Лескене и земледельческого в Ст. Урухе и Урухе едва ли может быть строго проведено:

Название селений	Молод. старше 1г. на 100 коров		Коров на 100 дес. посева			Крупн. рог. скота на 100 дес. посева 1922 г.
	1916	1922	1913	1916	1922	
Ст. Лескен .	68	50	59	163	40	119
Ст. Урух .	34	53	128	99	54	230
Урух . . .	34	44	94	100	70	218

Относительное преобладание в Ст. Лескене скотоводства в 1916 г. было вызвано, повидимому, случайным сокращением в этом году цифры посева. Всероссийская сельско-хозяйственная перепись учла в 1916 году в Ст. Лескене только 1079 десятин посева, тогда как в 1913 году было 4870 десятин, а в 1922 году около 3170 десятин. Таким образом, едва ли это селение выделяется из группы, и присоединение Уруха к этой группе не может вызвать возражений.

Что выделяет описываемый район из ряда первых двух районов предгорной полосы? Прежде всего топографически он менее связан с предгорьями. Ст. Лескен, например, расположен на плоскости, что позволило ему распахать около 67% своего юрта. Процент лесистости здесь ниже, чем во II районе, промыслы незначительны из-за недоступности тех лесов, которые еще не вырублены, поэтому и натурализующее влияние на сельское хозяйство леса и лесных промыслов здесь не замечается. От I-го предгорного безлесного района, резко скотоводческого, этот район отличается, во-первых, потому, что I район расположен довольно высоко над уровнем моря (Каменномостное), где не вызревают некоторые растения, во-вторых, потому, что первый район весь расположен в зоне Зольских и горных пастбищ, а от Уруха до границы Золки—85 верст. Зато III-й описываемый район близок к станции Муртазово, Владикав. ж. д., к этому серьезному пункту экспортных отправок зерна, и это, между прочим, вызвало доминирование здесь зернового хозяйства.

Правда, Дейское-Муртазово лежит на противоположном берегу Терека, но до революции ссыщики-экспортеры круглый год держали через Терек паром и поставка зерна из юго-восточного района на станцию Муртазово не прерывалась и зимой.

С агрономической точки зрения этот район изучен меньше, чем самые глухие трущобы Кабарды, и поэтому сказать, какие государственные или местные агрономические мероприятия могли бы дать эффект в смысле поднятия сельского хозяйства района, в настоящее время трудно, да этот район и нуждается в помощи меньше других. Он населен энергичным населением и всегда выделялся и как зерновой экспортный район, и как район коневодства. Даже исчезнувшее в соседнем II районе овцеводство здесь

далеко не упало: Ст. Урух, например, относится к числу наиболее многооовечих селений.

IV. Предлесный район.

Промысловый, частью лесистый, среднепосевный, многоскотный, малооовечий, частью многооовечий, самый многоволовий (частью безволовий). Частично садоводческий. Доминирует земледелие, пятнами скотоводство.

Площадь около 70 тысяч десятин, 32 тысячи жителей. Десять селений: Аргудан, Нартан, Шалушка, Псыгансу, Урвань, Чегем I, Аушигер, Ст. Черек, Н. Черек и Кахун.

Располагаясь между предгорьями и лесом, с одной стороны, и степью—с другой стороны, касаясь близко железнодорожной магистрали при станциях Котляревской и Прохладной, предлесный район дает картину переходов от старого кабардинского кукурузно-просяного хозяйства, с господством вола, к русскому экспортно-пшеничному Прохладненскому району, без волов, с рядовыми сеялками и молотилками. В виду этого предлесный район являет нам ряд чересполосных пятен, которые можно отнести к трем типам хозяйства, помеченным нами в разметке IV, IVа и IVб.

Первый тип IV.

Аргудан, Нартан и Шалушка.

Преобладание земледелия над скотоводством, молодняка мало. Господство рабочей лошади, вытеснившей вола. Садоводство значительно развито. Пшеница, арбузы и другие новые культуры занимают в 1923 году около 35% посевной площади. Самый передовой подрайон из этого района. В 1922 году кукуруза составляла 59% посева, а пшеница 31%. В 1917 году кукуруза с просом 85%, пшеница 12%. «Пшеничность» района, следовательно, растет.

Второй тип IVа.

Псыгансу, Урвань и Чегем I.

Скотоводство преобладает над земледелием. Значительный % молодняка крупного рогатого скота. В Чегеме I много овец. Упряжным животным служит вол. Садоводство развито слабо. Пше-

ница, арбузы и друг. новые культуры занимают в 1923 году только 15—29% посевной площади. В год обследования был самым отсталым подрайоном Кабарды. Кукуруза составляла в нем 94,3% посевной площади.

Третий тип IIб.

Аушигер, Ст. Черек, Н. Черек, Кахун.

Переходный между первыми двумя типами. В отличие от предыдущих двух типов—средне-посевных—малопосевен. Земледелие доминирует над скотоводством, но последнее все же развито и имеет мясное направление. Вол преобладает над лошадью. Садоводство развито; исключением является Н. Черек: он многопосевен и малоскотен. Пшеница и арбузы занимают в 1923 г. 30—45% посевной площади.

Чем же об'единяются в одном районе эти три типа хозяйства? Только своим положением между двумя экономическими полюсами и своей географической однородностью. Все они расположены в малоземельном, но богатом реками, лугами, лесами и промысловом районе. Район этот является ареной борьбы между скотоводческим и полевым хозяйством, между волом и рабочей лошадью, между лесными промыслами, угнетающими сельское хозяйство и влиянием Прохладненского рынка, оплачивающего труд земледельца не хуже, чем лес, между традиционным просом и кукурузой, с одной стороны, и новыми культурами—пшеницей и арбузами—с другой стороны, которых требует Прохладная, местный центр закупок пшеницы и больших отправок арбузов.

Район находится, несомненно, в самом неустойчивом положении. В него внедрились русские поселки, внесшие в спокойный уклад кабардинского быта некоторую лихорадочность, погоню за землей, бахчи, стремление извлечь из всего доход, даже из арбуза, вываривая арбузный мед, когда это оказывается выгоднее продажи арбузов. И все это было внесено в самый отсталый, не энергичный, самый бедный и малоземельный угол Кабарды, и старый быт зашатался. Некоторые селения пригласили русских баб учить кабардинок огородничеству. Местами воздвигли гонение на вола, стали пахать на лошадях. Но нагрянул кризис 20—21 г.г., бес-

кормица, и лошади подвели своих хозяев—они отказались пахать на таком корме, каким довольствовался вол. Кабардинец растерялся. Некоторые селения, как например Кахун, до сих пор не понятны наблюдателю: какова структура его скотоводства, каково общее направление хозяйства и т. д. Да и сами жители таких селений заявляли, что они не знают, что делать, что лучше сеять, что разводить. Некоторые ликвидировали скот и завели пчел. Пчелы у неумелых хозяев погибли.

Вот в чем причина пестроты района, который мы назвали предлесным. При такой расшатанности взглядов на цели и интересы хозяйства агроному даже трудно уяснить себе, куда же направится в ближайшие годы дорога кабардинского хлебороба и какие мероприятия можно ему предложить, чтобы облегчить эту дорогу и ускорить этапы ее прохождения. Единственно, чем сейчас безусловно заинтересовано население—это огородами. Агрономическая работа в этой отрасли и в области садоводства несомненно должна быть плодотворна.

V. Степной район.

Многопосевный с значительной ролью масличных, в частности подсолнуха, играющих рыночное значение. Решительный перевес земледелия над скотоводством. Вол совершенно вытеснен рабочей лошадью.

Площадь около 87 тыс. дес., около 34 тыс. жителей. Двенадцать селений: Исыхурей, Карагач, Баксаненов, Стар. Крепость, Кызбуруны I, II и III, Чегем II, Залукокоаже. Куба. Кишпек и Алтуд.

Главная масса района сосредоточена между реками Малкой и Баксаном. Это наиболее зараженная новыми веяниями в полеводстве часть Кабарды, самая многопосевная, дающая значительные зерновые излишки. К югу от Баксана, между степным подрайоном и предгорьями, лежит среднепосевный подрайон (Va) с довольно развитым скотоводством и значительным количеством молодняка крупного рогатого скота (сюда же должно быть присоединено Залукокоаже—этот аванпост сельского хозяйства на Золке). Таким образом, подобно предыдущему IV району, и этот район расчленяется на подрайоны.

Г. Многопосевный подрайон.

Псыхурей, Карагач, Баксаненок, Ст. Крепость, Кызбурун II и Чегем II.

Га. Среднепосевный подрайон.

Залукокоаже, Куба, Кишпек, Алтуд, Кызбурун I и II.

Больше всего выходит из ряда селение Кызбурун I (Атажукино II). Оно представляет собой переход к предгорному, скотоводческому, садоводственному, и воловьему Атажукину I, смежному с ним. Однако, все 12 селений одинаково характеризуются перевесом земледелия над скотоводством.

Город Баксан служит центром закупки масличного подсолнуха, точно также как Прохладная—главный центр закупок пшеницы. Описываемый район, особенно в 1916 году, представлял собой, благодаря открытому здесь кооперативному маслобойному заводу, центр посевов всевозможных масличных: подсолнуха, рапса, гардана, рыжика, горчицы и проч. Несомненно, что и сейчас дорога к оживлению района начинается с восстановления и развития маслобойной промышленности.

Характерно также для района начавшееся недавно увлечение кабардинцев бахчами. Это очень полезное увлечение, так как оно вводит пестрополье в русло, которое может привести к установлению более или менее устойчивого севооборота, типа плодоперем., поддерживающего плодородие почвы, изрядно уже здесь истощенной.

VI. Малая Кабарда.

Многопосевный район с значительной ролью ячменя для экспорта. Масличных нет. Малоскотный, малоовечий, безволовий. Полное преобладание рыночного зернового хозяйства.

Площадь около 112 тысяч десятин, 25 тысяч жителей.

Десять кабардинских селений: Дейское (Муртазово), Акбаш, В. Курп, Н. Курп, Плановское, Хамидие, Терское (Булатово), Неурожайное, Арик, Кизлярское (Бекович), немецкая колония Гнаденбург и ряд русских хуторов.

Малая Кабарда лежит в образованном Тереком углу, ограниченная и с запада и с севера его течением. Всхолмленная вы-

сотами Кумаргы и водоразделом, известным под названием хребта Арак-Дала-Терек, Малая Кабарда этими высотами довольно правильно делится на Северную и Южную половины. Обе половины представляют обычную картину безлесной, слегка волнистой степи. По впадинам этой степи течет несколько мелких речушек, частью уже пересохших, частью заросших камышами, не доставляющих расположившимся на них аулам даже достаточно питьевой воды. Эта степь, в сухие годы почти не дающая даже покоса, в обычные годы дающая всего 80—100 пудов сена с десятины, в сырые годы, такие, как год обследования—1922, представляет собой роскошную картину. Дикие маки—белые, розовые и красные и золотистые головки сурепицы решительно царствуют в Мало-Кабардинской степи над всеми остальными растительными видами. Буйный рост и высота зарослей сурепки и разных крестоцветных, местами превосходили высоту лошади.

Полное отсутствие главного представителя девственных степей—ковыля и обильное распространение пыреев, овсюга, чертополоха, лебеды характеризуют этот район, как край сорных трав. Действительно, этот буйный рост бурьянов имеет место преимущественно на залежах. Рядом с ними на целине мы видели нежный шелковистый ковер различных бобовых и злаков с травостоем выше колена.

Малая Кабарда составляет одно из звеньев той ленты разнотравно-злаковой степи, которая, идя параллельно главному Кавказскому хребту, протянулась от черноморских степей на Кубани, через Минеральные Воды, Моздок и Малую Кабарду до Грозного, и только, не доходя верст 100 до Каспийского моря, сменяется полынными пустынями. Таким образом, в естественно-историческом отношении Малая Кабарда представляет почти одно целое со степным (V) районом Большой Кабарды, с землями, расположенными по Малке.

Какие же отличительные черты заставляют нас выделить Малую Кабарду в особый район. Это целый ряд мелких, может-быть, подчас второстепенных черт, некоторые из которых в общем комплексе дают совершенно особый уклад жизни Малой Кабарды.

Большая Кабарда обильно изрезана потоками горных рек, а Малая Кабарда безводна и суха. Большая Кабарда вся располо-

жена вблизи гор и лесов и вблизи Зольских и горных пастбищ. Малая Кабарда безлесна и так далека от горных пастбищ, что почти совершенно уж не угоняет на них летом свой скот, а заработки, связанные с лесом, Малой Кабарде не знакомы.

Вот проценты лесистости на юртовых землях, не считая обще-кабардинского массива лесов:

Большая Кабарда 9.33%
Малая Кабарда 2.93%

Большая Кабарда славилась своими урожаями, Малая Кабарда есть самый малоурожайный район Области. Посевная площадь Большой Кабарды едва достигала 41% годной для пахоты площади, в Малой же Кабарде засевалось в 1913 г. уже около 69% пахоты. Да и земли, годные для распашки, составляют в Большой Кабарде лишь 55% юртовой площади, а в Малой Кабарде 79%. Наоборот, специальные сенокосы и выгоны распределяются так:

	Сенокосы.	Выгоны.
Большая Кабарда . .	18,3 %	15,3%
Малая Кабарда . . .	7,8 %	8,8%

Итак, Большая Кабарда урожайна, многоводна, многолесна, богата кормами, но малопосевна. Наоборот, Малая Кабарда неурожайна, безводна, безлесна, но многопосевна.

Большая Кабарда по преимуществу кукурузно-просяная, а в более затронутых денежными отношениями районах была до революции и кукурузно-пшенично-просяной. Ячмень в ней мало культивировался. Наоборот, Малая Кабарда являлась до революции районом кукурузно-ячменно-просяным, а в некоторых своих уголках даже и ячменно-кукурузным (Хамидие) или ячменно-просянным (Арик).

Однако, важнейшим обстоятельством, решительно выделяющим описываемый район на общем фоне кабардинского хозяйства, является рыночность, пронизывающая всю структуру Мало-Кабардинского полевого хозяйства и не имеющая по силе своего выражения равных примеров в Большой Кабарде.

Всего 20—25 лет тому назад Малая Кабарда представляла

собой обычный тип натурально-потребительского хозяйства. Полдесятины кукурузы и полдесятины проса на двор—вот и весь посев, сполна удовлетворявший скромные потребительские запросы кабардинской семьи.

Но прошли железные дороги, Малая Кабарда оказалась в углу, образуемом двумя железнодорожными линиями (Ростов-Прохладная-Владикавказ и Прохладная-Баку), скрещивающимися на станции Прохладной.

С 1901—1903 г.г. стали появляться скупщики кукурузы и ячменя, построились ссыпные амбары, и картина хозяйства быстро изменилась.

Под'езжая к небольшой станции Муртазово, путешественник сразу обращает внимание на необычно длинные ряды огромных магазинов. Это—хлебные амбары. Одни только склады быв. частных ссыпщиков вмещают в себя 189 тысяч пудов. Склады эти наполнялись преимущественно зерном, собиравшимся на полях южной части Малой Кабарды. Северная часть питала своим зерном Моздок, Прохладную и Котляревскую.

Урожаи, часто сменяясь неурожаями, колебались здесь очень резко, но, стимулируемая вывозом, посевная площадь Малой Кабарды неизменно росла, а с ней росли и абсолютные цифры выбрасываемого на рынок зерна.

Естественно, что при таком положении запашки М. Кабарды должны были расти, а вместе с этим должны были расти избытки зерна на продажу. Вот размер этих избытков по вычислению *П. Н. Раждаева* на основе данных сельско-хозяйственной переписи 1917 года *) (см. табл. на след. стр.).

Чистый остаток по Малой Кабарде исчисляется тем же автором для 1917 года в 952.262 пуда.

Различие в сущности хозяйства Большой и Малой Кабарды вскрывается в этой таблице блестяще и не требует никаких дальнейших пояснений. Огромность избытков зерна в Малой Кабарде очевидна.

Рыночная сущность Мало-Кабардинского зернового хозяйства ясна. Какое же количество зерна действительно выбрасывалось на

*) Земля и хозяйство в Терской Области. ВЛК. 1920, ст. 51.

	Десятин посева на хозяйство	Пудов на 1 хозяйство	
		Общий сбор зерна	Чистый остаток за потреблением:
Большая Кабарда—западная часть . .	3,9	230	114
Большая Кабарда—восточная часть .	2,5	158	12
Малая Кабарда . .	8,2	418	310
По области . . .	4,1	237	121

рынок? Косвенным для этого указанием служат цифры железнодорожного вывоза со станции Муртазово, обслуживающей по преимуществу юг Малой Кабарды.

Вот цифры за 17 лет, предшествовавших войне, говорящие о размере погрузок ст. Муртазово и соседних с нею станций той же Владикавказской дороги (см. табл. на след. стр.).

Из таблицы видно, как маленькая станция Муртазово по количеству зерновых погрузок постепенно выдвигалась из среды своих соседок, и как за несколько лет до войны она окончательно оставила за собой узловую станцию Котляревскую, расположенную в районе казачьих станиц и русских поселков и являющуюся единственном железнодорожном выходом из Большой Кабарды.

Какого же рода хлебные грузы вывозились из Муртазова? В нашем распоряжении имеются только цифры 1914 года:

Кукурузы	630	тысяч пудов
Ячменя	205	» »
Овса	54	» »
Пшена	53	» »
Пшеницы	8,7	» »
Муки пшеничной	16,7	» »
Прочих хлебных грузов . .	57,6	» »
Итого	1025	

Годы.	Ст. Котляревская.	Ст. Муртазово.	Ст. Эльхотово.
	Тысяч пудов		
1898	373	262	508
1899	454	414	643
1900	932	678	1081
1901	984	904	915
1902	916	822	879
1903	832	608	721
1904	1724	1499	875
1905	1068	765	587
1906	928	812	543
1907	2708	2025	1862
1908	1323	934	971
1909	1644	1401	1074
1910	1029	1073	769
1911	1353	1538	1369
1912	1128	1871	1301
1913	1848	2742	2253
1914	845	1025	779

Рыночный характер посевов кукурузы и ячменя в Малой Кабарде отсюда совершенно ясен. Рыночная роль кукурузы накладывает на физиономию Малой Кабарды еще один лишний блик, отличающий ее от Большой Кабарды, где роль кукурузы почти исключительно внутрихозяйственная, потребительская. Как скоро зерновое хозяйство Большой Кабарды вынуждено бывает играть

рыночную роль, последняя выпадает чаще на долю пшеницы, чем на долю кукурузы.

Проследим теперь, куда направлялись со ст. Муртазово кукуруза и ячмень. Оказывается, что вывоз кукурузы на 24%, а вывоз ячменя на 37% являлся заграничным экспортом через Новороссийск. До 75% вывоза кукурузы шло на разные станции Европейской России, повидимому, на винокуренные и крахмально-паточные заводы. Ячмень также шел на русские пивоваренные заводы, частью же, вероятно, на фураж кавалерийских полков Кавказа, а, может-быть, и Туркестана.

Ясно, как должно было в период гражданской войны отразиться на посевной площади рассматриваемого района прекращение заграничного экспорта и закрытие паточных и винокуренных заводов.

Рыночная роль скотоводства при описанном развитии зернового хозяйства быстро сошла на нет в Малой Кабарде. На 100 душ населения приходилось голов крупного рогатого скота:

	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1922 г.
В Большой Кабарде . . .	130	130	121,5	74,2
В Малой Кабарде	126	110,8	110,2	46,5

Мы видим, что чем дальше, тем больше расходились хозяйственные пути Большой и Малой Кабарды, и к 1922 г. в Малой Кабарде скота стало в $1^1/_2$ раза меньше по сравнению с Большой Кабардой.

Из следующей таблицы можно видеть, каков был характер мало-кабардинского скотоводства, и было ли оно мясным или молочным.

	Процент коров в стаде			Процент молодняка старше года по отношению к коровам.		
	1913 г.	1917 г.	1922 г.	1913 г.	1917 г.	1922 г.
Большая Кабарда .	41,3	37,6	36,4	65.0	17.8	52.6
Малая Кабарда .	44,1	48.3	47,9	52.7	14.3	40.0

Довольно большое количество коров (почти половина стада), приближающее Малую Кабарду к цифрам многих русских губерний, и, наоборот, сравнительно низкое количество молодняка показывают, что крупный рогатый скот содержится в Малой Кабарде не столько с целью размножения его и выращивания молодняка, сколько с целью получения молока. Молодняка не держат, значит, скот, можно сказать, не разводится.

Какие же в таком случае цели ставит себе мало-кабардинское молочное хозяйство? Приготовляются ли молочные продукты для рынка или только для целей потребления внутри своего хозяйства в своей семье?

Сопоставим число коров на 100 душ населения в Кабарде с тем же показателем рыночно-молочного Московского уезда:

	Число коров на 100 душ сельского населения.		
	1913 г.	1917 г.	1922 г.
Большая Кабарда	40,6	45,7	27,0
Малая Кабарда	55,5	52,8	20,1
Московский уезд		14.3	

Сравнивая цифры Кабарды с цифрами Московского уезда, где развито производство молока специально для продажи, можно придти к совершенно обманчивому выводу о чрезвычайной рыночности молочного хозяйства Кабарды. В Малой Кабарде втрое больше коров, чем в Московском уезде: здесь мы находим по 1

корове на каждых двух жителей в то время, как в Московском уезде на 7 жителей. Однако, такое заключение было бы поспешным. Экономическое обследование в Малой Кабарде показало, что все молоко потребляется кабардинской семьей в кушаньях и калмыцком чае. Редкие излишки идут на приготовление местного тощего сыра, который не только не имеет обще-рыночного значения, но почти не находит себе сбыта даже на местных русских базарах и изредка идет только на товарообмен в своем же ауле. Чем же об'ясняется содержание в хозяйстве такого огромного количества коров?

Как мы уже писали выше, об'ясняется это прежде всего низкою продуктивностью скотоводства. Характерна огромная яловость кабардинских коров, которая в лучшие годы не меньше 20%, а в голодные годы достигала 40%. В русских хуторах Малой Кабарды яловость—явление случайное и не бывает выше 5%.

Кроме яловости, необходимо отметить короткий период лактации. В сухие годы коровы доятся всего 5-6 месяцев, а во влажные 6-7 месяцев в году. Сухостой начинается обычно с августа или сентября. Так называемые немецкие коровы на русских хуторах доятся больше $10^1/_2$ месяцев.

Размер удоя тоже не велик. Средняя корова с новотела и в разгар лактации дает от 1 до 2-х четвертей в день. Лучшие коровы дают до 30 фунтов—около 1 ведра (Акбаш).

На ряду с низкою продуктивностью скота, потребление молочных продуктов у кабардинской семьи несомненно велико. Хотя потребление и питание населения обследованием 1922 года и не изучалось, но можно быть уверенным, что кабардинцы принадлежат к той группе народов, основой питания которых является животная пища. Исследования бюджета Павлодарских киргиз (1911 г.) показали, что пища киргиз на 83% животная, в том числе молочных продуктов 69% и мясных—16%. В Монголии, при суточном рационе в 3500 калорий, молочная пища составляет 55% всех калорий. Может-быть, значение молочной пищи у кабардинцев несколько ниже, но во всяком случае оно все же гораздо выше, чем у русских.

Суммой вышеперечисленных условий и об'ясняется необходимость только для личного потребления содержать такое огромное

количество коров, которое в русских условиях давало бы возможность не только самим кормиться, но и вести обширный сбыт молочных продуктов.

Средняя кабардинская семья только при 3-4 одновременно доящихся коровах имеет возможность не только питаться молоком, но и приготовлять из него раз в три дня сыр. При 5-6 коровах получается уже возможность этот сыр накапливать и продавать.

Итак, скотоводство Малой Кабарды в настоящий момент по преимуществу носит натурально-потребительский характер. Как промысел оно не существует. Содержится скота столько, сколько нужно для удовлетворения потребностей семьи.

Наличность пастбищ и залежей еще позволяли бы мало-кабардинцам вести скотоводство, как продуктово-рыночную отрасль, но пока зерновое хозяйство удовлетворяет все нужды их бюджета, и они не задумываются над возможностью расширить свое хозяйство в сторону скотоводческую.

В литературе при упоминании об упадке скотоводства в Малой Кабарде принято ссылаться на дальность расстояния от Малой Кабарды до горных пастбищ. Эта отдаленность, вероятно, имела некоторое значение, особенно для мало-скотных хозяйств, в деле сокращения их скотоводства, но значение этого факта далеко не первостепенно. Во всяком случае, попытка сопоставить числовые выражения роли скотоводства в разных селениях с расстоянием этих селений до Зольских и горных пастбищ не показали никаких закономерностей.

Таково было хозяйство Малой Кабарды до революции. Экономическое обследование 1922 года застает в Малой Кабарде совершенно иную картину, картину голода, глубоко зашедшего разорения хозяйств и упадка энергии населения, почти сплошь пораженного малярией.

Вот отрывок из данных «Комиссии Последгола», собранных весной 1923 года после хорошего урожая 1922 года (см. табл. на след. стр.).

Перед нами картина в полном смысле слове вымирания Малой Кабарды. По словам той же «Комиссии Последгола», в селении Неурожайном за зимнее полугодие 1922-23 года умерло 127 человек, а родилось только 10. По выборочному обследованию Все-

Название селений	ДВОРОВ		Д У Ш		Скота крупного и мелкого	
	Всего	Из них разорившх. и голод	Всего	Из них разорившх. и голод.	1916 г.	1923 г.
Неурожайное (Абаево)	383	222	2170	941	7764	1251
Терекское	360	187	1798	726	6531	592
Хамидие	366	267	1743	1116	9760	1587

рос. с.-хоз. переписи летом 1922 года в сел. Дейском за предыдущую зиму родилось 35 душ, а умерло 43.

В отношении лошадей и скота экономическое обследование 1922 года дало следующую картину разрушения:

	Обследовано всего хозяйств	В ТОМ ЧИСЛЕ		
		Безлошадных	Без скота	Без коз и овец
Большая Кабарда	1930	816	203	1344
Тоже в %%	*100*	*42,2*	*10,5*	*69,6*
Малая Кабарда	410	162	136	329
Тоже в %%	*100*	*39,5*	*33,1*	*80,2*

Часть хозяйств в Малой Кабарде совершенно не имеет крупного рогатого скота, ни рабочего, ни молочного. Овцеводство почти начисто не существует (80%).

Только в отношении лошадей Малая Кабарда несколько лучше обставлена, чем Большая Кабарда, но и это об'ясняется тем, что в Большой Кабарде лошадь как рабочее животное (не верховое), почти не применялась. Возили грузы, пахали и сеяли на волах. В Малой Кабарде, наоборот, не было волов, а пахали и сеяли на лошадях. Это ясно из следующих данных: на 100 рабочих лошадей в 1922 г. приходилось волов:

в Большой Кабарде 82,6
„ Большой Кабарде—предгор. район. 151,9
„ Малой Кабарде 12,4

Что же касается назначения лошадей, то оказывается, что на 100 десятин сева приходилось верховых лошадей:

в Большой Кабарде 25 штук
в Малой Кабарде 2 «

Из сопоставления этих данных ясно, что в Большой Кабарде лошадь является животным по преимуществу верховым, а вол упряжным, в Малой же Кабарде ни волов, ни верховых лошадей почти нет: лошадь здесь является упряжным животным.

В отношении размера посева на душу многопосевная когда-то Малая Кабарда не только сравнялась после революции с Большой Кабардей, но и упала в большинстве селений ниже ее.

Посева на душу.	1913 г.	1922 г.
Большая Кабарда . . .	0,55 д.	0,32 д.
Малая Кабарда	1.57	0.18
Тоже не в пострадавшем районе	—	0,44

Где же причины катастрофы, постигшей Малую Кабарду? Виноваты ли империалистическая и гражданская война и голод 1921 года? Конечно, и они виноваты здесь, как и в других районах. Они нанесли последний удар, но несомненно также, что, не будь их, Малая Кабарда все равно уже шла верными шагами к катастрофе. Полевое хозяйство ее уже было надорвано. Его погубил ажиотаж распашки целин. Вовлеченная в международный зерновой оборот, она перешла допустимые границы распашки, превысившей уже в 1913 г. 87% всей удобной земли. При залежной системе—это ненормальный процент. Культура проса, любящая твердые земли, в связи с этим совсем исчезла.

Кроме того, в ряде селений поля были истощены совершенно

хищнической из года в год культурой льна на семя. Культура эта была вызвана спросом со стороны одной заграничной компании, имевшей агентов в станице Прохладной. Ближайшие к Прохладной селения—Арик, Неурожайное, Хамидие, Терекское—пострадали больше всех. Истощенная земля их стала давать урожай не чаще одного раза в пять лет.

Однако, пока продолжались спрос и экспорт с высокими ценами, внешняя картина благополучия МалойКабарды еще держалась на выкачивании последних ресурсов плодородия, но, как только закрылись порты и прекратился вывоз, одностороннее зерновое хозяйство, не имевшее опоры в уничтоженном раньше скотоводстве, потеряло равновесие и рухнуло, похоронив под своими обломками значительное количество людских жизней. Судьба Малой Кабарды в этом отношении весьма сближает ее с Поволжьем. По определению проф. *Н. П. Огановского* и *А. А. Рыбникова*, анализировавших хозяйство Поволжья, и причины такой судьбы были совершенно одинаковы.

Есть страны, которые всегда должны вести экстенсивное хозяйство. К таким странам долго еще будет принадлежать и Малая Кабарда. Незначительная плотность населения, с одной стороны, и огромные запасы кормов—с другой, настоятельно требуют переноса центра тяжести хозяйства на животноводство. Если сейчас этого нет, то, главным образом, вследствие неорганизованности рынка. Нужно организовать сбыт, создать холодильник, консервный завод. Из сказанного отнюдь не следует, что нужно было бы ликвидировать полевое хозяйство Малой Кабарды—ничего подобного: полеводство по-прежнему будет занимать центральное место, но рядом с ним должно существовать достаточно развитое животноводство.

В заключение разберем еще один вопрос—однородна ли Малая Кабарда, как район? Нет ли внутри ее различий, позволяющих разбить район на подрайоны? Некоторые различия наблюдаются. Хребет, разделяющий ее на северную и южную половины, разделяет ее вместе с тем и на 2 подрайона—северный, более бедный скотом и малопосевный, и южный—более богатый скотом и многопосевный.

1922 г.	Северный.	Южный.
Десятин посева на душу	0,18	0,44
Крупного скота на душу	4,8	5,7
% безлошадных дворов	47,7	22,1

Из таблицы видно, что северная половина не только бедна, но прямо разорена: почти половина дворов безлошадны. Основывается ли это различие на естественных причинах или является следствием гражданской войны, захватившей северные селения? И то и другое. Северные селения особенно неурожайны и расположены на суглинке. Последние тяжелые годы особенно ударили по неурожайному подрайону, сократив в нем засев и количество скота.

V. ВАЖНЕЙШИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОД'ЕМУ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Нарастание материального благосостояния хозяйствующего населения и развитие производительных сил страны—вот конечная цель мероприятий по сельскому хозяйству. С этой точки зрения мы и должны определять нужные нам меры и искать нужные точки опоры для рычагов, регулирующих с.-х. жизнь.

Намечая перечень мероприятий, пишущий эти строки меньше, может-быть, уделил внимания мерам общественно-агрономического порядка и больше—мерам экономическим, стимулирующим производство. Это произошло вследствие особого отношения автора к эффективности «агроувещаний». И личное наблюдение в течение 2-х десятков лет, и литературные данные показали, что обнаруживавшийся в некоторых районах России расцвет или выдающийся успех той или другой отрасли хозяйства никогда не оказывался в причинной зависимости от предшествовавшей агрономической работы или не зависел, во всяком случае, только от успехов агропропаганды, а, как правило, всегда опирался на наличие верного и выгодного сбыта. Вот почему заботы об организации сбыта автор ставит впереди общественно-агрономических мероприятий, которые должны только дополнять эту необходимую

предпосылку рыночного хозяйства, всегда следуя непосредственно за организацией сбыта.

Полеводство.

Мы уже указывали ранее, что исходя из того сравнительно ограниченного запаса труда, которым население Кабарды обладает, нельзя ожидать в ближайшее десятилетие значительного расширения посевной площади. С точки зрения интересов республики такое расширение посевной площади Кабарды и не вызывается необходимостью,—государство гораздо больше заинтересовано в развитии тех отраслей хозяйства, в отношении которых Кабарда обещает более широкие перспективы, нежели открывающиеся перед этими отраслями в других областях республики. Например, в отношении верхового коневодства мало можно найти других столь подходящих областей, как Кабарда,—в то время как для продуцирования, например, пшеницы в Республике есть много гораздо более подходящих и обширных районов.

Точно также и с точки зрения самого сельского хозяина рыночная конъюнктура последних лет была в Кабарде чрезвычайно неблагоприятна для полевого хозяйства в сравнении со скотоводством. Особенно резко это соотношение сказалось осенью 1923 г. Были моменты, когда стоимость одного пуда кукурузы в кочанах спускалась до 4-х копеек золотом. Баран в это время стоил около 4-х рублей, и за одного барана давали 80-100 пудов кукурузы. Затрата труда на выращивание барана в пастбищных условиях совершенно ничтожна, тогда как для получения эквивалентного количества кукурузы нужно затратить 25-35 взрослых мужских дней, не считая конной тяги. Труд скотовода, следовательно, оплачивался несравненно лучше труда земледельца. Если сосчитать расход на конную тягу, на доставку зерна к ближайшему рынку, на амортизацию орудий производства и труд полурабочих, то рабочий день в полеводстве оплатится всего одним-двумя пудами зерна.

При описанных условиях понятно, что нет смысла прилагать заботы к дальнейшему расширению посевной площади, тем более, что внутреннее потребление Области современной площадью удовлетворяется (не считая пшеницы); следовательно, нужно только принять меры к тому, чтобы повысить оплату труда, затрачивае-

мого в полеводстве. Для этого необходимо: 1) повышение урожаев главной культуры края—кукурузы и 2) повышение цен на кукурузу путем организации постоянного местного сбыта, точнее местной переработки.

Опыты в некоторых крестьянских хозяйствах, не говоря уже об агрономических опытах, показали, что повышение урожаев кукурузы чрезвычайно легко достигается применением рядового посева с междурядной обработкой.

В 1923 г. рядовые посевы давали 300-400 пуд. с казенной десятины. Затрата труда при этом сильно понижается: полка, требующая при разбросном севе 10 и более работодней на десятину, при междурядном конном пололыпике берет только один мужской день при одной лошади и 1-м мальчике. Правда, экономия в труде замещается усилением роли капитала: требуется рядовая сажалка и пололыник—орудия новые в кабардинском быту, но в общем довольно не дорогие.

Другое средство повышения урожаев кукурузы и вообще полевых культур заключается в введении чередования растений и урегулировании способов восстановления плодородия почвы. Меньше всего склонны мы подразумевать здесь введение паров. Чистые пары уже признаны не рентабельными даже в центральных губерниях, тем более должна казаться странной пропаганда черных паров в стране залежного земледелия. А между тем нередко такая агропропаганда имеет место. Пока Кабарда не изжила еще экономическую эпоху залежи, залежь и должна оставаться способом восстановления плодородия, но залежь регулированная, то что называется скороспелой залежью или залежно-травопольной системой. В ней имеется, правда, один недостаточно учтенный еще момент—это посев трав (овсяница с люцерной или эспарцетом). Дело в том, что в некоторые годы урожаи сена с естественных лугов так велики, что трудно было бы утверждать неизменную рентабельность искусственного травосеяния; однако, в сухие годы рентабельность травосеяния—бесспорна, особенно в малоземельных селениях. Во всяком случае этот вопрос на ряду с другими требует опытного изучения, и поэтому развитие опытного дела в Кабарде необходимо.

Независимо от характера залежи, севооборот в степных рай-

онах может открываться бахчей, как арбузным паром. В районах, более близких к горам, такую же роль может играть кукурузный пар. В горных районах (Кармово-Бабуково) уместен картофельный пар.

Одно повышение урожаев кукурузы, однако, без организации в то же время ее использования внутри Области не только не улучшит положение земледельца, но может даже ухудшить его возможным новым падением цен на кукурузу. Вывозить кукурузу в зерне вообще не выгодно. Ее нужно перерабатывать на крахмал, патоку или спирт, или скармливать скоту, вывозя затем в виде мяса, масла, сала, шерсти.

В названном ряду мероприятий первоочередным является—восстановление полной продукции крахмального завода б. Ирашиля в станице Александровской, который мог бы поглотить почти весь избыток кабардинской кукурузы.

Вторая часть этой задачи—пропаганда откорма скота кукурузой составляет задачу агрономов и зоотехников, но требует предварительно изучения на местном опыте рентабельности этого откорма по сравнению с сенным и пастбищным откормом. Изучение это можно проделать только при опытном поле, о котором помянуто выше.

Есть места, где своевременно поставить на очередь вопрос о кукурузных силосах, например, в Гнаденбурге, где почти в чистом виде существует стойловое содержание скота.

Повышение ценности урожая полевых растений не ограничивается, разумеется, мерами, касающимися только кукурузы. Нужно расширить площадь под более ценными культурами и обратить внимание на причины неуспеха пшеничных посевов.

Площадь под различными масличными—подсолнух, рапс, гардан, горчица, клещевина и т. д.—доходила к 1916 г. до 10%, а теперь снизилась до 5%. Необходимо восстановить до прежних размеров площадь масличных. Это имело бы множество положительных последствий. Введение масличных растений очень скоро заставит население подумать о введении севооборота, что предохранит от падения урожаев и остальные культуры. Все вместе взятое значительно поднимет средний доход с десятины посева.

Каковы же способы расширения площади масличных?

Практиковавшиеся одно время посевкампании с приказами засеять такое-то количество десятин подсолнухом или рапсом, даже при снабжении населения нужными семенами, не достигали, конечно, цели. Получаемые семена населением продавались или обменивались на другие, т. к., пока нет уверенного сбыта или нет налицо достаточных запасов труда для довольно трудоемкой обработки и уборки подсолнуха и др., эти культуры не могут привиться. Нужно создать предварительно сбыт. Это возможно путем восстановления артельных и кооперативных маслобойных заводов. Наиболее подготовленным к этому районом является Баксанский округ, близкий к Пятигорску. Содействовать возникновению таких заводов можно путем направления с.-х. кредита на эти цели.

Второстепенное положение, занимаемое в области пшеницей, заставляет также обратить на нее внимание. Яровых пшениц в Кабарде совсем не сеют, а техника возделывания озимых так несовершенна, что натура местных пшениц не выдерживает никаких кондиций (116-120 зол.), и туземное население склонно отказываться теперь и от озимых посевов пшеницы. Помимо грибных заболеваний, отсутствия сортировки и протравливания, важнейшую роль играет запаздывание с посевом. Раньше снятия кукурузы и хотя бы краткого затем выпаса скота по кукурузникам, к посеву озимых не приступают, а иногда и не могут приступить из-за отсутствия свободной пахоти. Таким образом, раньше ноября кабардинцы озимых не сеют, а бывали случаи посева и в декабре. Весьма вероятно, что именно позднее время сева серьезно отражается на натуре урожая.

Протравливание формалином и сортирование на триерах перед озимым посевом представляют собой текущую агрономическую работу, которая, развиваясь с каждым годом, окажет в конце концов свое влияние на повышение качества урожая. Но, кроме этих мер, необходимо внимательнее изучить культуру и яровой и озимой пшениц, и надо найти действительные причины ее неуспешности. Изучение рациональной техники возделывания пшеницы и выведение пригодных сортов в условиях чрезвычайно влажных, но и теплых предгорий, на своеобразных галечных почвах—есть еще одна из причин, требующих организации в Кабарде опытного дела

Возвращаясь к сортированию зерна, следует указать, что

увеличивающаяся засоренность пшениц куколем требует введения почти неизвестной еще в Области машины—куколеотборника или триера. Считая, что в двухмесячный срок должно быть очищено до 240 тысяч пуд. зерна при суточной производительности около 100 пуд., потребуется для Области не меньше 80 триеров.

В вопросе сортирования и протравливания зерна мы также должны учесть экономическую сторону дела. Агрономическая пропаганда и впредь будет бессильна в этом деле, если в практику не войдет более дифференцированная расценка на засоренное и чистое зерно. При существовавшей до сих пор расценке едва-ли был экономический расчет тщательно сортировать. Опыт некоторых государственных заготовительных органов в Кабарде определенно показал, что расход на очистку и отход далеко не всегда окупается повышением цены за очищенное зерно, поэтому перед местными кооперативными и государственными закупочными органами стоит задача при определении заготовительных цен очень вдумчиво отнестись к калькуляции, все время имея в виду необходимость стимулировать своими ценами сортировочное дело.

Таким образом, ближайшие мероприятия по полеводству сводятся к следующим группам:

I) Учреждение опытного поля и сети коллективных опытов, в программе которых должны между прочим стоять:

а) опыты с различными приемами рядовой культуры кукурузы и других растений:

б) изучение культуры разных сортов яровых и озимых пшениц:

в) опыты с арбузным, кукурузным и другими занятыми парами:

г) испытание трав для залежного травосеяния;

д) опыты откорма кукурузой с точки зрения рентабельности в условиях пастбищного скотоводства и кукурузные силосы.

II) Агрономическая работа по введению рядовой культуры кукурузы путем кукурузных конкурсов и других мероприятий.

III) Восстановление крахмального и паточного производства.

IV) Организация кооперативных маслобойных заводов.

Садоводство и огородничество.

Интерес и рвение к садоводству и огородничеству так велики у населения, что дальнейшее развитие этих отраслей вполне гарантируется даже одной только инструкторской помощью.

Первая задача—это увеличение числа инструкторов, спрос на которых велик. Только одна предгорная полоса требует трех инструкторов—по одному для каждого района этой полосы. Один инструктор требуется для Малой Кабарды.

Вторая нужда—снабжение посадочным материалом. Хороших питомников в области только один—в Нальчике (железнодорожный), но это дело настолько выгодное, что мелкие питомники возникают и в аулах у отдельных крестьян. Прежде всего достаточно большой питомник следует устроить в северо-западном предгорном районе (в Куркужине, например).

Далее, присматриваясь к хозяйству старых садов, мы должны констатировать, что развитие дела в них тормозится отсутствием хорошо организованного сбыта. Кабарда мало привлекает еще приезжих покупателей, как это имеет место в Дагестане или Крыму, и садоводы нередко в урожайные годы терпят убытки большей частью на летних сортах, не выносящих дальнего транспорта и долгой лежки. Организация сушки овощей и фруктов сыграла бы здесь колоссальную роль. Солнца в Кабарде достаточно, чтобы при опытном руководстве даже солнечной сушкой получать рыночный продукт, можно сказать, художественной отделки, годный для отправки на самые требовательные рынки. В числе инструкторов должны быть поэтому специалисты по сушке. Особенного интереса и обследования требует в этом отношении Коповский (Куркужинский) сливяной район. Он мог бы, вероятно, давать чернослив—правда, не первосортный. Организацию скупки и сушки фруктов должна взять на себя с.-х. кооперация и в первую очередь в Баксане (северо-западный район) и в Нальчике (центральный предгорный район).

Скотоводство.

Независимо от различия экономических районов, вся Кабарда страдает одним общим недостатком, не устранив который, трудно говорить о каких-нибудь зоотехнических мероприятиях в области крупно-рогатого скотоводства. Это—уже отмеченный раньше недостаток бугаев. Из-за отсутствия мало-мальски хороших бугаев, а местами из-за отсутствия даже всякого вообще бугая, яловость коров кое-где достигала в год обследования 80 процентов. Средняя по области яловость к 1923 г. уменьшилась, впрочем, до 15%.

Исходя из приблизительной цифры взрослых коров к 1925 г. в 65000 голов (не считая Балкарию) и принимая 50 коров на одного бугая, мы получаем потребность в бугаях в размере 1300 голов.

Центр тяжести мероприятий ложится, во-первых на снабжение населения бугаями и, во-вторых, на непосредственно связанную с этим работу по поднятию мясности, рабочей силы и, отчасти, молочности кабардинского скота.

Каковы же способы поднятия этих качеств?

Старый спор между улучшением посредством прилития иностранных кровей и посредством разведения «в себе» разрешается в современной обстановке просто. Не говоря уже о том, что иностранных производителей в нужном количестве достать теперь совершенно немыслимо, наши «черноморки» настолько исторически константная и выкристаллизовавшаяся порода, родственная по крови румынскому и венгерскому скоту, что трудиться над созданием в Кабарде новой породы или говорить о пересадке на кабардинскую почву какой-либо западно-европейской породы не приходится. Надо улучшить уже существующую породу, имеющую исторические корни и в естественно-исторических условиях края, и в его хозяйственном быте. В некоторых районах области придется обратить внимание на развитие мясных и рабочих качеств, а в предгорных и подгородных и на молочную производительность. Опыты на Украине и Всесоюзная выставка в Москве в 1923 г. уже показали, что серый степной скот при надлежащем уходе и кормлении может достигать высокой молочности—в 200 ведер в год и более.

Как же вести улучшение «в себе»?

Успешно практиковавшиеся в Европе и местами в России приемы улучшения «в себе» сводятся в конце концов к двум главным операциям: во-первых, к отбору и сохранению лучших племенных экземпляров и, во-вторых, к выбрасыванию всех негодных бычков путем их холощения.

Отбор лучших экземпляров может производиться внутри области, а также и вне области путем закупки и ввоза выдающихся экземпляров с Кубани и с Украины, где имелись улучшенные ветви серой степной породы, и молочного и мясного направления. Однако, если удастся таким образом приобрести с большим трудом на стороне по 3-5 экземпляров в год, то на большее в ближайшие годы рассчитывать не приходится, потому что и на Кубани хороших бугаев почти нет. Остается самый верный, самый прочный и самый дешевый способ—выращивание производителей из местного молодняка. Нет надобности вдаваться в подробности мероприятий по рациональному воспитанию молодняка. Отметим только первые шаги на этом пути. Мы полагаем, что работа может быть начата устройством конкурсов по выращиванию молодняка. Однако, для того, чтобы эти конкурсы в течение 4-5 ближайших лет могли дать Кабарде 1300 производителей, нужно чтобы ежегодно в них участвовало не менее 300 бычков. Так как эта цифра довольно крупная, и в ближайшие годы при наблюдающемся пассивном отношении населения, вероятно, не удастся развернуть работу конкурсов так широко, то нужно полагать, что во всяком случае раньше десятилетия и не удастся удовлетворить всю нужду населения в производителях.

Не будем упоминать об основных методах отбора, о выставках молодняка и взрослого скота и т. д.—все это естественно вытекает из поставленной задачи отбора.

Очень важен способ использования выбранных производителей. При существующей в Кабарде вольной случке процент яловости коров и далее не может не оставаться чрезмерно большим. Кроме того, вполне обычная наличность всего только одного бугая на стадо в 200 и более коров не может не вызывать преждевременного истощения производителей, что, разумеется, сказывается, кроме массовой яловости, на измельчании потомства. Важен поэто-

му переход к ручной случке. Необходимая для благоприятного разрешения этого вопроса обстановка требует тех же мер, как и проведение в толщу населения системы выбраковки, рационального кормления и т. п. Необходимо, другими словами, возбуждение самодеятельности самого населения. Опыт показал, что обязательная выбраковка и холощение совершенно немыслимы в массовом применении и удаются только при посредстве скотоводческих кооперативных товариществ, в состав которых добровольно вступают сознательные хозяева-скотоводы.

Что касается эксплоатации производителей на казенных случных пунктах, то опыт также показал, что это способ чрезвычайно дорогой и проходящий при том при безучастном отношении населения. Поэтому на ряду с отбором производителей нужно одновременно вести работу и по созданию скотоводческих кооперативов, бычьих товариществ и т. д. Контрольные союзы в Кабарде едва-ли найдут себе место, пока не разовьется молочная промышленность, но племенные товарищества насадить будет не трудно и сейчас в виду значительного интереса к этому делу со стороны многих скотоводов.

Неуверенность в том, что стадо будет обеспечено на зиму сеном, что удастся получить необходимый при размерах стада сенокосный участок, подрезает интерес к развитию дела. Поэтому обеспечение всех организующихся товариществ особыми участками из общественных нагорных пастбищ в удобных для сенокошения местах (Экинцоко, Кич-Малка, Аурсентх, Кураты) составляет первую деловую задачу при организации скотоводческой кооперации. Можно категорически утверждать, что без решения этого вопроса развитие скотоводства безусловно не сдвинется с мертвой точки.

Все перечисленные меры, однако, осуждены на неуспех, если им не будет сопутствовать развитие интереса у населения к усовершенствованию скотоводческого промысла, а интерес этот может поддерживаться только при наличии уверенного и достаточно выгодного сбыта. Сбыт этот нужно организовать. В северо-западном предгорном районе (Каменномостное-Кармово и друг.) продуктом сбыта может являться молоко, а ближайшим рынком сбыта для него—сыроваренные заводы. До войны в районе Кармова действовало 5-7 таких заводов. Они должны быть восстановлены путем

кооперирования населения и представления им льготных условий. Возможно восстановление заводов и сторонними кооперативными организациями, не имеющими органической связи с местным населением и принимающими от него молоко по условной цене, так же как это делали частные предприниматели.

Ясно, что заводы эти могут быть вместе с тем и маслодельными. Принимая во внимание близость курортов (30-40 верст), можно думать, что маслоделие в этом районе во многих случаях окажется выгоднее сыроварения.

Только с восстановлением молочной промышленности можно будет начать в районе зоотехническую работу. Раньше этого времени бесполезно было бы идти к населению с проповедью улучшения породы в направлении молочной продукции.

Что касается остальных предгорных районов, особенно центрального, вблизи г. Нальчика (Лечинкая, Вольный), то, хотя его и ждет, может-быть, будущность как маслодельного и сыроваренного района, но, пока население его заинтересовано лесными промыслами, организационная работа по зоотехнии тут будет трудна. Опыт кооперации это уже показал. Во всяком случае на первой очереди стоит работа в северо-западном районе.

В степных районах предметом сбыта, вероятно, долго еще останутся мясо, кожа и живой скот, вернее этот последний, потому что он гоном отправляется за границы Области—в Георгиевск и Пятигорск, где уже превращается в мясо, кожи и проч. Население Области несомненно теряет при этом на значительной разнице цен. Устройство заводов мясных консервов или холодильника и рациональная постановка кожевенного дела дадут серьезный толчек крупно-рогатому скотоводству не только в степном районе, но и вышеназванном северо-западном предгорном, потому что, несмотря на развитие там до войны сыроваренного дела, кабардинцы продолжали придерживаться мясо-рабочего направления, а заводы обслуживались молоком скота, пригонявшегося с гор из Балкарии.

Организация скототорговли, консервных и кожевенных заводов, разумеется, дело с.-х. кооперации.

То же самое следовало бы сказать и о продолжении степного района—Малой Кабарде. Устройство холодильника при станции

Муртазово повлияет не только на развитие скотоводства в ней, но изменит и вообще физиономию хозяйства этого обнищалого района. Об этом уже говорилось раньше. Разница, однако. в том. что в степном и прилежащем предгорном районе скотоводство существует, его продуктам нужно дать только выход,—в Малой же Кабарде скотоводство приходится восстановить заново. поэтому к постройке дорогих сооружений следует подходить с большой осторожностью и предварительно тщательно ощупать почву. Точно также как и вышеназванный холодильник. Муртазовский холодильник или консервный завод питался бы продукцией не только Малой Кабарды, но и продукцией предгорных «Анзоровских аулов» из-за Терека.

Таким образом, мероприятия, которые мы считаем вводными к дальнейшей зоотехнической работе, следующие:

1) Скорейший отвод скотоводческого фонда из нагорных пастбищ организуемым скотоводческим кооперативам.

2) Закупка вне области бугаев серой степной породы, по возможности от матерей с повышенной молочной продуктивностью, с передачей их для пользования в организуемые одновременно бычьи товарищества.

3) Широкое распространение конкурсов по выращиванию молодняка для доведения числа улучшенных производителей в Области до 1300 в ближайшее десятилетие.

5) Восстановление сыроваренной промышленности в первую очередь в северо-западном предгорном районе и отвод сыроваренным артелям, а в отдельных случаях и частным предпринимателям, в аренду нагорных участков из скотоводческого фонда на льготных условиях, для частных лиц с условием передачи заводов по истечении срока аренды на полном ходу.

5) Организация маслоделия в центральном предгорном районе.

6) В степном прималкинском районе и в Малой Кабарде организация кооперативных кожевенных заводов. Постройка холодильника в Прохладной или Муртазове.

Коневодство.

Какую лошадь разводить в Кабарде и каким путем должно идти ее разведение?

Не должно быть и речи о заведении какой-нибудь новой привозной породы, кроме коренной кабардинской породы, самостоятельно сложившейся под вековым влиянием местных естественно-исторических и бытовых условий. Правда, местная лошадь измельчала, требует улучшения. Ей нужно прибавить роста и мощности. В каком же направлении вести это улучшение, в верховом или рабочем направлении? Кабарда нуждается в хорошей рабочей лошади. С ростом посевной площади и с постепенным уходом со сцены волов, как сельско-хозяйственного животного, нужда в рабочей лошади растет. Это несомненно. Но вместе с тем мы видим, что природа Кабарды, ее почвы и состав трав дают прекрасную сухую лошадь с твердым копытом, верхового сорта. Это—условия редкие в нашей Республике, и, конечно, государство не может не использовать эти природные данные. Соседние районы по Манычу, например, наоборот производят довольно хорошую рабочую лошадь, которая ввозится и в Кабарду и вообще на Терек. Ясно, что нужно продуцировать в каждом данном районе только то, что он может дать по своим бытовым и природным условиям в лучшем качестве и с наименьшими затратами. Другой точки зрения быть не может.

С точки зрения укрепления кабардинского крестьянского хозяйства необходимо поддержать и развить ту отрасль его хозяйства, которая веками давала ему определенный ежегодный денежный доход—это разведение и воспитание строевой лошади. Едва ли увенчается успехом попытка навязать кабардинцу и заставить его разводить тяжелую лошадь. В других губерниях, наоборот, русский крестьянин с успехом и с большой прибылью для себя разводит именно рабочую лошадь, и в нужных случаях она может ввозиться в Кабарду. Это будет стоить Кабарде дешевле, чем искусственное насаждение в Кабарде нового направления коневодства.

По силе изложенного основной линией в государственных мероприятиях по коневодству должно быть улучшение кабардинской лошади в верховом направлении. Это не исключает, разумеется,

возможности снабжения русского населения Области рысистыми производителями, или, например, колонию Гнаденбург английскими жеребцами, любимыми в этой колонии.

Следующий вопрос: улучшать верховую кабардинскую лошадь «в себе» или же прибегнуть к метизации с английской кровью? Если говорить не об отдельных опытах на отдельных конзаводах, а о массовом улучшении крестьянского коневодства, то мы можем говорить только об улучшении «в себе». Массовое улучшение иностранными производителями неосуществимо прежде всего по экономическим причинам. В Кабарде нормально должно быть около 19000 кобыл. На это количество при массовом улучшении требуется больше 500 жеребцов. Такого количества кровных английских жеребцов достать, конечно, немыслимо. Жалеть об этом нечего, так как мы не знаем примера массового возрождения скотоводства какой-нибудь страны путем метизации с привозными производителями. Все известные нам случаи быстрого и прочного развития коневодства, как в Бельгии, Ольденбурге, Ганновере, производились исключительно разведением «в себе». Не является исключением и английская скаковая лошадь, так как она улучшалась несколько столетий и прилив к ней арабской крови имел небольшое место и чрезвычайно давно.

В частности, значение английской крови для малорослых кабардинских лошадей совершенно невыяснено. Результатов деятельности английских жеребцов мы еще почти не знаем. Известные же нам примеры из других районов дают скорее отрицательные результаты. Из этого не следует, что нужно прервать опыт, который уже достаточное время в Кабарде ведется Ашабовским конзаводом, но нужно ввести выставки жеребят приплода от ашабовских жеребцов, и только после наблюдения этих выставок в течение нескольких лет можно будет сказать—действительно ли приличие английской крови портит кабардинскую породу, или же, наоборот—опыт Ашабовского конного завода полезно будет расширить.

Таким образом, массовое улучшение будет и экономнее и осторожнее вести пока по методу разведения «в себе». Это остается единственным методом массового улучшения крестьянской лошади.

Какие же меры должен содержать план улучшения «в себе»? Это меры двоякого вида: отбор лучших экземпляров и выбраковка

(холощение) худших экземпляров. Отбор наиболее выдающихся жеребцов и кобыл может производиться, главным образом, посредством скачек. Около трех раз в год в Нальчике, а при благоприятных условиях и в округах, надлежит устраивать скачки со специальными заездами для жеребцов и кобыл. Премированные экземпляры должны заноситься в племенную книгу кабардинской породы и снабжаться особыми удостоверениями с подробным описанием примет. Вывоз таких племенных экземпляров за пределы Кабарды должен быть безусловно воспрещен на несколько ближайших лет, иначе при жадности спроса на кабардинскую лошадь будут совершенно бесплодны всякие меры по восстановлению кабардинской лошади.

Одобренные производители должны быть широко использованы на случных пунктах. Правда, казенные случные пункты почти везде и почти всегда функционировали не совсем удачно. Отдача жеребцов в пользование сельскому обществу давала еще более скверные результаты: весной их чрезмерно истощали, а зимой совершенно не кормили. Желательно было бы поэтому по возможности избегать обоих способов и стремиться к тому, чтобы жеребцы, оставаясь у своих владельцев, обслуживали тем не менее население. В периоды бескормицы хозяева одобренных жеребцов должны иметь право ставить своих животных в случае надобности на казенный фураж.

Необходимою мерою для поощрения хозяев-владельцев одобренных жеребцов должен быть отвод им сенокосных участков из нагорных пастбищ. Эта мера явится не только поощрением, но и даст возможность действительно, как следует, поставить содержание производителей.

Совершенно обойтись без случных пунктов, однако, нельзя, но полезно было бы во всех отношениях, чтобы часть их возникла путем образования специальных кооперативов, так называемых коневодных товариществ. Для организации подобных товариществ и субсидии их на первых шагах их деятельности должны быть ассигнованы соответствующие суммы. Кроме этих ассигнований, необходимо снабжение коневодных товариществ специальными участками нагорных пастбищ. Эта мера может сыграть особенно большую роль. Благодаря ей может возродиться старое кабардинское косячное коневодство, но в обновленных кооперативных формах.

Независимо от сказанного, часть случных пунктов несомненно будет оставаться все-таки казенными. Необходимо отметить здесь одно важное обстоятельство, играющее всегда большую роль: случка на пунктах должна быть платная, и плата должна быть достаточно высокая. Дело в том, что, при низкой плате на казенных пунктах, вынуждены понижать плату и частные владельцы жеребцов, между тем как только выгодность этого промысла, только хороший доход от использования производителя, может остановить владельца от кастрации своего жеребца и помирить с неудобствами, которые несет с собой держание буйного жеребца в маленьком крестьянском хозяйстве. Эти неудобства, несомненно, сыграли известную роль в том исчезновении жеребцов, которое мы теперь наблюдаем в кабардинском хозяйстве.

Где же добыть хороших производителей кабардинской породы для укомплектования случных пунктов? В Кабарде не найдется нужного количества хороших экземпляров, могущих дать рост и надлежащий костяк новому улучшенному поколению кабардинской лошади,—поэтому таких производителей, точно как и маток, неизбежно придется ввозить извне. Нужно назначить постоянную закупочную комиссию для отыскания выдающихся экземпляров кабардинской породы в соседних районах: Ингушетии, Осетии, Терском округе и т. д. Но одна эта мера многого не даст, и потому придется думать о ввозе жеребцов родственных отродий: карабахских, может-быть туркменов.

Таким образом, с одной стороны должна идти работа по ввозу лучших производителей, по отбору их внутри Кабарды и по содержанию и задержанию их внутри области с принятием мер против распространенной теперь кастрации. Навстречу этому должна идти другая работа по удалению из общего оборота производителей порочных или ниже среднего качества, ухудшающих породу. Это достигается путем обязательной выбраковки и кастрации. Применить эту меру в данный момент ко всем коневладельцам было бы, однако, не вполне желательно. Предпочтительно, чтобы такая выбраковка производилась добровольно и сознательно путем участия населения в вышеназванных товариществах коневодов, участие в которых предусматривает по уставу и подчинение браковке, если таковая будет признана необходимой. По мере возни-

кновения таких союзов можно будет расширить и деятельность браковочных комиссий.

Повторяем список важнейших мероприятий:

1) Скорейший отвод владельцам одобренных производителей сенокосных и пастбищных участков из нагорного фонда.

2) Организация коневодов в коневодственные товарищества с льготной сдачей им отмеченных в предыдущем пункте участков.

3) Организация закупки в сопредельных областях жеребцов и маток, угнанных в свое время из Кабарды и перепродажа их в рассрочку коневодственным товариществам.

4) Отбор производителей и маток из местного материала посредством скачек областных в Нальчике и окружных в Баксане и Малой Кабарде, с записью в племенную книгу и льготами, присвоенными одобренным животным.

5) Ежегодные выставки молодняка, в частности полученного от производителей Ашабовского конного завода.

Овцеводство.

Материалы обследования не дают ответа на многие существенные вопросы экономики овцеводства, поэтому агрономическая работа по овцеводству на первых шагах своих должна будет иметь до известной степени исследовательский характер. Чистая оплата рабочего дня в овцеводстве, как мы видели, высока, однако, не везде, а, повидимому, только в многоземельных аулах или в аулах, смежных с Зольскими пастбищами. Во многих случаях оплата труда в овцеводстве могла бы повыситься увеличением продуктивности местной овцы, а в некоторых и улучшением условий ее сбыта.

Экспортирование овцы гоном в Петровск и Баку, разумеется, не выгодно для производителя по множеству причин. Устройство же холодильника, о котором говорилось уже выше, внесло бы в условия сбыта баранины огромный перелом. Вкусовые качества кабардинского барашка общеизвестны, и они не только выше русской баранины, но стоят наравне, а, может-быть, и выше забайкальской и алжирской баранины. Во всяком случае для кабардинской баранины могли бы быть доступны Московский и Ленинград-

ский рынки, на которые проникала прежде даже австралийская баранина в консервах.

Продуктивность овцы в Кабарде, как мы видели, чрезвычайно низка, и разводимая здесь карачаевская овца мельче своих сородичей, разводимых в Карачае. Причины измельчения необходимо предварительно изучить. Может-быть, здесь имеет место нерациональный подбор и родственное спаривание. Необходимо во всяком случае закупка более сильных производителей из Карачая. Затем необходимо испытать метизацию с каракулями. Доход от смушек должен будет от этого повыситься. Как это повлияет на другие элементы доходности—покажет опыт.

Агрономическая сеть.

Не придавая исчерпывающего значения агрономической пропаганде и не преувеличивая значения даже так называемых показательных мероприятий, мы отнюдь этим не отрицаем необходимости в местных агрономах. Для проведения вышеназванных мероприятий на местах должны быть какие-то проводники, инструкторы и исполнители, остающиеся в постоянной связи с населением, без которых кооперативные и другие дополнительные мероприятия не будут оставлять корней в почве. Участковая или районная агрономическая сеть и должны быть этой корневой системой.

Чем эта сеть будет гуще, тем ближе агроном будет стоять к населению. В ближайшие годы желательно было бы достигнуть такой густоты агрономических участков, при которой средний радиус агроучастка составлял бы не более 15 верст. При таком расчете кабардинская часть области потребовало бы 8 агроучастков.

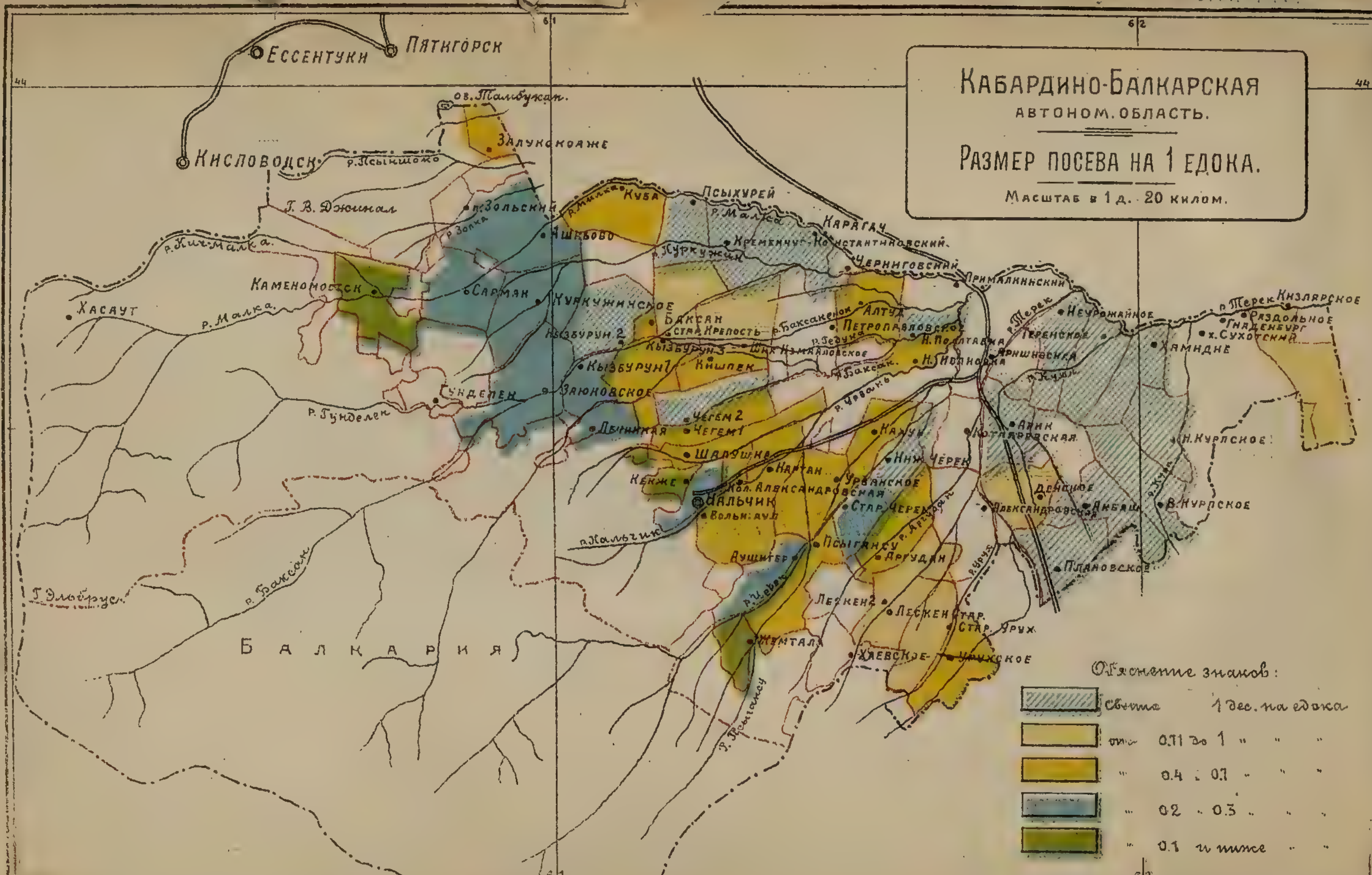
Произведенное нами районирование позволяет, намечая границы отдельных агроучастков, поставить более или менее определенно те хозяйственно-организационные и агрикультурные задачи, которые должны лечь во главу угла всей работы агронома каждого данного участка.

Примерно можно наметить такую сеть со специализированными задачами:

Агроучастки.	Специализация.
1. Северо-западн. предгорный (местожит. агронома—Малка).	Молочное хозяйство и садоводство.
2. Центральный предгорный (местожит. агронома—Нальчик).	Садоводство и маслоделие.
3. Юго-восточный предгорный.	Садоводство.
4. Степной западный (местожительство агронома—Куба или Залукокоаже).	Полеводство и животноводство.
5. Степной восточный (местожит. агр.—Прохладная).	Полеводство.
6. Котляревский.	Полеводство и садоводство.
7. Южно-Мало-Кабардинский (местожит. агронома—Дейское).	Полеводство и садоводство.
8. Северный Мало-Кабардинский (местожит. агрон.—Гнаденбург).	Полеводство и виноделие.

Такая наметка основной задачи, конечно, отнюдь не устраняет необходимости работать и в других отраслях хозяйства. Но такой принцип районирования дает возможность в каждом агроучастке воздействовать преимущественно на ту отрасль хозяйства, которая в данном районе даст наибольший эффект на агрономические мероприятия. В одних районах население охотнее всего реагирует на агрономические мероприятия по садоводству, в других—на мероприятия по маслоделию и т. д.

В каждый такой район требуется назначить в качестве районного агронома специалиста именно по данной отрасли хозяйства. В дальнейшем неизбежна будет в каждом участке наличность помощников агрономов—специалистов и по другим отраслям, так как жизнь будет пред'являть требование к обслуживанию всех производительных отраслей хозяйства, что возможно будет осуществить только при наличности значительного кадра специалистов.


Кабардино-Балкарская
автоном. область.
Размер посева на 1 едока.
Масштаб в 1 д. 20 килом.
Объяснение знаков:
свыше 1 дес. на едока
от 0.11 до 1 " "
" 0.4 : 0.7 " "
" 0.2 . 0.3 " "
" 0.1 и ниже " "
Ессентуки
Пятигорск
Кисловодск
Балкария
Хасаут
Каменномостск
Сарман
Гунделен
Нальчик
Кубa
Псыхурей
Карагач
Черниговский
Прималкинский
Неурожайное
Хамидне
Кизлярское
Раздольное
Баксан
Кишпек
Шалушка
Нартан
Урванское
Аргудан
Лескен 2
Жемтал
Старый Урух
Котляревская
Анин
Плановское
Н. Курпское
В. Курпское
Г. Эльбрус
р. Баксан
р. Малка
р. Терек
р. Гунделен

Цена 3 р. 50 к.